

А. Т. Кривоносов

Слово и мысль

Вопросы взаимодействия
языка и мышления

А. Т. Кривоносов

**Слово и мысль. Вопросы
взаимодействия
языка и мышления**

«Издательские решения»

Кривоносов А. Т.

Слово и мысль. Вопросы взаимодействия языка
и мышления / А. Т. Кривоносов — «Издательские
решения»,

ISBN 978-5-44-837649-8

Это научное исследование посвящено не только критическому анализу и осмыслению давно ставшей традиционной и широко дискутируемой теории «взаимоотношения языка и мышления», но и всех основных, связанных с нею, теоретических проблем языкознания.

ISBN 978-5-44-837649-8

© Кривоносов А. Т.
© Издательские решения

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
Глава 1	10
О ПРИРОДЕ ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА	11
§1. Четырёхуровневая структура языкового знака	11
I. Что такое языковой знак?	12
II. Модель языкового знака	16
III. Свойства языкового знака	28
1) Сущность знака – замещение другого предмета	28
2) Языковые знаки – продукт общественной практики человека	28
3) Различная материальная реализация знака	29
4) Различная протяжённость знака. Текст как расширенный знак	30
5) Не только материя знака, но и её идеальный образ в сознании – тоже знак	33
6) Языковой знак удобен для хранения и его передачи поколениям	35
7) Асимметрия в знаке между звуком и его ассоциативным	35
10) Языковой знак и мышление	38
§2. Фонема	43
1) Фонема – фундамент строения и функционирования языка	43
2) Фонема и мышление	45
Глава 2	50
ЯЗЫК	51
§1. Внутренние механизмы языка	51
1) Сущность языка определяется природой языкового знака	51
2) В природе языка лежит основной закон диалектики – взаимодействие материального и идеального	58
3) Язык – объект изучения многих наук	61
§2. Как понимается язык в современном теоретическом языкознании?	63
1) Материальность языка – его единственное свойство	63
2) Язык включает в себя материальную и идеальную стороны	64
3) Три сферы существования языка: в сознании, в тексте	65
4) Язык существует в виде «пространства мысли», «дома бытия»?	65
5) Функции языка манифестируют его сущность	66
6) Язык – это универсальный код	66
7) Языку придаётся статус самостоятельного организма	67
§3. Что в языке первично – субстанция знаков, или их взаимные отношения?	70

1) Первичное в языке – отношения между знаками, их структура	70
2) Первичное в языке, по мнению марксистских лингвистов, – субстанция, значение, подчиняющее структуру языка	84
3) Знаковая система, как считают марксистские лингвисты, зависит от действительности, она подобна материальному миру	89
4) Идеальная сторона языка тоже не произвольна, ибо она, как	90
5) «Субстанция» и «отношения» – взаимозависимы и	91
6) Итак, что первично в языке: «субстанция» или «отношения»?	97
Глава 3	102
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЯЗЫКА, МЫШЛЕНИЯ, СОЗНАНИЯ, ПАМЯТИ	103
§1. Мышление, сознание, память	103
§2. Структура мышления	106
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Слово и мысль

Вопросы взаимодействия языка и мышления

А. Т. Кривоносов

© А. Т. Кривоносов, 2017

ISBN 978-5-4483-7649-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Посвящаю моей жене Маине Кривоносовой (Троицкой),
сыну Борису, дочери Татьяне,
и внукам Andrew, Anthony, John и Nickolas*

Всё, что видим мы, – видимость только одна,
Далеко от поверхности моря до дна.
Полагай несущественным явное в мире,
Ибо тайная сущность вещей не видна.
(Омар Хайям)

Два мира есть у человека:
Один, который нас творил,
Другой, который мы от века
Творим по мере наших сил.
(Н. Заболоцкий)

Сущность языка – в той мере, в какой она вообще может открыться, –
«открывается» не инструментальному, а философскому взгляду.
(Ю. Степанов)

Философия – это наука, показывающая мухе выход из мухоловки.
(Л. Витгенштейн)

Итог философии – обнаружение тех или иных несурязиц и тех шишек,
которые набивает рассудок, наталкиваясь на границы языка. Именно эти
шишки и позволяют нам оценить значимость философских открытий.
(Л. Витгенштейн)

Dixi et animam levavi. (Сказал, и облегчил душу).
(Античная мудрость)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Философское истолкование языка обычно вызывает у лингвистов некоторую настороженность и даже опаску. Поскольку лингвист плохо осведомлён в области философских идей, он склонен думать, что проблемы языка – это только чисто лингвистические проблемы о формах и отношениях в языке и философские проблемы, следовательно, не могут привлечь его внимание. Или, напротив, философа интересуют в языке главным образом такие явления, которые для эмпирического лингвиста не представляют никакого интереса. Нужно ещё добавить к этому – боязнь лингвистов к общим, философским обобщениям и, с другой стороны, нежелание логиков посмотреть, как логические формы мысли взаимодействуют в структурах естественного языка, из недр которого генетически вышла формальная логика.

Естественные языки – уникальное явление, в котором проявляются все стороны диалектики как философской науки. Подлинные философские сокровища, лежащие в тайниках языка, всё ещё остаются скрытыми, о которых мы имеем весьма смутные, разрозненные представления.

В книге я затрагиваю некоторые вопросы, никогда не бывшие в поле зрения лингвиста и не интересовавшие языковедение. Но коль скоро «язык» – это объект со многими связями, науками, значит, есть необходимость рассмотреть и это. Отсюда – необычные проблемы, не совсем привычные для лингвиста. Своеобразие этой книги состоит в том, что она построена вокруг существующих в языковедении, психологии, логике, философии проблем, теорий, гипотез, **непосредственно** связанных с теорией языка. В книге намечены те основы, на которых должно строиться истинное теоретическое языковедение. Эта книга – переоценка пройденного пути в некоторых областях теоретического языковедения, попытка сбросить идеологическую шелуху с многих проблем теории языка.

Всякая теория, если она хочет быть теорией, должна знать, что было до неё и какие постулаты послужили её становлению. Лингвиста, так же, как и писателя, всегда поражало богатство его родного языка, имеющего в своём арсенале средства для выражения всех задуманных мыслей и идей. Но ещё больше их поражало то, что и другие, чужие языки – а им несть числа, – обладая, по крайней мере, некоторые из них, таким же, но совершенно особым, своим собственным богатством, также хорошо служат людям, говорящим на этих языках.

В связи с этим возникает много вопросов. А что значит «хорошо служить людям» – воспринимают ли они через свой язык тот же мир, что и другие люди, говорящие на других языках, или иной мир? Если тот же мир, то как разрешается противоречие между единством мира для людей всех наций и множеством национальных языков, как люди с разными языками обмениваются мнениями об одном и том же мире? Как же совместить единство мира и мышления для всех людей Земли, с одной стороны, с существованием множества совершенно разных языков, с другой стороны? Действительно ли люди, говорящие на разных языках, по-разному воспринимают и отражают мир в своём сознании, как утверждают авторы некоторых теорий? В череде возможных вопросов, решающих проблему соотношения языка и мира, языка и мышления, одним из первых может быть вопрос: почему всё же существует множество языков, если мир един и физиологический механизм мышления и отражения мира в этом мышлении у всех людей тоже един? Где локализован этот «язык», или, например, где находится бесписьменный юкагирский язык, когда все юкагиры спят (число говорящих на этом языке – 250 человек)?

Проблема взаимодействия языка и мышления была и остаётся камнем преткновения для теоретического языковедения. На сегодняшний день теория языковедения не располагает достаточно убедительными сведениями о механизме взаимодействия между языком и мыш-

лением: связь эта «неразрывна» в том смысле, что без мышления нет языка, а без языка нет мышления, или эта связь «разрывна» в том смысле, что или существуют какие-то фрагменты, аспекты мышления, не требующие языковой опоры, или существуют языковые конструкции, не несущие никакой мысли. Если утверждать первое, то мы должны признать, что не существует отдельно мышления и отдельно языка, а существует некий нерасчленённый, сплавленный феномен «язык – мышление», в котором язык равен мышлению, а мышление – языку. Если утверждать второе, то мы должны признать, что некоторые фрагменты мышления осуществляются вне языковой опоры. И та, и другая точки зрения о взаимоотношении языка и мышления – а такие точки зрения существуют среди философов, психологов, лингвистов – ждут ещё своего изучения.

Познать тайны мозга с точки зрения языка – далеко не праздное любопытство. Эта проблема имеет огромное теоретическое значение для многих наук, и не в последнюю очередь для языкознания. Мы не располагаем однозначными сведениями о том, что такое язык на фоне мышления и что такое мышление на фоне языка. Лингвист тоже может, как и нейробиологи и нейропсихологи, изучать функциональную структуру мозга, но лишь с точки зрения употребления языковых структур. Языковед может ставить перед собой и такую цель: показать, какие структуры естественного языка находят своё отражение в логико-семантической структуре текста, как они привязаны к определённым структурам мыслительных процессов, к определённым формам мысли, а также исследовать взаимодействие между языком, действительностью, мышлением, сознанием, памятью, логикой, речью, текстом, т.е. «ничейную землю» на стыках между выше указанными областями, до сих пор остающуюся terra incognita.

Эта книга посвящена не только критическому анализу и осмыслению давно ставшей традиционной и вечно дискутируемой теории «взаимоотношения языка и мышления», но и всех, связанных с нею, теоретических проблем языкознания.

Но книга не только об этом – внутри самой теории «взаимодействия языка и мышления» проблему природы языка, без выхода за её пределы, решить невозможно. Книга одновременно посвящена и другому вопросу, подрывающему основы сегодняшней теории «взаимоотношения языка и мышления», – обсуждению сущности *двухуровневого* процесса мышления, раскрывающейся в языке в форме взаимодействия семантических и логических форм мышления. В книге поставлено много проблем, некоторые из них рассматриваются здесь в разных разделах в силу того, что они касаются разных сторон теории языка. Некоторые проблемы освещены подробно, некоторые вскользь, в том числе из таких наук, по ведомству которых я не числюсь профессионалом. Тем не менее, я касаюсь этих проблем, потому что все они, как ручейки, текут в один океан, называемый «языком». Языкознание считают наукой по преимуществу и даже чисто эмпирической, гуманитарной или исторической. Такая точка зрения в лучшем случае является наивной. Если исследователь добросовестен и пытлив, он вынужден будет задуматься над общими проблемами языкознания. От теории никуда не уйти ни одному лингвисту. Главное в книге – **диалектико-философские размышления** о том, что языка в принятом, обычном его понимании как нечто изолированного от мышления, не существует, и он должен быть передан в сферу мышления.

О мышлении как о нечто аморфном и расплывчатом, всегда описываемом лишь в туманных словах, лишь каким-то краем касающемся якобы независимого от мышления языка, который в то же время считается чем-то самостоятельным и даже влияющим на это мышление, пора забыть. Наш язык, во-первых, это внутримозговые процессы взаимодействия нейронных клеток, во – вторых – это материализованный, внешне выраженный процесс мышления с помощью материальных знаков. Это всегда **двухуровневый процесс мышления** в виде двух его абстрактных форм – семантической и логической. В том, что мы

называем языком, отражено свойство как семантического, языкового, знакового, так и логического мышления.

При анализе какой-либо теории я затрагиваю не только вопросы этой теории, но и другие проблемы языка. Это неизбежно. Я пытаюсь каждую обсуждаемую здесь идею **поставить на ноги и найти ей место в системе** теоретических знаний о сущности языка. Это позволяет создать более или менее цельную картину по обсуждаемому вопросу и помогает в конечном счёте выйти на неизбежную для всех лингвистическую дорогу – понимания **природы языка**.

Опираясь на теории различных лингвистов, логиков, психологов, философов я подвожу читателя к главной цели моей книги – **к раскрытию сущности взаимодействия языка и мышления**. Теоретическим языкознанием наиболее успешно можно заниматься, **лишь усвоив основы** логики, психологии, философии, т.е. основы «нелингвистических» наук, но прежде всего и безусловно в области их *связей* с естественным языком. **Без этого нет теоретического** языкознания. Нельзя изучать язык как объект теоретического языкознания только в самом себе, не выходя за его границы, которые нам, собственно, ещё неизвестны.

*1 сентября 2016 года
Нью-Йорк*

Глава 1

О ПРИРОДЕ ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА

§1. Четырёхуровневая структура языкового знака

I. Что такое языковой знак?

От обывательского до научного понимания языкового знака – дистанция огромного размера. Понятие «знак» получило в языкознании широкое распространение: языкознание уже не может обойтись без этого термина. Но так как широкое распространение этого знака имеет и свою отрицательную сторону, ибо его использование по поводу и без повода вносит в это понятие известную путаницу, то понятие «знак» получило в языкознании некий обывательно-лингвистический налёт. Этот термин требует серьёзного, вдумчивого анализа, однако значение этого понятия толкуется каждым, как ему удобно, поэтому общую, обязательную теорию знака из этих рассуждений вывести невозможно.

Изучение знаковой теории языка является делом чрезвычайно сложным. Казалось бы, что может быть проще того, что слово есть знак? Однако знаковое понимание языка требует огромных усилий. Для выяснения сущности знака приходится входить в разные глубины теоретического языкознания, психологии, логики и философии. Знак – не пустая форма, он всегда наполнен содержанием.

Знак вещи всегда демонстрирует вещь, вырывает её из смутного потока действительности, освещает вещь, даёт знать о её реальном существовании. Если мы обозначили данную вещь, назвали её, то уже тем самым мы сделали её предметом нашего ещё нерасчлennённого ощущения и мышления. Если предмет никак не обозначен, то он для нас остаётся чем-то туманным, неясным, или как бы вообще не существующим. Знак вещи вызывает к нам о существовании этой вещи, как бы повелительно требует её признания.

Язык – наивысшая форма способности человека, язык неотделим от сущности самого человека. Люди всегда воспевали могущество слова, языка, будто он создаёт реальность, отражает её, позволяет видеть то, чего нет, восстанавливает то, что исчезло. Нет силы, якобы, более высокой, чем слово, и всё могущество человека проистекает из слова. Благодаря языку возможен индивид, общество. Сознание ребёнка всегда пробуждается с овладения словом. Почему на языке основан человек и весь идеальный, второй мир, в голове человека? Потому что язык есть наивысшая форма способности человека, неотделимой от сущности самого человека, от его способности к символизации, т.е. представлять реальную действительность с помощью знаков, устанавливать отношения между вещами, между людьми.

Главное – материя знака? Нет, главное то, что она символизирует в мозгу человека – понятия, суждения. Но и эти последние не могут существовать ни без внутренней материи, живой материи мозга, ни без внешней мёртвой материи, материи знаков.

Что такое языковой знак и какова его роль в мышлении и познании мира? «Знак есть непосредственное созерцание, представляющее совершенно другое содержание, чем то, которое оно имеет само по себе» [Гегель, 1956, т. 1:256]. Гегель, великий диалектик, отрицает сходство знака и изображаемого им предмета. «Знак отличен от символа, последний есть некоторое созерцание, собственная определённость которого по своей сущности и понятию является более или менее тем же самым содержанием, которое оно как символ выражает. Напротив, когда речь идёт о знаке как таковом, то собственное содержание созерцания и то, коего оно является знаком, не имеют между собою ничего общего» [Гегель, т. 3: 265 – 266].

Как пишет Гегель, внутри знака как материи мы не найдём значения, как мы не увидим стоимости в «теле» товара. Не найдём значения и вне знака. Значение – не субстанция, а функция знака, имеет цель нести информацию о другом, отличном от него самого. Знак относит к чему-то другому, отличного от него самого. Предмет (в данном случае звук, буква, слово, – А.К.) в роли знака уничтожает своё «наличное бытие» и «даёт ему в качестве его значения и его души другое содержание» [Гегель, 1956, т. 3:266]. Само бытие знака – это «бытие для другого» и, овладевая знаком, мы овладеваем другим предметным содержанием, кото-

рое не является, однако, её собственной сущностью и к которому эта вещь относится, как чуждая. Но, кроме того, она обладает также своим собственным значением, которое не связано с природой самого предмета, обозначенного этой вещью. Таким образом, обозначение – произвольно. Знаком чего должна быть вещь – это в большей или меньшей мере дело соглашения (Konvenienz)» [Гегель, 1973:40]. «Название какой-либо вещи не имеет ничего общего с её природой. Я решительно ничего не знаю о данном человеке, если знаю только, что его зовут Яковом. Точно так же и в денежных названиях – фунт, талер, франк, дукат и т. д. – изглаживается всякий след отношения стоимости» [Маркс, Энгельс, т. 23:110].

Между знаком и обозначаемым нет и не может быть никакой иной связи, кроме знаковой, всякая иная связь исключается, и это-то и конституирует знаковую функцию. Иначе между знаками не было бы свободной обмениваемости. Отсутствие всякой мотивированности есть железный признак знаков. Знаковая функция и есть образование связи между двумя материальными явлениями, не имеющими между собой никакой связи. Человеческие языковые знаки – это антагонисты тем, какие воспринимаются или подаются животными. Знаки языка взаимозаменяемы, замещают друг друга, подменяют один другого. У животного не может быть двух разных звуков для одного и того же состояния. Языковой знак имеет эквивалент, однозначную замену, нет такого слова, которое нельзя было бы передать другими словами. Только благодаря отсутствию сходства и их причастности к изображаемым предметам они вступают в связи, отношения, операции между собой. Знак есть сигнал, но лишь функционирующий в обществе, связанный с системой социально выработанных значений. Знак обладает особым свойством приписываемой ему идеальной формы, но хранящейся не в самом знаке, а в мозгу. Эта идеальная форма для человека есть универсальное средство аккумуляции всего многообразия содержания мира, духовной культуры.

Чем отличается «знак» как материя от других материальных вещей? Он обладает особым свойством своей, приписываемой ему условной «идеальной формы», но хранящейся не в самом знаке, а в мозгу, и эта «идеальная форма» для человека есть универсальное средство аккумуляции всего многообразия содержания мира, духовной культуры, которая в психике человека отчуждена от материальной действительности и как бы представляет для человека вторую реальную действительность.

В знаковой деятельности мы оперируем лишь чувственно воспринимаемыми предметами вместо других. Это есть деятельность, целью которой является овладение другими вещами. Языковые средства служат заместителями объектов. Обозначая предметы с помощью словесных знаков, мы их делаем информативными и превращаем в средства коммуникации. Языковые знаки – фактор идеализации внешнепредметных операций, превращение их из материальных в идеальные действия, позволяющие схватывать объективное содержание, отражать внешний мир и служить средством организации своего и чужого поведения.

Обозначение предметов с помощью знаков приводит к тому, что внешнепредметная деятельность свёртывается, превращается в знаковую. Знак – не просто вещь, а определённое общественное отношение, скрытое под внешней материальной оболочкой. Знак вообще есть общественное отношение, связь людей через посредство знания, которое условно за знаком закрепляется и носителем которого он является. Возникнув в ходе трудовой деятельности как механизм регуляции поведения, знаковые системы с течением времени обособляются от непосредственного трудового процесса, служа в форме теоретической деятельности задачам познания внешнего мира.

Природа языкового знака есть исходный пункт лингвистического объекта вообще, т.е. того, что мы всегда называем «языком». Проблема природы языкового знака перерастает в природу самого объекта лингвистического анализа, основу всего теоретического языкознания. Знак и знаковая природа языка, как пишут некоторые лингвисты, – это та роза в лингвистическом цветнике, на которой больше всего шипов. Выбор знака не основан на разумной

норме, языковой знак произволен, немотивирован. Следствия этого определения неисчерпаемы, они подчиняют себе всю лингвистику.

В возникновении и развитии сознания человека знаки сыграли выдающуюся роль очеловечения актов сознания. Когда зачатки осознанного поведения соединились с мыслью при помощи знаков, то это обогатило мысли, его формы, структуру процесса мышления. Знаки позволили обобщать чувственные отображения и строить на их базе отображения логические. Знаки влияют на сознание путём обогащения нервно-мозговых связей, но и сознание влияет на знаки через появления новых знаков. Развитие и деятельность сознания – главное условие, вызвавшее перемены в системе знаков (в лексико-семантической системе языка), под влиянием общества. Но все эти обогащения, взаимовлияния в знаковой системе и, следовательно, в системе семантических значений, а значит и в системе логических понятий, происходит только через деятельность сознания. Сознание готовит понятия для их объективации внутри процесса мышления и правила их реализации вовне мозга.

Развитие сознания человека заложено в его физиологическом устройстве, во врождённой, данной от природы способности к овладению языком. Без знаков человек остался бы дикарём. Нельзя без знаков, слов общаться, овладевать сокровищницей человеческих знаний. Только языковой знак, звуковое и графическое его изображение есть главнейший в мире *monumentum aere perennius* («вечный памятник»), только знак лежит в основе становления человека и прогресса.

Итак, знак – это заместитель. Но сразу же возникает вопрос: благодаря каким свойствам он – заместитель, и как он осуществляет такое замещение? Всегда возможна двойственная трактовка сути знака. Первая функция – это нечто для себя, вторая – нечто для другого. Любой конкретный предмет функционирует только как предмет, как предмет в себе и для самого себя, языковой же знак функционирует как знак только для другого, благодаря абстрактным моментам, живущим в сознании, и в тесном взаимодействии с предметами, ассоциативно связанными с ними в мозгу. Это различие в знаке есть основное, философское различие между материальным и идеальным, более конкретно – между фонетикой и фонологией, между звуком (буквой) и фонемой (графемой).

Человек отличается от животных тем, что он живёт не инстинктами, а разумом. Но разум скрыт за толщей телесной оболочки. Поэтому человек должен иметь что-то, какое-то интеллектуальное средство. Для познания и общения нужен знак, который был бы одновременно чувственной и рациональной, абстрактной природы. Таким свойством обладает языковой знак, способный что-то означать, сообщать, но только в сознании по ассоциативной связи с реальным внешним предметом, и только потому, что эта ассоциативная связь локализована в мозгу. Знак – это способ теоретического освоения мира. В знаке *дерево* нет указаний на реальный экземпляр класса *деревьев*, он не связан с конкретным *деревом*. Но этот внешний материальный знак удерживает в мозгу все существенные признаки всех *деревьев* мира. Поэтому знак есть представитель, имя, вобравшее в себя все существенные признаки всех *деревьев*, т.е. он выступает как познавательный представитель единичного предмета *дерево* и как отчуждённая форма всех реальных *деревьев*.

Языковое сознание человека как отражение структуры мира не могло возникнуть без материи знаков. Прежде чем появиться, сознание прошло через психические и логические формы знака, превратившись в фонемы и понятия. Сознание, наука невозможны без понятий, которые приводят мир в определённую систему. Ведь количество предметов и их признаков неисчислимо, и они требуют обобщения под одним знаком нескольких понятий, число которых не может быть замкнутым целым. Сознание человека, наука дробят мир, чтобы снова сложить его в стройную систему понятий.

Знак вещи всегда демонстрирует эту вещь, вырывает её из смутного и непознаваемого потока действительности. Если мы обозначили данную вещь и назвали данную вещь, то

уже тем самым мы сделали её предметом нашего ясного и расчленённого сознания, ощущения, мышления. Если предмет не обозначен, он для нас остаётся чем-то туманным, расплывчатым, неясным и даже как бы несуществующим. Знак вещи или предмета взывает к нам о существовании этих вещей и предметов, повелительно требуя их признания. Переход чувственного образа предмета в логическое понятие об этом предмете, как высшей человеческой формы мысли, может совершаться только посредством знака языка, слова. Но сама материя слова, будучи произвольной, не создаёт понятия из чувственного образа. Это – обязанность мышления, работы нейронной системы.

Человек может судить о своих, но главным образом о чужих внутренних процессах не иначе, как только через знак и выносить продукцию этих умственных процессов мозга за его пределы только через знак. Другим способом обнаружить эти процессы невозможно, только так можно объективировать словом внутреннее душевное состояние человека. Через знаки человек объективирует свою мысль и тем самым имеет возможность задерживать свою мысль в мозгу и подвергать её обработке. Знаки – это орудия для совершенствования, оттачивания мысли, ставшие как бы внешним предметом по отношению к мысли. Объективируя мысль в слове, человек как бы смотрит на свою мысль (в тексте) или слушает свою мысль (в устной речи). В слове не заключена сама мысль, а только её идеальный отпечаток, который находится в сознании по ассоциативной связи с материей знака. Материализация мысли вовне есть также акт самопонимания.

Что является в знаке первичным – его физическая субстанция или его идеальная структура, образ? Основная сущность материального знака – его материальный характер. А идеальные образы знаков в сознании говорящих являются лишь обычными психическими отражениями материального звучания и произношения, постоянно воспроизводимых. Если бы знак не существовал в материальной субстанции, никакой идеальной образ этого знака был бы невозможен.

Языковой знак – это природная материя, но такая, которая связана не только с чувственным мышлением – ощущением, восприятием, представлением, но, главным образом, с абстрактными формами мышления – с фонемами, понятиями, суждениями, умозаключениями. Знак – это материя, принявшая форму своего идеального образа. Знак – это естественная материя, идеальные следы которой ассоциативно отложились в нейронной системе мозга. Естественно, никакая внешняя материя не может быть втиснута в мозг, материя вводится в мозг только в виде её абстрактного, идеального образа, понятия, которое, однако, не есть принадлежность самого знака, а собственность мозга. Поэтому всякие рассуждения о том, что язык имеет значения, что язык связан с миром непосредственно и отражает этот мир, что язык выражает мысли – это бабушкины сказки. Происходит лишь перевод материального мира в идеальный, психический, следовательно, логический мир, в систему логических форм, творимых мышлением. При реальной коммуникации абстракция должна быть овеществлена, символизирована, реализована посредством какого-либо знака.

Язык отличается от других социальных установлений своей знаковой природой, а от других типов социальных знаков – спецификой своей структуры. Знаки языка в качестве материальных заместителей абстракций и эмоций в мозгу – это знаки сложных психофизиологических процессов мозга. Материальная характеристика знака приобретает социальную характеристику. Возникает важнейшая проблема отношения между знаком, и мыслью, т.е. языком и мышлением, как психическими ассоциативными отпечатками материи знаков в сознании, между материей знака и абстракцией, значением, семантикой и, главным образом, – между чувственным и абстрактным мышлением, их взаимопереходом.

II. Модель языкового знака

Главное в языкознании, как и в любой другой науке, поиск его аксиом, мельчайших строительных кирпичиков для построения всей теории языкознания. Аксиома – это простое и самоочевидное суждение, не требующее для себя никаких доказательств, и, наоборот, само лежащее в основе всяких доказательств в определённой области знания. Такая аксиоматика необходима и лежит в основе любой науки, она возможна и в языкознании. Знаковая аксиоматика в виде моделей данной науки должна начинаться с чего-то первичного в логическом смысле, не требующая никаких доказательств.

Модели присутствуют во всём, везде, всегда. Например, вода является водой, т.е. самой собой, но это значит, что она есть модель или копия той основной модели, которая зафиксирована в химической формуле воды. Всякий знак есть тоже модель определённой предметности. Без обозначения вещи каким-либо знаком мы бы не только не знали о её свойствах, но не знали бы даже о её существовании. Модель сама по себе должна быть совершенно прозрачной. Только при этом условии имеет смысл сопоставлять её со структурой или с поведением объясняемого ею объекта. Вне своей объяснительной функции модель не имеет ценности.

Язык состоит из звуков, указывающих на разные предметы, которые он обозначает. Что общего между звуками и самими этими вещами? Звуки речи – акустически – артикуляционное явление. А что акустического в предмете, обозначаемым этими звуками и этой артикуляцией? В каждой языковой единице (морфеме, слове и т.д.) содержатся эти два, не сводимых один к другому смысловых плана – материальный и идеальный. Без этой двухплановости не существует языка. В знаковой ситуации материя слова не может просто указывать на предмет. В этом случае устраняется идеальное как результат отражательной деятельности мышления. Изымается и человек как субъект познавательной деятельности. Теряется различие между материей знака и объектом познания.

Звуковая материя, взятая вне установленного мыслящим субъектом отношения к другим явлениям, есть лишь природная материя. Звуки животных, природы и звуки человека, не соотносённые им с какими-либо вещами, – одной природы. Эта звуковая материя существует вне сознания человека. Эта звуковая материя существует вне сознания человека, но, чтобы стать знаком, языком, она предполагает присутствие мыслящего человека, который устанавливает связь между двумя явлениями. Если допустить, что материальный знак отражает мир, то это уже не знак, не посредник между мышлением и миром, а сама материя знака выступает в функции мыслящего мозга. Материя знака есть лишь *условие* осуществления и существования обобщающего образа реального предмета, возникающего в нейронной материи мозга.

Звук, знак, материя – это область чувственного мышления. А может ли человек непосредственно, своим мозгом, воспринимать материю знака в виде её физического звучания или написания? Нет, только через абстрактные образы своего чувственного восприятия мира, как мышлением второго уровня или второй фазы человеческого мышления, основанной на первом, материальном уровне. Человек воспринимает материю предмета так же, как и животное, через своё чувственное мышление. Но мышление животного на этом и останавливается – оно не переходит в идеальную фазу, хотя уже и существует, но лишь в зачаточной форме. Но для животного этот чувственный предмет – не знак. Если человек в материи знака, слова видит знак, значит он «увидел» в нём идеально представленный знак (фонему, графему) и реальный предмет в виде его логического понятия. Следовательно, материя знака должна быть преобразована, подогнана под идеальное, а это значит, что звук, буква должны быть преобразованы в фонемы, графемы, морфонемы, понятия.

Проблема знака сосредоточена в знаковой ситуации вокруг трёх понятий: звук – смысл – предмет, и вокруг их взаимоотношений. Вне материи нет знака, но материя становится знаком, если она идеально представлена в мозгу человека и ассоциативно соотнесена с каким-либо внешним предметом. Тем самым у кусочка материи появляется идеальный образ, «значение», но оно не в материи знака, а в мозгу. Следовательно, при рассмотрении сущности языкового знака нас ждёт взаимоотношение следующих его аспектов: (1) физическая субстанция знака; (2) психическое представление об этой субстанции (фонемы или графемы) в сознании; (3) знаковая, абстрактная функция отражаемых этими знаками реальных предметов в сознании (понятия); (4) роль и место самих реальных, познаваемых явлений в знаковой теории языка.

В мозгу, в абстрактном мышлении человека соединяются две идеальные сущности – от материи знака (фонемы или графемы) (2) и от материи отражаемой вещи, обозначаемой этим знаком (понятие) (3), т.е. в сознании человека, в его абстрактном или логическом мышлении заложены два идеальных, логических образа как идеальные эквиваленты двух материальных вещей (от знака – это фонема, от предмета – это понятие).

Так как мышление человека функционирует на двух уровнях – чувственном и абстрактном, и так как знаки языка проходят через обе эти фазы мышления, то фактически в мышлении объединены четыре сущности – две материальные, вещественные и две идеальные, абстрактные, потому что знак и внешний предмет одновременно и материальны, и идеальны. Вот эти четыре уровня: (1) звуки, буквы как физическая материя (уровень чувственного мышления); (2) идеальное от материи знака (фонемы, графемы); (3) идеальный образ от отражаемого реального материального внешнего предмета (4). Идеальное от материи знака (2) совпадает с идеальным от материи внешнего предмета (3), например, идеальная форма цепочки фонем *дерево* (2) совпадает с понятием предмета *дерево* (3), но только по названию, а не по их сущности – слово *дерево* не есть само дерево. Связь в мышлении происходит только между двумя абстрактными, идеальными, логическими образами (от знака и от предмета) на уровне абстрактного, логического мышления как переход с уровня (2) на уровень (3). На уровне же чувственного мышления мы видим, ощущаем, воспринимаем только физическую реальность – звуки и буквы слова (1) и реальный внешний предмет *дерево* (4). В мозгу они соединяются ассоциативной логической связью как переход с уровня фонем (2) на уровень понятий (3).

Итак, языковой знак четырёхсторонен, четырёхфункционален, и только в таком виде он есть истинный языковой знак, и только в таком виде он существует в мышлении. Хотя практически это никто не ощущает и ощущать не может: это внутренняя, тайная, стихийная работа нашего сознания. Но по-другому эта структура знака и не может существовать. Это можно проверить на самом себе – может ли хоть одно из четырёх звеньев отсутствовать в структуре знака, когда человек пользуется языком в любой его форме (устной или письменной)?

Человек выполняет программу своих действий с реальными вещами заочно, не совершая никаких непосредственных материальных действий или манипуляций с этими вещами и не производя какие-то изменения в самих вещах, а производит лишь мыслительные операции. Это возможно потому, что идеальные образы реальных предметов объективируются во внешней материальной форме, опредмечиваются в материальных знаках. Специфика знаковой деятельности состоит в том, что мы будто оперируем, как кажется на первый взгляд, лишь чувственно воспринимаемыми предметами (материальными знаками – звуками, буквами в слове *дерево*) вместо других реальных предметов (деревьев). На самом же деле мы оперируем **идеальными** и образами как тех, так и других в виде их **логических** форм – первых в виде фонем и графем, вторых – в виде логических понятий. Это тоже предметная деятельность, но деятельность, ориентированная на мысленное овладение другими вещами,

имеющая цель оперировать предметами вне самих непосредственно присутствующих, видимых, слышимых, осязаемых, осязаемых предметов.

Языковые знаки служат заместителями объектов, к которым знаки отсылают. Лишь обозначая предмет с помощью словесных знаков, субъект делает их информативными и превращает в средства мышления, познания, коммуникации. Выполняя указанные функции, языковые знаки и выступают в качестве фактора идеализации внешних предметных операций, превращая их из материальных в идеальные операции, позволяющие схватывать объективное содержание, обобщённо, идеально отражать внешний мир и служить средством организации своего и чужого мышления и коммуникации.

Обозначение предметов с помощью знаков, а их отношений – в виде грамматических знаковых систем и структур, которые тоже суть логические фонемы и графемы, – приводит к тому, что внешняя предметная деятельность свёртывается, превращаясь в знаковую. Знак не просто вещь, а определённое общественное отношение, скрытое под вещной оболочкой. Знак вообще есть общественное отношение, связь людей через посредство знания. Знаки – это не просто вещь, а средство знания, которое за знаком ассоциативно закрепляется в мозгу человека, носителем которого он является. Но знаки обособляются от реального процесса материальной деятельности человека и становятся формой его теоретической деятельности и коммуникации.

Таким образом, к сущностной характеристике знака надо отнести два его величайшие достоинства. Первое из них: ни его **материальная субстанция** (звуки, буквы), ни **сущность** обозначаемого ею предмета, представленной в её **семантике**, т.е. в **логическом понятии** (*дерево*), **не имеют ничего общего с предметом, на который они направлены**. И то, и другое, т.е. и имя знака, и имя предмета имеют знаковый характер, условны, идеальны, перенесены в мозг и преобразованы в нём из материального мира. Или, как говорил Маркс: «Идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней». Второе достоинство знака: он создаёт условия **свободного обмена мыслями**, которые **не связаны** органически и необходимо с предметами, на которые материальный знак указывает, будучи представленным в мозгу идеально. Невозможно себе представить речь, в которой каждое слово «тащило» бы за собой, кроме указания на сам предмет, ещё и на все его качества, свойства, функции, которыми обладает данный предмет (а такая «научная» точка зрения существует в марксистском языкознании). И материя знака, и материальный предмет входят в мозг человека и продуцируются в нём на выходе в преобразованном виде, только в **идеализированной, логической** форме – звуки как фонемы, буквы как графемы, а предметы и вещи – как логические понятия.

В этом вся суть знаковости языка. И материя знака, и материальный предмет представлены прежде на уровне чувственного мышления, физической материей. И только в мозгу они становятся идеальными, представленными как логические формы. Нет никакой разницы между материальной формой знака (звуком, буквой) как его идеальной формой в мозгу (фонемой и графемой) и названием материального предмета как его логической формой (понятием). Это одно и то же, но одно и то же только по их **названию, а не по их сущности** и отражено в модели знака как (2) -> (3). Различие между ними состоит лишь в том, что в первом случае мы имеем дело с мельчайшей логической формой – фонемой или графемой от материи знака (в модели знака это – 2), в другом случае мы имеем дело с более высокой логической формой – понятием о реальном внешнем предмете (в модели знака это – 3).

Идеального в материи знака с самого начала нет, это обычная природная материя, которая преобразуется в идеальное только в мозгу человека и остаётся там на всю жизнь. Как только мы, вооружённые этой же знаковой системой, увидели, услышали и поняли, какая идея скрывается за этой материей, мы тотчас же поняли и эту **материю как знак**, но как знак только для нас, владеющих этой же знаковой системой. Материальное в знаке только

кажется материальным этого знака (хотя на самом деле оно и есть материальное, его можно исследовать инструментально, опытным путём, и без физической материи язык невозможен), на самом же деле оно с самого начала идеальное **только** для человека, владеющего данным языком. Для человека, не знающего данного языка, любое слово – лишь природная материя, а для **знающего этот язык** каждое слово соотносит идеальное, логическое понятие, выраженное в этом слове, с определённым внешним предметом, т.е. переходит с абстрактного на уровень чувственного мышления.

Все знаки языка отпечатаны в качестве идеального отражения мира только в языковом сознании человека, знающего этот язык. Языковой знак выполняет знаковую функцию лишь потому, что он выступает в этой роли для **субъекта, обладающего мышлением**, и для **субъекта, владеющего системой данного языка**, а вне человека нет знака – это лишь материя. Система идеальных сторон языковых единиц локализована в материи мозга человека, а вне мозга эта система материализуется как система слышимых и видимых знаков и в этой, уже материализованной форме, знаки выступают как идеальное значение, ассоциативно отпечатанное в сознании.

Что общего между знаками (звуками, буквами) *корова* и реальными *коровами*? И те, и другие материальны, но чтобы те и другие отражались в мозгу, они должны быть преобразованы в их идеальные двойники. В то же время между знаками и внешними предметами существует различие: количество знаков ограничено в каждом языке, тогда как реальных предметов – безграничное множество. Это является следствием того, что языковые знаки условны, произвольны, не мотивированы, и они могут беспрепятственно обозначать любые предметы, синонимично заменяя друг друга. С этим связано также то, что знаки функционируют только в структурных, грамматических связях друг с другом.

Итак, языковой знак – четырёхфункционален. Что это значит? Когда человек данного языкового коллектива слышит (видит) знакомое ему слово, он слышит (видит), прежде всего, физическую материю знака. Почему оно ему знакомо? Ведь один и тот же звук, одно и то же слово могут быть произнесены говорящим и пишущим на тысячи ладов, в зависимости от обстоятельств, от его интеллекта, ситуации общения и т.д., и тем более – разными людьми. То же самое происходит и с графическими знаками – невозможно встретить несколько совершенно одинаковых почерков. Но слушатель (читатель), тем не менее, узнаёт в разных, несколько отличающихся друг от друга звуках, буквах нечто постоянное, знакомое ему. Он узнаёт звуки и буквы не потому, что они в их материальной субстанции находятся у него в голове: реальную материю невозможно вложить в мозг, в том числе и потому, что мозг скрыт в черепной коробке. Звуки и буквы говорящего и пишущего превращаются в мозгу реципиента в их абстрактные двойники, идеальные, логические образы самого низкого уровня – фонемы, графемы, и более высокого уровня – понятия, суждения, умозаключения. Следовательно, природная материя языкового звука и языковой буквы – двухфункциональна: они и материальны, и идеальны. Но только для человека, в мозгу которого эти стороны знака связаны воедино как материальное в одновременно как его идеальное, и в мозгу которого это идеальное несёт какую-то идеальную, логическую информацию, т.е. является абстрактной, логической стороной данного знака, одним из понятий знакомого ему языка.

Итак, мы имеем дело с **четырёхуровневой** структурой модели языкового знака, состоящей из двух крайних, стоящих в начале и в конце модели, материальных объектов – (1) материи знака и (4) материи предмета, между которыми располагаются два их идеальных, абстрактных образа: (2) идеальный образ знака (фонема, графема) и (3) идеальный образ предмета (понятие). Модель знака предстаёт перед нами как четырёхуровневая материально-идеальная сущность. Все четыре уровня или элементы знака теснейшим образом, условно, по договору внутри общества, связаны между собою и предполагают друг друга.

Знак – это диалектическое взаимодействие двух реальных, материальных объектов (знака – 1 и предмета – 4) и двух идеальных, логических образов этих объектов (фонемы – 2 и понятия – 3). Например, материальное слово *дерево* становится знаком для материального предмета *дерево* лишь тогда, 1) когда оно поступает в мозг в виде абстрактного, психического, т.е. логического образа – **цепочки фонем**, 2) когда оно обозначает реальный или мнимый предмет в виде его абстрактного, психического, логического образа – *понятия*. Понимание знака как четырёхфункциональной модели процесса человеческого познания и общения говорящего и слушающего, пишущего и читающего, и есть **основной принцип теоретического языкознания** и философии языка. Вот так, примерно, можно представить четырёхуровневую модель языкового знака:



Как показано на схеме, обе идеальные стороны языкового знака, т.е. (2) – » (3) в равной мере психичны. Это члены ассоциативной пары, оба идеальные ингредиента и знака, и внешнего предмета, но они органически не связаны, они независимы друг от друга, и связаны условно, по договору. Но став знаком как свободно объединённые логические элементы, они нерасторжимы для всех говорящих на данном языке, в данную эпоху. Если данное слово называется «языковым знаком», то только потому, что в него ассоциативно включен идеальный образ данного звука или буквы (фонема) и идеальный образ данного конкретного предмета (понятие), хранящихся в мышлении. Поэтому термин «языковой знак» в реальности есть не что иное, как нечто целое, так как в него, в его материю ассоциативно, условно включено идеальное от материального знака и идеальное от внешнего материального предмета, но и то идеальное, и другое идеальное живут в мозгу. Связь между двумя идеальными, т.е. между (2) и (3) в модели знака, установленная по ассоциации одного с другим, незыблема, она установлена общественным договором исторически. Такое понимание языкового знака объёмлет в себе всю философию языка.

Значит, между знаком (*дерево*) и реальным предметом (*дерево*) стоят два идеальных понятия: идеальное от материи знака (цепочка фонем, графем *дерево*) и идеальное от реального предмета (понятие *дерево*). В процесс познания и общения с помощью языковых знаков включена, таким образом, цепочка, состоящая из двух реальных, физических, материальных предметов (слово *дерево* и реальное *дерево*) – в модели знака это уровни (1) и (4) как две крайние, чувственные формы мысли – и из двух идеальных образов (цепочки фонем *дерево* и понятия *дерево*) – в модели знака уровни (2) и (3) как две условно между собою связанные, промежуточные, абстрактные формы мысли. Четырёхуровневая структура языкового знака должна пониматься так: (1) материальные звуки, буквы как объект чувственного мышления преобразуются в их идеальный образ в голове слушающего, читающего, т.е. в фонемы как объект абстрактного мышления – » (2), ассоциативно рождающие идеальный образ реального внешнего предмета, т.е. понятие как объект абстрактного мышления – » (3), которое, как идеальное, переносится на реальный, материальный предмет как объект чувственного мышления, т.е. в виде ощущения, восприятия, представления – » (4).

В модели знака все четыре уровня взаимодействуют, и все вместе, и по отдельным парам, как (1 – » 2) и как (3 – » 4). Я эти пары выделяю не случайно, потому что они отра-

жают основной закон диалектики о взаимодействии материального и идеального. Переход (1 — «2) означает переход от чувственного мышления к абстрактному, от материального к идеальному, а переход (3 — « 4) означает обратный переход от абстрактного к чувственному, от идеального к материальному. Например, материя знака (звук, буква), если это знак понимаемого мною языка, то он обязательно имеет свой идеальный образ в моём мозгу (1 — « 2), т.е. материальное переходит в идеальное (фонема). Взаимодействие уровней (3 — « 4) означает, что идеальный образ реального предмета как абстрактное мышление (понятие) переходит в реальное ощущение, восприятие или представление об этом предмете, как уровня чувственного мышления. Взаимодействие уровней (2 — « 3) означает, что идеальный образ материального знака (фонема) условно, по общественному договору становится одновременно идеальным образом (понятием) реального предмета. Это значит, что условный знак *дерево* (устный или письменный) есть **по названию**, только **по имени**, но не по его сущности то же самое, что и условное идеальное понятие *дерева*, растущего у меня за оном.

Но хочу подчеркнуть один важный момент, который извращён, в основном, в «марксистском языкознании»: будто знак связан органически с предметом и подобен ему. Хотя условный языковой знак *дерево* (1) есть то же, что и название реального предмета *дерево*, однако это последнее, т.е. название предмета *дерево*, есть лишь знак *дерево*, его название, но не само *дерево*, поэтому оно не отражает сущность реального *дерева*, а есть лишь условный указатель на данный предмет — *дерево* (4). Материя языкового знака и материя реального предмета — одно и то же по названию, а не по сущности. Сущность же реального *дерева* изучают естественные науки, но только не языкознание.

Идеальное значение, т.е. понятие, находится не внутри материального знака, он лишь указывает своей материей на ассоциативную связь с идеальным образом в мозгу. Для того чтобы существовало идеальное, понятие, необходима его материальная, знаковая основа, носитель, а также присутствие человека, воспринимающего знак, интерпретатор знака, который интерпретирует эту идеальную ассоциацию со своим собственным пониманием этого значения. Идея, логическое понятие предмета находится в голове человека. Но и понятие материи знака, т.е. идеальный образ знака, фонемы — тоже в мозгу человека. Это одно и то же, но только по названию, а не в действительности. Далее, при переходе абстрактного, логического мышления (понятия) в чувственный образ реального предмета (*дерево*), мы видим его или в нашем представлении, или воочию, выглянув из окна.

Так как языковой знак имеет четыре различных функции: материя знака вне мозга; её идеальный образ в мозгу (фонема); идеальный образ реального предмета в мозгу (понятие); материя внешнего предмета вне мозга (1 — « 2 — « 3 — « 4), то модель языкового знака можно представить как её четырёхфункциональную сущность. Языковой знак и материален (вне мозга), и идеален (в мозгу). Внешний предмет, от которого ассоциативно, условно образован знак, тоже и материален (вне мозга), и идеален (в мозгу). Логическое понятие, как уровень абстрактного мышления, переходит на уровень чувственного мышления, т.е. к чувственному восприятию этого предмета, или воочию или в виде представления о нём. Обратный процесс: это переход от чувственного к абстрактному, логическому образу.

Знак — это комбинация логического образа реального предмета (понятия), т.е. понятия (3) от реального предмета (4) и акустического логического образа, фонем, графем (2) от материи знака (1), и эта связь произвольна. Следовательно, знак произволен в целом, т.е. между звуком и реальным предметом нет никакого подобия. Например, знак *берёза* отражен в мозгу и как цепочка фонем, и как понятие. Звуки лишь условно указывают на понятие *берёза*. Следовательно, и само абстрактное понятие *берёза* от реального предмета *берёза* — условно. Материя слова — это произвольный знак, так как он не связан органически с понятием об этом объекте, которое, в свою очередь, тоже есть условный знак, ибо и оно, это понятие не связано с реальным предметом ничем, кроме условной, немотивированной связи.

Итак, идеальным свойством обладает не только материя языкового знака в виде цепочки фонем, но и сам материальный предмет внешнего мира в виде понятия. То же самое обязательно и в обратном направлении: от идеального в предмете к идеальному в знаке, обозначающему этот предмет. Между языковым знаком и внешним предметом, повторяю, существует четыре функциональных отношения: материя знака (1) – » переходит в её идеальный образ (фонемы) (2), – » они переходят в идеальный образ внешнего предмета (понятие) (3), – » которое по ассоциации связано условной связью с материальным объектом (4). Идеальное в знаке (фонемы) и идеальное в предмете (понятие) – одно и то же идеальное. Но в знаке оно отражает условно выбранную материю знака, а в реальном предмете оно отражает условно выбранное имя внешнего предмета, которое есть тот же знак.

Поэтому мы можем здесь раскрыть сущность старой байки «марксистского языкознания», основной марксистский постулат которого гласит, что «язык неразрывно связан с мышлением», «слова отражают то, что они обозначают», «между логическими понятиями с самими материальными объектами существует неразрывная и органическая связь», «название вещи отражает сущность самой вещи». Однако связь эта – не необходимая, не безусловная, не органическая, а абсолютно произвольная и абсолютно условная и немотивированная.

Легко обнаружить, почему все мы так уверенно и совершенно ошибочно объясняем связь между материей знака и реальным предметом как связь непосредственную, прямую, органическую, без всяких промежуточных звеньев. Как совместить, связать физическую субстанцию знака (звук, букву) (1) с физической субстанцией реального предмета (4)? Они лишь по названию одинаковы, но совершенно различны по своей физической субстанции и, следовательно, по своей сущности и функции в знаке? Идеальное в обоих случаях – одно и то же. Но ведь материально, вещественно это разные объекты, с одной стороны, это звуки, буквы *лошадь*, с другой стороны – реальное животное *лошадь*. Этот парадокс поставил марксистское языкознание в тупик, из которого они так и не вышли, полагая, что слова отражают сущность вещей и язык, следовательно, есть орган мышления и познания.

Если идеальные образы (2) и (3) знака *лошадь* и предмета *лошадь* совпадают, то должны совпадать и реальные звуки, буквы с реальным названием *животного*. Если идеальное в (2) и (3) совпадает, то это значит, что идеальное от названия, т.е. знака *лошадь* и от названия реальной *лошади* – одно и то же. Да, идеальное и там, и тут – одно и то же, но материальное в них – различно. И совпадают они лишь потому, что и знак, и предмет имеют одно и то же название. Совпадают только потому, что знаки – условны, не отражают сущности реальных предметов, любой предмет может быть обозначен любым условным словом, хотя некоторые лингвисты уверены в том, что язык отражает мир. Ведь в процессе познания и коммуникации устанавливается ассоциативная связь прежде всего именно между условным знаком и выраженным этим знаком предметом, т.е. между двумя физическими, совершенно разными субстанциями. Это как бы видимая часть айсберга и в силу этого прямая и непосредственная связь между ними, как кажется, не только возможна, но и единственная. Однако существующая между ними связь не прямая, а косвенная, условная, по договору, устанавливаемая в мозгу, путём абстракции, на основе их психической взаимной ассоциации. Это промежуточное, т.е. идеальное, логическое звено между знаком *лошадь* (2) и предметом *лошадь* (3) мы не видим и не слышим, и о нём даже не подозреваем, но оно есть, и оно записано в нейронных клетках. И оно есть главное, на чём держится язык. Ведь в процессе познания и коммуникации устанавливается связь именно между материей условного знака и материей предмета, т.е. чувственными образами выраженного этим знаком предметов. А абстрактное звено в механизме связи двух материй мы только подразумеваем, так же, как и, например, траекторию полета снаряда: её не видно, но она есть. Это идеальное промежуточное звено, эта «абстрактная траектория» и есть абстракция от знака *лошадь* (2) и реального предмета *лошадь* (3).

Знак только ё тогда знак, когда через него воспринимается и значение отражаемого предмета (абстрактная форма мысли) (3), и сам предмет (чувственная форма мысли) (4). Значение, т.е. идеальная форма мысли и сам предмет как объект чувственного восприятия, отражаются разными уровнями мышления, первое – абстрактным, второе – чувственным. Материя знака есть опора для данного значения. Ассоциация звука и значения настолько тесна и постоянна, что одно из них немедленно вызывает другое: но связь эта тем не менее произвольна в силу того, что языковой знак и реальный предмет – разные материи и у них нет ничего общего, ибо они связаны лишь условной, не необходимой для данного общества связью. Знак и ассоциированный с ним предмет связаны неразрывно в силу общественного договора для данного народа и в данное время.

Я подчёркиваю: знак представлен как материя в виде звуков и букв на бумаге и в звуковых волнах, а его идеальный образ – в мозгу. Реальный внешний предмет тоже имеет две стороны – это сам материальный предмет (*дерево*) как его чувственное восприятие человеком, и идеальный образ этого предмета как абстрактное мышление, в виде его понятия. Но этот идеальный образ предмета (растения *дерево*) является одновременно и знаком, и идеальным прообразом материи знака (слова *дерево*). Следовательно, материальный знак и предмет ассоциативно связаны друг с другом через их идеальные, абстрактные логические понятия, локализованные в мозгу.

Принципиальная схема взаимодействия четырёх уровней модели знака в реальной жизни может выглядеть так. Я еду в вагоне поезда, мимо проплывают луга. Я говорю спутнику: *лошадь*. Что происходит у меня в голове? Я вижу (4) предмет *лошадь* (это моё чувственное мышление) и знаю, что этот предмет называется (3) логическим понятием *лошадь*, т.е. перевожу чувственную форму мысли в абстрактную. Я нашёл этому животному нужный материальный знак русского языка, прочно усвоенному мною ещё с детства, как цепочку (2) фонем *лошадь*, которая моим мозгом через мои органы речи преобразована в (1) звуковой знак *лошадь*. Собеседник, услышав материю знака *лошадь* (1) понял, что это знакомая ему цепочка фонем, фонемный ряд *лошадь* (2), обозначающий знакомый ему предмет, имеющий название или логическое понятие *лошадь* (3) и представил её себе в своих воспоминаниях, не видя её, как (4) чувственный образ *лошади*, или увидел живую *лошадь*, пасущуюся на лугу (4). Совершающийся в моём мозгу переход от видимого мною предмета в его понятие (4) – » (3) – это переход чувственной формы мысли в абстрактную, а переход в мозгу собеседника – услышанного от меня понятия (3) – » (4) – это переход абстрактной мысли в чувственную.

Это позволяет нам установить границу между **чувственным и абстрактным** мышлением человека. Воспроизведение определённой последовательности всех четырёх уровней знака в сознании человека позволяет установить две цепочки в последовательности уровней в знаке, которые могут символизировать и чувственное и абстрактное мышление человека: цепочка уровней у говорящего 4 – » 3 – » 2 – » 1 начинается с чувственной формы мысли, а цепочка уровней от слушающего 1 – » 2 – » 3 – » 4 начинается с абстрактной формы мысли, т.е. первая цепочка – переход от чувственного мышления к абстрактному, вторая цепочка – переход от абстрактного мышления к чувственному.

Теория четырёхфункциональных языковых знаков оказалась своеобразной теорией, и именно первоосновой теории языка, где всё представлено как бы в чистом, идеализированном виде. Это объекты, которых, на самом деле, как будто бы и нет, но с их помощью описывается, изучается и на основе их и существует язык, они служат для представления реальных объектов в мозгу. Идеализированные объекты – это выделенные учёными из реальных вещей их закономерности в их чистом виде. Поэтому идеализированные объекты предстают перед нами как своеобразные модели – в данном случае четырёхфункциональная модель

языкового знака, – которые отражают реально существующие закономерности и служат нам для познания сущности языка.

Идеальное от реального предмета находится в мозгу, оно произвольно, и в то же время жёстко связано с материей языка, оно не может ни возникнуть, ни существовать без материального знака. Имеет место отношение взаимообусловленности: идеальное в мозгу, рождённое до знака или вместе со знаком, обуславливает рождение языковых звуков вне мозга, а звуки материи обеспечивают вынос идеального за пределы мозга в виде его психических ассоциативных связей с внешними предметами. Для звуковой материи языка необходимы психологические ассоциации, значение, чтобы они вызывали всем известное значение, а оно как идеальное предполагает наличие мыслящего субъекта, который преобразует природную материю звука в абстрактные образы языка. Материя звука как знаковая материя языка существует вне сознания человека, но остаётся в мозгу как ассоциативное значение данного звука. Однако значение, понятие, идеальное не может быть отторгнуто от сознания, оно не существует вне субъекта, оно не переходит в материю знака, а остаётся в мозгу как ассоциативное, понятийное значение данного звука, остаётся навсегда, доколе это позволит долговременная память.

Значение как идеальное находится в сознании субъекта. Если бы не было средств для того, чтобы вывести его наружу, в интерсубъектную область, воплотиться в материи знаков, в природной материи звука или буквы, оно бы не только лишилось возможности развиваться, но и не могло бы возникнуть и существовать. Следовательно, значение не может находиться вне сознания субъекта. На самом деле значения – только в сознании человека как идеальные образы объектов материальной действительности. Человек преобразует идею в звук, а звук – в идею. Так совпадают противоположности, образуется их тождество, но только благодаря работе мозга. Мыслящий субъект явился тем «известным условием» (Ленин), при наличии которого явление превращается в свою противоположность – сущность: природная материя становится как бы неприродной, т.е. становится материей языка, а это значит – рождается в мозгу в виде своего идеального отпечатка.

Материальная форма языка изваяна материальной природой, конкретнее – живым мозгом и его органами речи, материя языка является микроскопическим отпечатком материального мира. И в то же время материальное языка невозможно вне идеального, находящегося в мозгу, иначе природная материя не становится языковой материей. Без идеального это уже будет не материальная форма языка, а обычная природная материя – свист ветра, гром молнии, скрип немазаной телеги. Звучащая и написанная речь есть посредствующее звено, через которое языковая материя превращается в мозгу – в идеальное, в значение. Но и значение, идеальное как функция мозга не может существовать вне акустического (графического) образа, именно идеального образа материи знака, которое порождено материей мозга. Акустический (графический) образ знака есть посредник, звено, через которое идеальное в мозгу (значение) связано с языковой материей и ассоциативно как бы «переходит» в знак, но всегда оставаясь только в мозгу. Значение, идеальное в мозгу превращает природную материю в звуковую, буквенную материю языка. Но звуковая, графическая материя языка продолжает существовать объективно (на плёнке и на бумаге), т.е. вне сознания человека. Идеальное существует только в мозгу, оно не переходит в материю языкового знака: звук, буква находятся вне сознания, но их идеальные образы, значения – в сознании.

Тогда возникает вопрос: как происходит слияние звук (материальное) и значение (идеальное) в единство? Ведь это подрывает статус их диалектической противоположности как единой сущности. Языковой знак как бы несёт в себе печать идеального, продукции мозга, т.е. звук содержит в себе идеальное как бы в виде «условных следов» его присутствия. Но эти кажущиеся «следы» и их «присутствие» вводят лингвистов в заблуждение: считается, что в самом слове содержится и материальное, и идеальное. Поэтому иллюзорное наличие и иде-

ального, и материального в самом знаке вводит лингвистов в заблуждение, оправдывая рассмотрение языка как «средства обмена мыслями».

Если знак – только материя, значит это не более чем природная материя (природа всегда первична!), следовательно, природные объекты являются первичными по отношению к сознанию и в то же время независимы от него. Но язык – не голая звуковая материя. Если звук начинает употребляться для чего-то, он как бы теряет свою природную объективность. Звук соотносится с некоторым явлением, с которым у звука нет причинно-следственной связи. Эта связь устанавливается условно, человеком. Использование звука субъектом превращает звук из чисто природной материи в потребительский знак. Звуку придаётся новое качество – знаковость, сигнальность. Звук становится представителем не-звука и для субъекта превращается в знак. Так звук из области чистой природы попадает в область интеллекта. Происходит распрямление звука, и звук или буква поступают в интеллектуальную собственность людей на вечное пользование.

Значение как идеальное немислимо вне и без своей чувственно выраженной материальной основы. Оно произвольно и в то же время жёстко связано с материей звука, ибо не может ни возникнуть, ни существовать без неё (если не учитывать «авербального мышления»). Следовательно, происхождение и функционирование значения как идеального обусловлено и работой нейронных клеток, и наличием материи звука. Таким образом, существует взаимозависимость идеального и материального: идеальное обуславливает наличие языковых звуков, а звуковая материя обеспечивает ассоциативную связь с идеальным, значением. Идеальное немислимо не только вне своей материи мозга, но и вне материи языкового знака. Оно не возникает и не существует без звуков (букв), нет иных материальных средств, чтобы «собрать» отдельные мысли в единство, держать их и передавать поколениям. Но происхождение идеального – не в звуках, а в нейронах мозга. Следовательно, существует взаимозависимость идеального и материального только под эгидой и руководством мозга.

В языковом знаке нельзя разъять материальное и идеальное, которые суть и тождество, и различие. Языковой знак – сплошное противоречие: 1) эти два момента – материальное и идеальное – взаимоисключающие, 2) но языковой знак существует благодаря утрате им этих противоположностей как самостоятельных, благодаря их слиянию в тождество. Языковой знак становится как бы и не материальным, и не идеальным объектом. Эти два свойства знака означают постоянный переход одного в другое. Эта противоположность фиксируется лишь в теоретическом анализе, который, чтобы понять их механизм, искусственно расчленяет их. Ассоциативный отпечаток идеального в звуке знака (2), ассоциативный отпечаток идеального в названии реального предмета (3) есть те **ассоциативные промежуточные звенья** между материей знака и материей предмета, через которые **осуществляется ассоциативная взаимосоординация** между двумя физическими субстанциями – языковым знаком и реальным предметом. Гегель пишет: «Трудное и истинное заключается в том, чтобы показать, что то, что есть иное, есть то же самое, а то, что есть то же самое, есть иное, и именно в одном и том же отношении». Роль языковых знаков заключается не только в том, чтобы служить инструментом рождения мыслей, но и в том, чтобы быть посредником между реальным миром и мышлением, конкретнее – между идеализированными образами искусственной, произвольной материи и идеальными образами реальных предметов внешнего мира.

Материя языковых знаков служит посредником между идеальным знаком и идеальным предметом. Мышление, хаотичное по своей природе, нуждается в приручении и упорядочивании. Между материей звука и реальным предметом есть связь, но условная, по договору. Но связь эта внешняя, а внутренняя связь между тем и другим – это связь идеи от звука (фонемы) и идеи от предмета (понятия). Идеальное от звука (фонема) закрепляется этим звуком, а звук ассоциативно указывает на своё идеальное. Идеальное от внешнего предмета

(понятие) закрепляется в звуке через его идеальное (фонемы). А идеальное от предмета закрепляется в идеальном от звука и становится самим звуком.

В языковом или знаковом сознании присутствуют все четыре звена или уровни модели знака. Единство мыслительно-речевой системы проявляется в том, что во всех актах речевой деятельности участвуют все, без исключения, звенья модели знака. Возможность абстрактного мышления обеспечивается материей знаковых, языковых единиц, которая служит посредником между субъектом и объектом. К функциям знаковой системы относятся, кроме звуковых и зрительных раздражителей также кинетические раздражения, идущие в кору головного мозга от функционирующих органов речи. Круговорот речи находится в мозгу говорящего **А**, у него в языковом сознании живут единицы сознания – фонемы, графемы как абстрактные формы знаков. Они синтезируют в сознании соответствующие акустические и графические образы. Это процесс чисто психический. Далее следует физиологический процесс: мозг передаёт органам речи, руке импульс, соответствующий этим образам. Затем звуковые и визуальные волны распространяются через воздушную, графическую среду от **А** к **Б**. Это процесс чисто физический. Далее информация поступает из мозга **Б** в мозг **А** в обратном порядке.

Полный процесс знаковой коммуникации:

- 1) Передача материи, тела знака (1),
- 2) Идентификация этой материи через абстрактный образ этого тела в сознании говорящего, слушающего (2),
- 3) Ассоциация этого образа знака со значением этого знака в сознании интерпретатора (3),
- 4) Осмысление новой информации, возникающей в результате соотношения образов знаков с реальными предметами (4) через их абстрактные знаки (3).

Знаковая ситуация или точнее – модель знака включает в себя: (1) материю, тело знака, (2) знаковый идеальный образ, т.е. отображение тела знака в сознании. Если исключить знаковый образ, то это предполагает отсутствие интерпретатора, говорящего, читающего из модели семиозиса. А введение интерпретатора в знаковую ситуацию без идеального образа знака невозможно, так как встреча материи знака с её идеальным образом в голове говорящего отсутствует.

Процесс познания предполагает всегда **единство** четырёх уровней в знаке, причём анализ структуры знака можно начинать с любого уровня, потому что они взаимосвязаны: 1) Объект познавательной деятельности, т.е. реальный мир и человек как часть этого мира. 2) Субъект познавательной деятельности, носитель психофизиологических механизмов, обусловливающих специфически человеческие формы познания. 3) Система материальных знаков (устных и письменных) как инструмент внешнего выражения идеальных форм мысли. 4) Система идеальных образов этих материальных знаков.

Чувственный образ внешнего предмета (*берёза*) не нуждается в том, чтобы он всегда находился перед глазами. Достаточно его представить как идеальный образ знака для этого предмета. Так, название знака как цепочки фонем автоматически вызывает чувственный образ самого предмета. Поскольку освободившийся от чувственного созерцания знак (теперь уже как идеальное) становится через этот абстрактный образ чем-то созерцаемым, т.е. мы переходим с абстрактного мышления на чувственное, то оно порождает то, что называется языковым знаком. Если мысль что-то обозначила, то она тем самым покончила с чувственным образом предмета и дала ему в качестве его абстрактного образа чуждое ему самому значение. Таким образом, мышление объективируется в языковых знаках на последнем этапе познания (3), где результаты познания становятся доступными и для других людей и приобретают способность к переводу на другие языки. Найденное знание о каком-либо предмете объективируется, овнешняется в знаке. «Всякое познание заключается в том, что

мы в мыслях поднимаем единичное из единичности в особенность, а из этой последней во всеобщность. Мы находим и констатируем бесконечное в конечном, вечное – в преходящем. Форма всеобщности в природе – это закон.» (Энгельс).

Поскольку мышление человека отражает единую действительность, оно должно быть в своей основе также единым. Поскольку же действительность является нам в двух неразрывно связанных своих сторонах (явление и сущность, материальное и идеальное), то мышление тоже должно отражать двуединую действительность. Поэтому мыслительную деятельность человека мы должны представлять себе в неразрывном и противоречивом единстве двух её обязательных форм мышления – чувственного и абстрактного. Невозможно мышление человека в какой-то одной из этих форм мысли. При определённых условиях можно говорить об одностороннем мышлении: только чувственном или только абстрактном. Это два принципа, две фазы мышления, а не два самостоятельных взаимодействующих системах мышления. Это сложное переплетение и взаимодействие двух обязательных фаз, ступеней мышления. Чувственные и абстрактные формы мышления можно уподобить двум полюсам магнита, которые не могут существовать в отрыве друг от друга. Если в основе действительности лежит противоречие между сущностью и явлением, материальным и идеальным, то это означает, что ни один реальный объект действительности не может быть скопирован в процессе отражения ни в его чувственном образе, ни в понятии о нём.

Эта модель языкового знака соответствует его материально-диалектической сущности.

Языковой знак имеет структуру:

1) Присутствие человека с его мышлением и сознанием, использующего знаки в процессе общения и познания;

2) Знаки функционируют в процессе общения и познания не изолированно, а в системе знаков;

3) Знак в виде звуков, букв порождается субъектом, но соотносится с другими знаками, с объектами действительности. Эта система отношений носит не природный, а социальный, общественный характер, т.е. она объективна, ибо эти отношения существуют не только в индивидуальных сознаниях людей, но и в самой общественной деятельности;

4) Языковой знак носит условный характер и не связан ни с человеком, ни с объектами необходимой связью, а только условной, на основе общественного договора;

5) Знак записан в сознании не как нечто видимое и слышимое, а лишь в виде идеальных образов этих материальных вещей;

6) Отражаемый объект, как и сам знак, для человека существует не как реальный, чувственно воспринимаемый объект, а как идеальный, логический образ этого объекта;

7) Мысль, как свойство высоко организованной материи, как функция мозга, не может существовать вне головы человека, где материальную основу мысли составляют нейродинамические процессы, протекающие в структурах мозга.

III. Свойства языкового знака

1) Сущность знака – замещение другого предмета

Основная функция знака заключается в том, что он представляет, замещает нечто, находящееся вне этого знака и той знаковой системы, к которой он принадлежит. Функция знака – представлять, замещать другой предмет, он есть знак чего-то. Возможность обобщённого мышления обеспечивается материей знаков, которая есть посредник между познающим субъектом и познаваемым объектом. Отсюда следует, что процесс мышления носит независимый, самостоятельный характер относительно внешней среды. Наряду с материальной действительностью, независимой от человека, существует материальный мир знаков, зависимый от человека, но независимый от того, какой объект называется тем или иным знаком. Но материя всех национальных языковых знаков представлена в головах людей только в идеальной форме этих знаков – в виде фонем (графем), которые условно связаны ассоциативной связью с понятиями о реальных предметах. Эти две абстрактные логические формы в виде фонем или графем и понятий и есть своеобразное отражение, обозначение и представление материальной внешней действительности, находящейся в сознании человека в виде её идеального двойника. Кроме материи мира есть материальные знаки, они тоже материя мира, но преобразованная в мозгу в идеальную действительность как мой второй мир.

Основная функция знаков – это знаковое отношение к обозначаемым объектам действительности и их роль как инструментов мозга для отражения этих объектов в сознании говорящих. Отражение объектов в сознании есть их семантические или, что то же самое, логические значения. Психические отражения обозначаемых объектов в сознании человека через языковые знаки есть основа **диалектико-материалистической природы языкового знака**. Языковой знак, взятый сам по себе, мёртв, он живёт только в своём употреблении, т.е. во взаимосвязи данного понятия с данным предметом, но к этой взаимосвязи одного с другим должен прикоснуться мозг, вооружённый этой же знаковой системой. Знак сам в себе не несёт признака «знаковости», он должен быть соединён с сознанием, владеющим данной языковой системой.

Понимание природы знака так, как она представлена в данной работе, имеет далеко идущие последствия. То, что считают его идеальной стороной, находится не в материи знака, а в материи мозга, **отделено** от материи знака, позволяет человеку абстрагироваться от реальных вещей, переводя своё чувственное мышление на более высокий уровень – уровень абстрактного, логического мышления и обратно – в чувственное мышление. Именно знаковая природа слов, всего языка позволяет человеку оторваться от непосредственного созерцания предметов и манипулировать ими в их отсутствие, идеально, по своему желанию связывая знаки в различные комбинации. Без знаков мы остались бы на уровне животных, отражая мир лишь в нашем чувственном мышлении. Переход же к абстрактному, логическому мышлению возможен лишь на основе существующих немотивированных, произвольных знаков, связанных с вещами и предметами не органически, а условно, произвольно, по общественному договору.

2) Языковые знаки – продукт общественной практики человека

Знак, как объект восприятия, материален, но он функционирует лишь в результате его абстрактного, идеального осмысления, его интерпретации как языкового знака в созна-

нии человека. Это осмысление достигается в результате общественной практики человека, на основе его общения с другими людьми. Понимание знака определяется включением его в систему знаков, т.е. в результате соединения одного знака как четырёхуровневого структурного элемента с множеством себе подобных четырёхуровневых знаков. Хотя знак – порождение коллектива, однако мыслительная деятельность – вполне внутренняя, индивидуальная, субъективная. Но вынесенная в слово мысль становится чем-то внешним, становится объектом, как бы внешним «предметом» для себя самой и посредством слуха или зрения уже как объект возвращается к своему первоначальному источнику. Слово есть отпечаток не самого предмета, а его идеального отражения в сознании.

Реальность знака – в его понимании всеми. Знак без работы сознания людей – простая типографская краска или пустой звук. Но система знаков как не имеет отражательной функции. Если знаку приписывать отражательную функцию, то это приводит к смешению языка и мышления под видом установления их единства. Это приводит к подмене гносеологических вопросов лингвистическими или вопросы гносеологии считают лингвистическими. Язык, по выражению Маркса, – «непосредственная действительность мысли», т.е. объективное, материальное явление, «отягощённое» сознанием. Это не означает, как ошибочно пишут многие лингвисты, что язык и мышление неразрывны, нерасторжимы. Эти слова Марса означают лишь одно: мысль проявляет себя, обнаруживает себя только через воспринимаемый человеком звук и букву. А «неразрывность» языка и мышления тут не при чём, её нет и по определению быть не может, и только потому, что языковой знак – категория условная, немотивированная, а мышление, как идеальный образ материи знака, фонемы (2) и как идеальный образ внешнего предмета, понятие (3) находятся только в сознании.

Звуки и буквы – представители мысли, идеальным в знаках является лишь идеальный образ материи знака, хранящийся в сознании, материя предметов живёт в мозгу тоже в виде их идеальных отпечатков. В этом отношении слово не отличается от любого другого материального предмета, воспринимаемого органами чувств. Но своеобразие слова, в отличие от внешних предметов, заключается в том, что оно сопровождается пониманием, т.е. установлением связи этого слова с определённым понятием, локализованным в голове человека, условно и навечно связанным с определённым предметом.

3) Различная материальная реализация знака унифицируется его идеальной формой

Каждый знак как физический объект имеет неповторимые индивидуальные звуковые и графические свойства. Но так как среди всех этих свойств есть нечто общее, которое совпадает, во-первых, со свойствами тех же знаков, но в их различном исполнении, во-вторых, с аналогичными свойствами в других знаках, то неизбежно встает вопрос об опознании любого реального, появившегося знака на основе совокупности признаков.

Материальность знака – его обязательное свойство, знаки «сделаны» из звуковой и графической материи и воспринимаются органами слуха и зрения как реальная материя. Но так как эта материя всегда реализуется по-разному, то для того, чтобы безошибочно распознать в разных реализациях знака один и тот же знак, в голове говорящего и слушающего находятся идеальные, обобщённые образы этих материальных знаков, представления о них в виде фонем и графем. Поскольку любой знак языка существует в двух ипостасях: в виде его телесной реализации и в виде абстрактного, идеального эталона тела знака и они взаимно обуславливают друг друга, то это и служит основой распознавания одного и того же знака в различных исполнениях. Кроме того, чтобы можно было легко распознать знаки, они снабжены и множеством других признаков: структурой фонем в словах, синтаксическими

признаками слов в структуре предложения. Своими различительными признаками они маркируют конкретные значения, понятия в масштабе морфем, слов, предложений.

Многие экземпляры одного и того же знака, имеющего множество индивидуальных черт, сохраняют в себе некоторый набор неизменных черт, которые и выступают в роли признака и дают основание всякий раз опознавать любой такой же знак как экземпляр одного и того же знака. Сознание хранит в себе абстрактный образ признака любого экземпляра знака как тождественного остальным (фонемы, графемы). Важнейшим фактором для идентификации знака служит также грамматическая структура знака, приписанная ему с момента его появления. Если сознание хранит в себе абстрактные образы, то, следовательно, оно должно иметь и механизмы, способные производить и воспринимать те же самые знаки со своими чертами.

4) Различная протяжённость знака. Текст как расширенный знак

Материальный языковой знак имеет линейный, дискретный характер. А идеальное значение этого же знака, хранящееся в мозгу, не имеет линейности, оно имеет глобальный характер, оно недискретно, коммутативно. Идеальное содержание не имеет ни временной, ни пространственной протяжённости. Однако звук, буква, морфема, слово, предложение, сложное предложение, текст – это знаки различных уровней, различной протяжённости и степени сложности. Более сложные знаки состоят из более простых знаков. Все они манифестируют или «имеют» свои идеальные, абстрактные, логические эквиваленты: это фонемы, графемы, понятия, суждения, умозаключения. Под знаком обычно, традиционно понимают слово. Это понимание идёт ещё от Аристотеля и активно было внедрено в формальную логику в Средние века. Это объясняется тем, что после Аристотеля формальная логика никогда серьёзно не занималась установлением регулярных связей между формами языковых знаков и логическими формами мышления, т.е. проблемами взаимодействия языка и мышления. Однако факты показывают, что и остальные структурные элементы языка, кроме слов, тоже знаки, т.е. знаки, стоящие по рангу ниже слова и выше слова.

Почему знаки, по рангу стоящие ниже и выше слова, тоже знаки? Потому что все они выполняют одну и ту же функцию – выступать в роли ассоциативного, общего, логического понятия или суждения о внешнем объекте: фонема (графема) как самая низкая идеальная, логическая форма мысли служит в функции смысловозначительного средства для идентификации более высоких логических единиц – морфем, понятий, суждений, умозаключений.

Знаки, стоящие ниже уровня слова (их логический эквивалент – фонемы или графемы), в логике никогда не признавались как логические формы, а истинной и единственной логической формой признавалось лишь слово. Но знаковые формы, стоящие выше уровня слов, т.е. суждения, умозаключения, текст, – тоже знаки, но различной сложности и протяжённости, состоящие из менее сложных знаков. Все они обладают знаковым свойством – а) они всегда обозначают нечто иное, чем они сами, б) их идеальные эквиваленты находятся в сознании как ассоциированные отрезки смысла.

Знак (кроме фонемы, графемы), как единица языковой системы, состоит из более мелких и простых знаков, имеет внутри себя подчинённые знаки. Каждый знак можно изменять, составлять его из отдельных частей, и производить внутри него различные структурные операции. Сложный знак обязательно обладает раздельностью, разными частями. Знаки находятся в соответствующих отношениях не только с себе подобными, но и с более высокими по отношению к ним знаками. Знаки низшего уровня образуют сложное содержание знака более высокого уровня, которое выступает уже не только как знаковое отношение к обозна-

чаемому объекту, но и как результат внутривидового взаимодействия содержаний знаков низшего уровня.

Основным языковым знаком является слово, которое резко отличается от остальных знаков, так как оно, воспроизводя мысль о какой-либо вещи, обеспечивает осознание, познание заменяемой им вещи, тогда как другие знаки (кроме предложения) приводят в действие лишь механический или биологический автоматизм. Это познавательные знаки, так как они направлены на познание объектов.

Обычно считается, что знаками являются в языке только слова. Буквы, звуки, служебные слова – якобы, не знаки, потому что у них нет значения. В реальном мире им ничто не соответствует. Звуки, буквы, как считают многие лингвисты, – не знаки, а только их часть, из которых строятся знаки. Однако звуки, буквы – тоже знаки, без них нет слова как структурной единицы более высокого знака. Например, служебные слова, поскольку они не выполняют их главной функции – быть членом предложения, т.е. быть полнозначным словом, то они – не знаки. Напротив, они не бессмысленны, а отражают в себе семантическое и логическое значение всего предложения, в котором употребляются.

Слово занимает центральное место среди языковых знаков, поскольку оно является наименьшей единицей, способной воспроизводить отдельную мысль, именно элементарную мысль. Слово поглощает единицы низших уровней, как не соотносимые с отдельными отрезками мыслительного акта. Оно создаёт основу для любых речевых, мыслительных процессов.

Язык устроен как иерархическая система знаков разных уровней, причём знаков произвольных, не связанных органически с теми предметами, о которых эти знаки повествуют. Поэтому они свободны в разных комбинированиях на разных уровнях. Вследствие этого естественный язык – самая богатая и самая экономная знаковая система, и при этом он иерархичен, что его и отличает от всех семиотических систем. Знаки не живут вне системы, их порождает система. У знаков нет собственных, органически с ними связанных значений, поэтому они и свободны для самых различных сочетаний и комбинаций по требованию мозга – это ассоциативные, идеальные образы предметов, признаков, свойств, отношений, которые в совокупности образуют бесчисленное множество суждений и умозаключений, которые образуют структурно более высокий знак – текст (это может быть любой текст, вплоть до романа).

У наименьших знаков – звуков и букв – тоже есть свои идеальные, логические эквиваленты – это фонемы и графемы, как низшие структурно-различительные логические формы, как некие общие абстракции, обобщающие однотипные звуки и буквы в разных структурных позициях. Слово дом – знак русского языка. Но что означает в этом знаке по отдельности каждая фонема [д], [о], [м]? Знак дом состоит из более мелких знаков, фонем или графем, но каждый из них не связан ассоциативно в сознании ни с каким реальным предметом или событием. Они, тем не менее, знаки русского языка, потому что без их участия и их особого структурного построения мы не получим более крупного знака, состоящего из иерархически связанных подчинённых знаков. Сущность любого знака: произвольность, линейность, независимость от индивидуальной материи, структурность, иерархический характер знаков на разных уровнях.

Фонемы и графемы соответствуют в реальном мире звукам и буквам, являются их абстрактными, логическими формами. Это не самостоятельные абстракции от реальных вещей, имеющих свои значения в виде логических понятий, а лишь абстрактные структурные единицы, обладающие смысловоразличительными и противопоставительными функциями, вносящие смысловое различие в слово, т.е. то, благодаря чему они конституируют знаки более высокого порядка – понятия, суждения, умозаключения. Их роль – строительная, различительная, указательная, но они не просто бессмысленные единицы, которые, якобы,

ничего реального не отображают, а, напротив, будучи соединёнными вместе в определённую структуру, они конституируют более крупные знаки, ассоциируются уже с реальными предметами и событиями, создавая в мозгу их идеальные, логические образы.

В материи знака заложены две идеальные сущности – идеальное от звука, буквы (фонема, графема) и идеальное от внешнего предмета (понятие). Знак делит непрерывное течение восприятий на отдельные отрезки, акты, создавая отдельные объекты мысли (понятия, суждения, умозаключения), но которые узнаются, понимаются только совместно, в предложении, т.е. в логическом суждении.

Языки – это прежде всего материальные языковые системы, но по своей сущности и по своей – внутренней структуре они нечто совершенно иное, а именно – идеальные структуры фонем, графем, иерархические структуры знаков более высокого порядка – понятий, суждений, умозаключений. Вот именно они, эти более высокие знаки, ассоциируясь в мозгу с идеальным отражением реальных материальных предметов и явлений рождают в мозгу идеальные, т.е. логические понятия, суждения, умозаключения.

Все языковые знаки устроены иерархично. Наименьшие знаки – звуки, буквы (их идеальные прототипы или двойники – фонемы и графемы) составляют морфемы (их идеальные прототипы – морфонемы), они, в свою очередь, образуют слова, слова образуют структурные элементы предложений, и так до бесконечности. Текст романа «Война и мир» – тоже знак, он имеет все признаки знаковости: материален, все знаки, составляющие этот роман, условны и не мотивированы ничем, в материи текста скрыты все его отдельные идеальные, абстрактные, логические формы, за всем текстом скрыто определённое идеальное содержание, находящееся не в тексте, а в мозгу человека. Но идеальное содержание романа содержится не в отдельных знаках, а в тексте всего романа – его идея, глобальное мысленное построение, не выраженное отдельно ни в слове, ни в предложении, а не иначе, как в протяжённой знаковой структуре, состоящей из миллионов более мелких единиц, подчинённых этому большому знаку – роману.

Понятие «знак» для языкознания – инородное тело, оно пришло из области семиотики. Но тем не менее понятие «знак», как в высшей степени обобщающее понятие, необходимо для языкознания как удобный термин, объединяющий в себе множество различного уровня языковых структур – от фонемы до текста. Фонема, графема – мельчайшие и простейшие логические знаки языка, ниже них в языке ничего нет. Они образуют более сложные идеальные знаки – понятия, конституирующие, в свою очередь, ещё более сложные логические формы – суждения, из которых образуются умозаключения. Всё это и ведёт к образованию текста.

Таким образом, язык или то, что мы называем языком, в его материальной и в его идеальной, логической форме предстаёт в нашем мозгу в виде иерархической структуры логических форм – фонем, графем, морфем, понятий, суждений, умозаключений. Причём чем выше иерархическая структура знака, тем реже он представлен в мозгу в его уже готовой к употреблению форме. Говорящий и пишущий должны ещё найти составляющие этого знака, его структурные единицы, т.е. знаки более мелкого уровня, и из них «делать» знаки более высокого порядка. В основных европейских языках насчитывается от 20 до 30 фонем и графем, но понятий уже сотни тысяч (см. толковые словари), а суждений столько, сколько до сих пор опубликовано во всей мировой литературе. Это свойство знаков различных уровней связано также со свободой их комбинирования: чем ниже уровень знака, тем более он связан по рукам и ногам со свободой передвижения внутри более высокой знаковой единицы. Знаки более высокого уровня позволяют говорящему и пишущему выражать их мысли более свободно, произвольно, сообразуясь лишь с уровнем развития собственного мышления и грамматическими правилами языка.

5) Не только материя знака, но и её идеальный образ в сознании – тоже знак

Общепризнанно, что связь, соединяющая имя с вещью, – нечто совершенно простое. Однако двойственность знака, если его, по традиции, рассматривать как форму и значение, – только видимая часть айсберга. Оба момента, заключённые в знаке, как я показал выше [(2) – » (3)], психичны, идеальны и связываются в нашем мозгу посредством психических ассоциаций. Языковой знак связывает не имя и вещь [т.е. не (1) – » (4)], а акустический, идеальный образ знака (фонемы) и идеальный образ предмета (понятия) [т.е. (2) – » (3)]. Этот образ не есть материальный звук, вещь чисто физическая, а психический отпечаток звука (буквы), фонема и понятие, полученные нами о них посредством наших органов чувств, они – абстрактные образы, т.е. логическая форма в виде фонемы, или просто – логическая фонема. Второй момент ассоциации с вещью, событием – понятие, ещё более абстрактная форма.

Знак есть посредник между внешним материальным объектом и его обозначаемым идеальным образом – значением. Между знаком и обозначаемым объектом нет никакой непосредственной связи, ни материальной, ни прямой, ни какой-либо иной, кроме условной, договорной. Рассуждения о прямой связи знака и объекта – мистика. Обозначать объект – значит просто вызывать в сознании человека образ этого объекта. Связь знака и объекта осуществляется только через их абстрактные образы. Их два – образ самой материи, т.е. цепочка фонем (2) и образ реального объекта, т.е. понятие (3). Обозначение объекта знаком есть вызывание его абстрактного, логического образа, отражающего этот объект, а объект или его образ служат для вызова знака в памяти. Производитель знака идёт от объективной вещи к её отражению – субъективному образу в сознании (это процесс перехода чувственного мышления в абстрактное), а от него опять к объективному знаку (это процесс перехода абстрактного мышления в чувственное). Восприниматель идёт в обратном направлении – от знака к образу и от него к вещи.

Знак произволен, не мотивирован по отношению к внешнему предмету. Значит, мышление человека есть естественно необходимый процесс, не зависимый от каких бы то ни было предметов и их названий. Но знаки регулируют и упорядочивают наше мышление, ускоряют или замедляют его, и по-своему, в каждом языке, согласно его национальной принадлежности, членят его отрезки, одновременно находящиеся в условной, произвольной, но и в то же время в неразрывной связи с реальными предметами.

Хотя процесс отражения мотивирован только мозгом, его мышлением, но в то же время человек не может мыслить и отражать мир без помощи знаков. Следовательно, мышление произвольно само по себе (о чём хочу, о том и думаю, как хочу, так и пишу, о чём немало свидетельствует сегодняшнее теоретическое языкознание), но оно втиснуто в рамки своей национальной знаковой системы.

Значение знака – это ассоциативная психическая связь с предметом и его мысленным отражением в мозгу. Совокупность ассоциаций, скреплённых согласием коллектива, составляет язык, т.е. это реальности, их местонахождения – в мозгу. Психология показала, что центральное физиологическое явление в работе больших полушарий мозга есть то, что мы называем условным рефлексом. Это явление психологи назвали ассоциацией. Всё обучение заключается в образовании временных связей, ассоциаций, а это есть мысль, мышление, знание. Следовательно, основное – это ассоциации. Всё это есть «понимание», всё это есть «мышление», которое насквозь состоит из ассоциаций. Каждая маленькая, первая ассоциация это есть момент рождения мысли. Эти ассоциации растут и увеличиваются. Тогда гово-

рят, что мышление становится глубже, шире и т. д. Таковым является и процесс научной мысли.

Любая материя становится знаком лишь тогда, когда она приобретает знаковую функцию, т.е. когда звук, буква приводит в ассоциативную связь определённые предметы действительности с их мысленными, общественно осознаваемыми отражениями в сознании людей. Значение знака – это логическое понятие, соотносённость знака с определёнными классами предметов и с идеальным отражением этих предметов в сознании. Значение знака имеет двоякую ассоциативную соотносённость – с предметами и с их мысленными, идеальными отражениями в сознании. Сущность именованная заключена как раз в этом двойном отношении – к вещи и к понятию о ней.

Положение о знаковом характере языка имеет для языкознания принципиальное теоретическое значение. Единицы языка не могут включать в себя психических отражений действительности, а могут только тесно ассоциироваться с ними в сознании говорящих. Следовательно, язык не имеет отражательной функции. Языки не включают непосредственно в свой состав идеальных образов обозначаемых явлений действительности. Признание знаковой природы языка и одновременная попытка включения психических отражений действительности в состав знаков под вывеской «значения» принципиально неверно.

Хотя значение – неязыковая категория, не выводимая из знаковой структуры языка (ибо значение – факт сознания, психического, есть общий объект исследования лингвистики, логики, психологии, физиологии, философии), тем не менее невозможно вывести факты сознания и психики, т.е. вопросы психологии за пределы лингвистики. Это не «очищение» лингвистики от «посторонних» для неё теоретических проблем, а лингвистическое преломление того, как надо понимать взаимоотношения материальных знаков и их идеальных образов в сознании. Природа взаимосвязи материального и идеального может быть определена не в границах материальных языковых знаков, а лишь на основе данных логики, психологии, физиологии, философии. Лингвистический знак – чисто материальное, это даёт основание определять элементы языка в качестве материальных заместителей абстракций и эмоций, этих сложных психофизиологических процессов мозга.

Идеальное, сознание – функция, способность мозга, результат или продукт физиологических процессов мозга. Эта функция объективируется в абстракциях, т.е. в **логических формах** (фонемах, графемах, понятиях, суждениях, умозаключениях), и в **чувственных формах** мысли (звуках, буквах, простых предложениях, сложных предложениях). Но сам внутренний механизм отношений между знаком и значением, заложенным в сознании, остаётся до сих пор открытым. Формирование человеческого мышления – это формирование фонем, графем, понятий, суждений, умозаключений. Это формирование логических форм обусловлено операциями при помощи материальных субстратов, заместителей объектов.

Пластичность психики и условный характер знаков рождает полисемию – один знак может иметь множество «значений». Это первый уровень языковой структуры, на котором проявляется закон материалистической диалектики: соотношение материального и идеального. Значение, идеальное в мышлении не может появиться вне его носителя, оно ищет опору в материи знака. Но и знак не есть знак, если он не ассоциирован в мозгу с идеальным образом предмета, в этом случае он не имеет никакой ценности, кроме природной материи. Знак произволен, но как нечто становится знаком, как природная материя переродилась в знаке, что его заставило и как он мог преобразиться в мозгу – тайна лингвистики, логики, психологии, психофизиологии.

Вопрос о четырёхфункциональности знака сложен. Многие, наверное, эту теорию будут отрицать, увидев в этом псевдо-проблему, потому что не существует якобы явлений, которые были бы одновременно и материальными, и идеальными. Но, с одной стороны, материальное находится вне мозга, а идеальное от материи – в мозгу. С другой стороны, ведь

противопоставление материального идеальному является противопоставлением философским, диалектическим, гносеологическим, а не онтологическим. Если не признавать явлений, одной стороной обращённых к материальному, а другой – к идеальному, то необъясним переход от материального к идеальному и от идеального к материальному, который совершается в сознании людей ежесекундно. Именно благодаря этому происходит «переключение» материального в идеальное: это переход чувственной формы мышления в абстрактную форму мышления [уровни (1) и (2) и обратно: это переход абстрактной формы мышления в чувственную [уровни (3) и (4)]. Эти переходы совершаются в знаке благодаря наличию у знака четырёх его сторон: материального в знаке и его идеального образа в мозгу, а также материального в реальном предмете и его идеального образа в мозгу. Знак **обязан** быть материальным, чувственным, иначе невозможен ни процесс мышления, ни процесс коммуникации.

6) Языковой знак удобен для хранения и его передачи поколениям

Свойства знаков таковы, что они, благодаря их идеальному образу, удобны для их хранения и передачи от поколения к поколению. Мы храним в памяти не только сам чувственно осязаемый материальный знак в виде звуков, букв, но и его обобщённый, идеальный образ, форму знания о нём, а также умение и навыки перевести этот идеальный образ знака в соответствующую материальную форму. Язык носят не в кармане или в портфеле, а в голове. Язык как система знаков есть идеальная, а не материальная сущность, хотя и живёт он и видимый в буквах, и слышимый в звуках, как бы в своих материальных носителях, хотя сам язык живёт в сознании. Это можно элементарно доказать тем, что, во-первых, отдельные сегменты речи узнаются собеседником как значимые единицы языка. А это возможно лишь тогда, когда в сознании реципиента имеются эталоны для сравнения, во-вторых, слушатель или читатель запоминает ранее сказанное и написанное не пословно, не слово в слово, а лишь смысл как категорию не языковых знаков, а сознания. Именно поэтому языковой знак является логически единственно возможным, бесценным средством для производства человеческого мышления и удобен для хранения и передачи его поколениям благодаря его идеальному образу, отпечатанному в мозгу.

7) Асимметрия в знаке между звуком и его ассоциативным значением в сознании – следствие произвольности знака

Асимметрия знаков есть их уникальное свойство. А по-другому в языке и быть не может – знак есть условный, немотивированный материальный объект, выбранный человеком или случайно, или в силу каких-то ассоциаций. Отсюда «разлаженность» между формой и содержанием, т.е. за одним и тем же знаком может быть условно закреплено любое и даже несколько ассоциативных образов, а за одним образом – несколько его различных материальных воплощений, знаков. Звучание и значение – не параллельны. Эта асимметрия находит в языке различные наименования (полисемия, синонимия, антонимия, омонимия.

«Значение» знака не является отражением мира в силу своей условности, произвольности. Условная, произвольная и искусственно человеком установленная связь не может рассматриваться как отражение. Значение – а оно находится не в материи знака, а в мозгу – это условная связь знакового комплекса с понятием, установленная человеком. Значение в знаке, т.е. логическая ассоциация в сознании в виде его наименования, имени есть не отражение сущности отражаемого предмета, а психическое, ассоциативное отношение к предмету в виде присвоения ему определённого имени, которое приобретает в обществе с согла-

сия его членов. Значение – это отношение знака и к сознанию, и к языковым системам, к любым знакам как результат трансформации абстракций самого мышления. Отсюда – новые абстракции мышления, иные семантические связи уже готовых знаков с новыми значениями. Отсюда и причина изменения значений в собственно лингвистическом плане, синонимия, омонимия, антонимия, полисемия. Поскольку семантика органически входит не в структуру языка, а в структуру мышления (в виде структуры логических форм), поэтому к семантике приложимы и нелингвистические методы исследования.

Звучание слова само по себе нам ничего не может сказать о характере значения, с которым оно ассоциативно связано (выражает). Ведь связь эта – произвольна. Именно такая произвольность материальной языковой формы и создаёт возможность обобщений и отвлечений. Этого не могло бы быть, если бы действительность сигнализировалась такими сигналами, которые бы давали зеркальное отражение каждого из реальных предметов. Связь формы и значения произвольна, но общественно обусловлена: никто не может менять слова по своему вкусу, пока этот акт не будет принят обществом. Кроме того, каждое новое поколение усваивает язык предшествующего поколения.

8) Знак есть также средство выражения отношений между знаками: грамматическая система – тоже система знаков

Знак естественного языка есть не только средство фиксации приобретённых знаний, но и средство выражения грамматических отношений между знаками, эти отношения фиксируются грамматическими средствами, в которых также отражены идеальные, мыслительные процессы, многообразная и противоречивая действительность. Все знаки языка *ab ovo*, уже от своего рождения снабжены определёнными грамматическими маркерами, благодаря которым знаки и вступают в связь друг с другом, образуя языковую знаковую систему. Грамматика нужна для того, для чего нужны и слова – чтобы включать слова в речь в определённом порядке, последовательности, линейности, в нужных синтаксических структурах и придавать мысли стройную, нужную форму, варьировать структуры. Обозначение предметов материальными знаками – недостаточно, чтобы состоялся познавательный процесс и коммуникация, эти знаки надо привести в систему. Иначе язык превратился бы не в систему знаков, а в беспорядочное нагромождение знаков, как кирпичи на свалке.

Материальный знак есть знак только потому, что он имеет своего интерпретатора. Но знаки не изолированы, они живут в системе себе подобных, в системе, которую создали люди и без них нет ни знаков, ни их системы. Знак – это посредник между человеческим мозгом (живой материей) и внешним миром (неживой материей). Но функционирующая материя мозга – это мышление, сознание, и без него не может появиться материя знака, т.е. материя, созданная человеком и им же превращённая в её идеальный образ – фонему, графему.

Но важно не только материальное тело знака: оно через органы речи и слуха (на уровне чувственного мышления) воспринимается из звуковой и графической среды, преобразуется в его идеальный образ в нейронах и передаётся мозгом обратно за его пределы только в **идеализированной** форме, которая через органы речи и пальцы руки вновь возвращается в своё исходное состояние – материальные звуки и буквы. Своим телом знак обозначать в мозгу ничего не может (вне мозга это просто материальная мёртвая субстанция и ей нет места в живом мозгу), а может это делать только через **идеальный образ** своего тела, превращаясь таким образом в наименьшие логические формы мысли – фонемы и графемы. Но и это не всё – идеальный материи знака живёт только в системе (*дом, ком, ром, сом, том*) (здесь выделено идеальное понятие от материи звука, как наинизшая из всех логических форм – фонема, графема). Знака нет, если нет системы, в которой он живёт, и из которой он вышел.

Знака нет, если нет человека, его мозга, т.е. мышления, в котором только и только живёт этот знак.

9) Диалектика взаимодействия уровней в знаке. Материальное и идеальное в знаке

Животные и люди формируются материально и физиологически только сообразно мерке и потребностям того вида, к которому они принадлежат. Материальная же форма языка формируется не природой, не стихийно, а сознанием человека. Хотя это идеальное, сотворённое мозгом, лежит не в материи знака, а в сознании, но оно, тем не менее, не связано органически с материей, связь эта знаковая, стихийная и не отражает сущность данного внешнего предмета.

Значение или идеальное в голове делает материю звука материей языка. Без значения звук – природная материя, вещество. Звук без значения не имеет отношения к языку. Чтобы стать языковым, звук должен быть связан со значением. Материя звука становится языковой материей, лишь будучи одухотворённой значением. Значение в этом случае есть то «известное условие», при наличии которого явление превращается в свою противоположность: природная материя становится неприродной, т.е. знаком языка. Значение как идеальное немислимо вне и без своей материальной основы. Оно условно, но жёстко, по договору связано с материей звука, не может ни существовать, ни возникнуть без него, значит – без мыслящего человека.

Язык не есть голая звуковая материальность. Когда мы употребляем звуки, знаки языка для чего-то иного, кроме того, чтобы их просто произносить, то есть для общения и познания, то они утрачивают свойство знака. Звук соотносится с каким-либо явлением, с которым у него отсутствует причинно-следственная связь, материя знака никак не детерминирована свойствами предметов, с которыми они соотносятся. Эта связь условная, между ними отсутствует какое-либо сходство. Связь эта устанавливается сознанием человека, знаку придаётся значение, изначально ему чуждое, и тем самым создаётся знаковость, устанавливается соотношение звука с незвуком. Звук становится представителем незвука. Звук сам по себе не может принадлежать языку. «Функциональное бытие знаков поглощает их материальное бытие» (Маркс, Энгельс). «Знак есть непосредственное созерцание, представляющее совершенно другое содержание, чем то, которое оно имеет само по себе» (Гегель). «Что роза пахла бы иначе, когда б её иначе называли»? (Гёте).

Язык есть непосредственная действительность мысли, материальное «отягощение» сознания, немозговая материальная форма выражения сознания. Идеальным являются лишь психические или логические образы слов, существующие не в языке, а в голове человека. В этом отношении слово не отличается от любого другого материального предмета. Во время чувственного восприятия слова эта чувственная форма мысли сопровождается пониманием, т.е. установлением связи этого слова с определённым логическим понятием, отложившимся в голове человека и уже в его прежнем опыте соотносившимся с данным словом.

В словесном, письменном выражении мысли не существует соответствия идеального образа и материального знака, ведь они условно, лишь символически представляют содержание мысли. Знак, сам по себе, ни материей, ни идеальным образом не отображает содержание мысли. Информационную способность знак приобретает благодаря исторически сложившейся связи – соотносённости с данной мыслью.

В материи знака содержатся два объекта: сама материя звука, буквы, и идеальная форма этого звука, отражённая в сознании (в модели знака это уровни 1, 2). Форма звучания (написания) изобретена сознанием, но она не осталась в самом знаке, а осталась в сознании. Обе

стороны материального знака (1) и (2) ассоциативно связаны с внешним предметом (4) через его идеальный образ (3). Поэтому речевой диалог, «обмен мыслями» есть обмен звуками, а так как они связаны в мозгу говорящего и слушающего с идеальными формами этих звуков и этих предметов, то происходит «обмен мыслями» в форме ассоциативной связи одних и тех же звуков с одними и теми же предметами. Речевой диалог, «обмен мыслями» есть обмен звуками. А так как они связаны в мозгу говорящего и слушающего с идеальными формами этих звуков и предметов, то происходит обмен мыслями в форме ассоциативной связи одних и тех же звуков с одними и теми же предметами.

Если бы мысль была локализована только в сознании и не могла бы иметь выхода за пределы сознания, то не было бы и самого сознания. Сознание выходит наружу лишь в форме ассоциативной связи определённого участка сознания, связанного с определённым знаком. Мысль не смогла бы материализоваться вне сознания. Но это не значит, что мысль осталась в знаке, ведь вне мозга она не живёт, а мысль просто соотнесена с определённым знаком, языковым, специфическим, изобретённым самим человеком для нужд своего сознания.

Если бы мысль локализовалась только в сознании и не могла бы оторваться от материи мозга, которая мыслит, если бы она не могла выйти наружу, встать между говорящим и слушающим, то невозможен был бы «обмен мыслями», взаимопонимание, общение. Сознание, идеальное не могло бы вообще возникнуть. Сама мысль не может перейти в форму звуковой и графической субстанции, мысли остались бы в голове как логическое понятие или суждение, они связаны по ассоциации с совершенно определёнными знаками и создают впечатление, что перешли в форму звучания или графического изображения. Если бы мысль получила форму материи звука (буквы), то в момент молчания человека эта связь должна была бы остаться, но её там нет, и вновь эта связь появляется, когда человек говорит, пишет. Эта связь сигнала, материи, буквы с идеальным образом в сознании соединяется вновь только в сознании. Звук не есть мысль, но без звука нет мысли; мысль не есть звук, но без мысли нет звука, языкового знака. Эти противоположности обеспечивают их слияние в тождество.

Диалектика взаимодействия материального и идеального в знаке заключается в том, что идеальное одновременно и присутствует, и отсутствует в материальном знаке. Идеальное в знаке обнаруживается в том, что оно ассоциативно отпечатано в сознании человека. Вот поэтому материальное в знаке и идеальное в мозгу взаимосвязаны неразрывной ассоциативной связью и одно тут же по ассоциации вызывает другое.

Если бы знак не был связан с идеальным образом материального предмета в мозгу, то было бы невозможно понимать звучащие и написанные слова. С другой стороны, если бы идеальное, содержащееся в мозгу, не имело своего ассоциативного материального двойника в материи знака, то понимание, обнаружение этого идеального в мозгу было бы тоже невозможно. Если говорить о том, что в материи языкового знака остаются следы идеального, то это идеальное находится только в мозгу, а то впечатление, будто в самой материи знака заложено значение, есть не что иное, как неразрывная, ассоциативная, психическая связь материи знака с её идеальным образом внешнего предмета в мозгу. «Трудное и истинное заключается в том, чтобы показать, что то, что есть иное, есть то же самое, а то, что есть то же самое, есть иное, и именно в одном и том же отношении» (Гегель).

10) Языковой знак и мышление

Между знаком и предметом как двумя физическими явлениями нет никакой органической связи, она устанавливается человеком в его социальной практике. Именование предмета словом основано на понятии этого предмета и именуется не отдельный предмет, а класс

предметов, существенные признаки которых закреплены в понятии. Знак соотносится непосредственно с понятием, а отношение его к предмету носит опосредованный характер.

Значение знака – это инвариант информации, возбуждаемый знаком в голове субъекта, живущий в голове одного человека и передаваемый в мозг другому человеку в системе знаков. В процессе передачи информации передаются не знания как таковые, а определённые знаковые структуры. Мысль кодируется в знаки в мозгу одного человека, которые передаются в другие головы, где возбуждают значения тех же объектов, обозначенных теми же знаками.

Знак языковой – это превращённая форма существования объектов внешнего мира в нашем сознании, это поглощение материального бытия знака его функциональным бытием. В знаке проецируется замещаемая им предметная реальность, что и делает знак превращённой формой этой же реальности. Знак функционирует как объект, указывающий на чужие свойства замещённого им предмета.

Вербальная коммуникация является адекватной мыслительному процессу человека. Поэтому мыслительный процесс есть собственно речемыслительный, на основе условных знаков объединяющий в себе категории сознания и языковых знаков. Мышление человека – это абстрактная форма познания, выражающаяся в специально приспособленной для этого форме отображения мира в виде материальных знаков, сочетающих в себе материальную субстанцию и идеальную, логическую сущность, локализованную в мозгу человека. Интеллект лежит за пределами знаков, у них нет ничего общего. Рождение абстрактного мышления есть рождение человеческого языка. Только языковой знак венчает становление абстрактного мышления.

Мысль и звук, т.е. материальное и идеальное тесно между собою связаны, но условно, немотивированно. Отсюда можно было бы сделать вывод, что это и составляет сущность языка как некоего целого. Однако это разнородные явления – материя и идеальное, сознание, – поскольку они не могут быть локализованы в мозгу одновременно. И тем не менее они там. Но как, в какой форме? Вот слова Соссюра: с какой бы стороны не изучался язык, он всегда есть объект двойственный, состоящий из двух сторон, из которых одна существует лишь в силу существования другой. Бенвенист Э.: Всё в языке необходимо определять в двойных терминах: на всём лежит печать оппозитивного дуализма.

Понятийное, абстрактное мышление преобразует объективный мир в мир идеальных сущностей, что и есть фактор познания мира. Но возникновение идеальных образов, форм мышления всегда, неизбежно связано с необходимостью их внешне воспринимаемого, чувственного, материального закрепления. Существование абстрактных форм мышления заложено в их внешне воспринимаемой, материальной природе знаков.

Знак не содержит в себе ни семантического, ни логического значения. Если считать, что знаки выражают мысли, то это противоречит существу познавательного знака и поэтому неверно. Если знак есть знак воспроизводимой идеи, то он должен лишь указывать на эту идею, т.е. воссоздавать мысль о ней в сознании человека, а не в самом знаке, и не в самом внешнем предмете. Знак не есть выразитель идеи, он не включает в себя чувственного образа самого себя, он в сознании как чувственный образ, там же его и идеальный образ, и именно это не ведёт к отрыву материального от идеального. Если считать, что понятие находится в знаке, то оно становится частью знака, т.е. есть сама природа знака. Если предположить, что знак выражает идеи, то он – часть мышления. Знак, взятый сам по себе как физическое событие, есть не знак, но лишь тело знака. Он становится знаком, только будучи взятым в определённом отношении к чему-то внезнаковому, к означаемому.

Познавательная ценность знака состоит в том, что он относится к предмету, с его помощью формируется и создаётся заново мысль о предмете. Только через знак мы познаём предмет и узнаём о его существовании, хотя его непосредственно не воспринимаем. Знак заме-

щает предмет как средство информации о нём, т.е. это знак предмета, сигнал сигнала. Эта связь и есть значение слова, которое находится в сознании.

Ни логики, ни математики не выступают с заявлениями, что логические и математические значения являются внутренним свойством знаков, что знаки суть вместители значений. Наука не сделала бы своих успехов, если бы люди всё время помнили, что знаки языка имеют значения, заключённое в них самих. Каждый астроном в обычном разговоре употребляет «Солнце всходит и заходит», но на уровне науки они доказывают совершенно противоположное. Все значения лежат за пределами знаков, эти значения – в мозгу. Изначально материальная сторона слова, его форма не обусловлена природой обозначаемого предмета. Если бы было иначе, то во всех языках были бы одинаковые номинации для одной и той же вещи, т.е. был бы в мире один-единственный язык, а это вело бы к сокрушительным последствиям.

Каково взаимодействие знака и значения? Значение знака является идеальным образом в сознании, так как оно устанавливается мышлением в процессе сознательной деятельности индивидов, для которых значения знаков суть элементы их общественного сознания. Значение знака не есть сам материальный предмет, значения знаков – идеальные образы этих предметов в сознании. В языковых знаках необходимо должна быть материя, язык – материальное творение. В противном случае язык не смог бы выполнять свои функции – познания и коммуникации, ведь человек может сообщить другому нечто лишь посредством материального знака. Человек воспринимает внешний мир лишь через чувственные формы мысли – ощущения, восприятия, представления, которые суть результат превращения энергии внешних раздражений в факт сознания, т.е. в абстрактную форму мысли, в сознание.

Соотнесение языкового знака с предметом в процессе именованья устанавливается не непосредственно, а с помощью отражения этого предмета в голове человека в форме идеального образа этого предмета. Тот или иной материальный предмет становится представителем другого предмета, иного по своему содержанию, чем он сам, т.е. становится знаком лишь тогда, когда возникает внутренняя связь между ним и идеальным образом обозначаемого предмета. Не обозначаемый предмет есть значение слова, а умственный, мыслительный, идеальный образ этого предмета. Этот идеальный образ предмета становится его значением, он, во-первых, не существует без своего материального носителя, знака, и, во-вторых, само соотнесение знака с предметом, наименование его возможно лишь посредством идеального образа.

Для того, чтобы знак мог выполнять информационную и познавательную функции, т.е. не быть просто каким-то материальным объектом, а выражением идеальных образов в сознании, он должен указывать на значение, находящееся в сознании. Но не входит ли значение в языковой знак и не является ли его внутренним свойством? Значение не в нём, ибо знак, его материя только соотносится человеком с идеальным понятием, хранящимся у него в мозгу. Значение возникает в этом соотношении, следовательно, и слово, и его значение лишены органической связи друг с другом.

Каков механизм слияния звука со значением? По психической ассоциации происходит условная, немотивированная связь между звуком (1) и реальным предметом (4), одно вызывает другое (см. «Модель знака»). Но «одно вызывает другое» не может происходить в виде прямой, непосредственной связи между ними (1) – (4), звук *берёза* не имеет ничего общего с деревом *берёза*, между ними нет прямой связи. Но эта связь есть, она в мозгу: звук (1) откладывается в мозгу в виде абстрактного образа, абстрактной идеи (2). То же происходит и с реальным внешним предметом: знак *берёза*, отразившийся в сознании в виде абстрактной идеи этого знака (2) ассоциативно связывается с абстрактным образом (3) этого предмета (4). Следовательно, в сознании откладывается устойчивая ассоциация между знаком (1) и предметом (4), но не непосредственно, а только через их абстрактные образы (2) – (3).

Хотя звуковая материя знака (1) порождается органами речи, однако ими руководит мышление. Следовательно, и сам звук – порождение мозга через органы речи. Мозг командует органами речи для создания звукового знака, он же генерирует его абстрактное значение, идеальный образ. Звук не может находиться вне сознания, иначе это был бы лишь природный, физический звук, независимый от человека.

Материалистическая диалектика рассматривает внутреннее противоречие в знаке, в слове не как непосредственное взаимодействие между материей и значением (идеальным), поскольку их прямое взаимопроникновение невозможно не в силу их принципиально различного качества, а в силу наличия между материальным и идеальным промежуточного звена в виде идеального образа знака (2) и идеального образа предмета (3). Немыслимо непосредственное и абсолютное слияние материального и идеального в языковом знаке. Надо найти посредствующее звено, благодаря которому противоположности взаимодействуют друг с другом. Необходимо опосредование противоположностей. Промежуточное звено, сочетая в себе свойства противоположностей, обеспечивает их слияние в единство. Полярность противоположностей (звук – предмет) снимается в их тождестве. Поэтому на уровне промежуточных звеньев противопоставление противоположностей исчезает, снимается. Материальное и идеальное, т.е. материя звука и идеальный образ внешнего предмета образуют единство именно потому, что между ними есть связующее звено в виде единства двух уровней в знаке (2) – (3).

Именно это связующее звено в знаке в виде его двух уровней не позволяет свести язык к математике, о чём так мечтали некоторые учёные. Например, Лейбниц предложил усовершенствование языка: система научных логических, математических, философских, политических понятий должна быть общей для всех наук, универсальной. Лейбниц выдвинул три основных принципа: 1) Отбор наиболее важных и точных понятий, т.е. «алфавит мысли»; 2) Создание простых символов на основе исследования всех существующих типов знаков; 3) Отбор строгих правил, которые суть непротиворечивая система. Например, математика уже имеет такую письменность, непосредственно выражающую мысли. Надо построить независимую от разных языков систему. Тогда можно будет также точно выражать все мысли на естественном языке, как и в математических знаках. Именно это и приведёт к умертвлению естественного языка.

Иногда ошибочно приравнивают семиотический знак к знаку языковому. Но это несравнимые понятия. Никакая знаковая форма не является мыслью сама по себе. Мысль – это интерпретированная человеком знаковая форма, представляющая некоторую связь вещей. Чтобы знак стал мыслью, нужен интерпретатор. Интерпретация знаков, соотнесение их с определёнными объектами – это акт, осуществляющийся в голове человека. Именно этот момент составляет идеальную сторону всякой мысли. Следовательно, без знаков нет и человека. Знак есть знак только потому, что он интерпретируется как знак чего-либо неким интерпретатором, т.е. человеком. Если учесть этот непреходящий факт, то окажется, что семиотический знак не есть знак языковой, ибо он не предусматривает интерпретатора. Семиотика игнорирует как раз то, что характеризует подлинно научный подход к изучаемым явлениям, многообразные отношения между ними.

Понятие знака неотделимо от знаковой деятельности. Использование знаков не только направляет человеческую деятельность, но он есть неизбежное звено в этой деятельности, без языка нет и человека. Поэтому язык человека не может быть сравним с языком семиотическим ввиду их функциональных различий. Семиотические знаки не относятся к разряду языка, потому что их знаковая природа не служит целям мышления человека в плане отражения действительности, а соотнесена с мышлением только вторично, как способ изображения уже существующего понятийного содержания, добытого средствами человеческого языка.

Лежит ли естественный язык в основе языков искусственных? Некоторые считают, что формулы, математические знаки, рисунки, чертежи имеют вторичное происхождение, существуют на базе языка, т.е. имеют вторичное значение и расшифровываются обычным человеческим языком. Напротив, знаки в других науках тоже полноценные знаки и их действие аналогично языковым знакам. И те, и другие знаки взаимопереводимы. Любое научное творчество базируется на естественном языке. Он – основной язык, как в форме общения, так и в науке. Но естественный язык в то же время работает и в роли метаязыка, так как с его помощью описывается тот же язык математики.

Каково значение знаков в жизни человека? Знаки – всюду вокруг человека. Они вплетены в его жизнь, начиная с процессов построения и функционирования его тела при помощи кода ДНК. Они необходимы человеку всегда, начиная с первого крика ребёнка. Без знаков невозможна производственная, общественная, культурная и личная практическая деятельность. В общественной практике откладываются в голове знания и правила функционирования знаков. Вопрос о семантическом и логическом содержании знаков, хранящихся в голове человека, является частью более общего вопроса о функциях знаков вообще.

Некоторые лингвисты полагают, что понятие языкового знака совершенно чуждо лингвистике и привнесено в неё извне. В языке, взятом «в себе и для себя» понятие знака не является, якобы, необходимым. Лингвистическая значимость знака покрывается «словом» как глобальной единицей: следовательно, слово – не знак. Поэтому понятие знака нужно искать за пределами языкознания, прежде всего в психологии, как психолого-лингвистическая единица, живущая на пересечении системы единиц языка и системы единиц мышления. Именно на этом пересечении и лежит слово. Отсюда следует, что единицы, стоящие ниже слова (звуки, морфемы) и выше слова (предложения) также являются знаками. Однако этот вопрос не поддаётся изучению только в рамках лингвистики, поэтому необходим выход за её пределы. – в частности, в психологию, логику, философию. Данная работа как раз и показала, что проблема знака – также проблема лингвистическая, но она может быть решена только с опорой на диалектический материализм.

§2. Фонема

1) Фонема – фундамент строения и функционирования языка

Образование абстрактных понятий невозможно без глубокого философского понимания явлений мира. Чем глубже познаны вещи, явления, процессы, тем понятнее переход от познания менее глубокого к познанию более глубокому, от явления к сущности предмета. На этой основе здесь строится теория знака и, следовательно, его абстрактной, логической формы, строительного элемента – фонемы, без которой невозможно решение целого ряда лингвистических проблем. Через понимание сущности фонемы понятнее становится отношение отдельного и общего, материального и идеального, теории языкового знака, дихотомия язык – речь и другие проблемы.

Чтобы чётче представить себе роль фонемы в организации и функционировании языка, мы должны вернуться к четырёхуровневой модели языкового знака. Исходным пунктом или материальным субстратом фонемы служит (1) материя звука (чувственное мышление), которая воспринимается слухом как звук, служащий в функции мельчайшей логической единицы (абстрактное мышление), как идеальный образ этого звука – фонема (2). Звук (1), преобразованный мышлением в его идеальный образ, в фонему (2), связан со значением, с логическим понятием (3) о реальном, внешнем предмете (4), лишь по названию изображаемого, но не отражаемого, этим понятием. Уровень в знаке (2) как идеальная фонемная цепочка замещает идеальный образ (3) того предмета (4), который отображён этой цепочкой фонем. Идеальное в материи знака (2) и идеальное в материи внешнего предмета (3), локализованных в нейронах мозга, есть фонемная цепочка (*d – e – p – e – v – o*). Она представляет и звук (1), и внешний предмет (4). Таким образом, на первом уровне восприятия знака (1) мы его воспринимаем чувственной формой нашего мышления (слышим звук знака, как материальный физический звук), и одновременно, автоматически, бессознательно переводим его на уровень абстрактного, идеального мышления как логическое понятие низшего уровня – в фонему (2).

Фонема – это мельчайшая логическая форма. Отдельная фонема может быть в то же время понятием, т.е. словарным понятием (союзы, предлоги). Но главная функция фонем – построение фонемных цепочек, символизирующих понятия, суждения, умозаключения и другие типы сложных логических построений, которые суть тоже знаки, сложные знаки, сложные иерархические фонемные цепочки, состоящие из более простых знаков. Фонема служит смыслоразличительным средством только потому, что она различает различные понятия, например, среди согласных звуков *дом, том, сом, ком, ром*, и гласных звуков *родиться, рядиться*. Так как фонемы выполняют смыслоразличительные функции, то это значит, что они выполняют и знаковые функции, а это, в свою очередь, означает, что фонемы, как мельчайшие логические единицы, выполняют логические функции **различения** логических понятий (в составе сложных фонологических цепочек), и логические функции **самостоятельных** понятий (например, некоторые союзы, предлоги, частицы).

Человеческий мозг обладает двумя фундаментальными свойствами: **Первое свойство мозга** – способность к абстракциям. Единицы и их соотношения в языке неоднородны и подвижны. Они в состоянии непрерывного изменения и развития, одни и те же единицы языка реализуются у различных людей в неодинаковых произносительных и графических формах. Сколько людей, столько и произносительных или графических образцов,

даже у одного и того же человека всё по-разному. Но в языке есть и постоянства, устойчивые элементы – фонемы. Иначе не было бы языка, не было бы и человека.

Можно сослаться также на пример из политэкономии. К. Маркс показал, что понятие «стоимость» может быть выделено и понято лишь в результате исследования тех отношений между товарами, в которые они вступают при их взаимном обмене, при приравнивании их друг к другу, несмотря на их качественное различие. Он ставит вопрос: что представляет собой то общее, что позволяет устанавливать отношение равенства между двумя качественно разными товарами. Например, обмениваются: 1 центнер пшеницы на x центнеров железа. В двух материально различных вещах существует нечто общее, одна и та же величина. Следовательно, обе эти вещи равны чему-то третьему, которое само по себе не есть ни первое, ни второе из них. Этим общим оказывается стоимость [Маркс. Капитал, 1955, т.1:43], т.е. количество и качество труда, затраченное на изготовление этого продукта.

Так происходит и в языке: одни и те же звуки речи в устах разных говорящих – разный товар. Разные звуки подводятся под одну фонему. Следовательно, фонема – это лингвистическая стоимость, значимость, абстракция. Но эти различные товары-звуки для одного и того же человека имеют общее в виде фонемы как идеальной, логической абстракции материи знаков. Это – та же «стоимость» в области языкознания.

Второе свойство мозга – его способность к комбинациям однородных элементов, она связана с биологическими законами человека. Например, наследственность в биологии – это информация, осуществляемая посредством химического сообщения и его кодов. Это сообщение записано комбинациями всего лишь четырёх химических радикалов (т.е. устойчивая группа атомов в молекуле переходит без изменений из одного химического соединения в другое). «Четыре элемента повторяются на всём протяжении хромосомной нити множество раз; они бесконечно сочетаются и переставляются, так же как буквы алфавита на протяжении всего текста. Фраза – это сегмент текста, а ген – сегмент нити нуклеиновой кислоты. В обоих случаях символы не имеют смысла, смысл сознаётся только комбинацией символов» [Жакоб Ф., ВЯ, 1992 – №2].

Фонемы, по-отдельности лишённые самостоятельного смысла, приобретают смысл, сочетаясь в комбинациях определённым образом. Это зависит от строгой линейности сообщения. Ограниченное число знаков, а ещё более ограниченное число фонем дают бесконечные их сочетаемости. Этот закон пронизывает всю живую природу, когда возникает необходимость порождения многообразия структур с использованием ограниченного количества строительных блоков: 1) в атомах, созданных из нескольких элементарных частиц, которые сами возникают в результате группировки ещё более элементарных частиц; 2) в построении бесчисленного числа молекул, построенных из атомов. Этот метод является единственно логически возможным методом создания всего безграничья природы. Например, в биологии – на всём протяжении хромосомной нити постоянные элементы повторяются бесконечно, точно так же, как буквы алфавита на протяжении всего текста. Ген – сегмент нити нуклеиновой кислоты, так и фонема – сегмент слова, предложения, текста. В обоих случаях отдельные символы не имеют смысла, смысл создаётся только их комбинацией. Благодаря фонемам и графемам, как абстракциям мозга, и их материальным основам (звуки, буквы) происходит накопление, хранение и передача информации.

По мере овладения фонологическим анализом, мы получаем образец анализа вообще, пригодного для решения всех теоретических вопросов языковой сущности знака, слова, предложения. Материальный звук не может сам по себе, без его абстрактного образа в виде фонемы, принадлежать языку. Для языка он нечто вторичное, лишь используемый материал. Например, не металл определяет ценность монеты, а её абстрактная меновая стоимость. Так и фонемы: их ценность состоит в способности формировать логические понятия, в различении смысла единиц языка – от низших (морфем) до высших (предложений). Понятие

фонемы, как языковой единицы, по своей сути не есть нечто звучащее (это область познания естественных наук), а, напротив, нечто как бы бестелесное, образуемое не своей субстанцией, а исключительно теми различиями, которые отличают его от других понятий. Звук, произнесённый человеческими органами речи – это только физическое (физиологическое) явление, но как элемент фонологической системы языка, как фонема, он – структурная единица языка, и приобретает новые качества, которые превращают его в лингвистическое явление. Звуки не имеют самостоятельного существования, они лишь орудие для фонем и, следовательно, для понятий, для мысли. Все фонемы данного языка находятся в строгих системных отношениях друг с другом, они обретают качество структурности, превращая звуки в звуковые типы, фонемы имеют определённые функции, они различают звуковую оболочку слов, и тем самым различают значения слов как абстрактные логические понятия.

Фонемы – мельчайшие абстрактные логические формы, общие для всех говорящих на данном языке и воспроизводимые при повторении. В каждом языке – строго определённое количество фонем. Из этого ограниченного набора строится вся фонологическая система языка, способная представить бесконечный процесс мышления. Фонемы похожи на химические элементы, из которых состоят все вещества. Так и конечное число фонем участвует в бесконечном построении логических суждений. Каждый язык довольствуется небольшим количеством звуковых типов или фонем, достаточным для различения звуковых оболочек слов. Каждый язык по-своему членит мир звуков на фонемы, каждый язык имеет своё особое «сито», сквозь которое отсеиваются только нужные фонемы – фонемы родного языка.

2) Фонема и мышление

Учение о фонеме как смысловозначительной единицы – «замечательное открытие, которое вошло в железный фонд науки о языке на вечные времена. Суть этого открытия состоит в том, что, хотя в потоке речи реализуется бесконечное разнообразие звучаний, говорящими осознаются не все различия между звуками, а лишь те, которые служат для различения значения... Иначе говоря – ведущим и организующим началом в фонетике, как и вообще в языке, является семантика. В языке нет другой доминанты, кроме значения – вот истинный смысл учения о фонеме» [Абаев, ВЯ, 1965, №3:29]. А это значит, что фонемы неразличимы без связи с семантикой, т.е. с мышлением, ибо они сами – смысловозначительные единицы. Звуковая цепь сама по себе есть ряд звуков и их сочетаний, где ухо не слышит никаких ясных различий. Но чтобы найти эти делимые отрезки, надо прибегнуть к значениям, увидеть за каждым отрезком – фонемы, понятия, а за всей звуковой цепью – суждения и умозаключения. Последовательность звуков в иностранном языке, которым мы не владеем, мы не различаем, для нас это сплошной шум, звуковая материя, без связи её со значением. Но если мы знаем, какой смысл несёт в себе каждая часть звуковой цепи, тогда для нас эти части тут же становятся самостоятельными отрезками, и первоначально бессодержательная цепь звуков распадается на чёткие отрезки. Но в них нет ничего материального, они – абстракции от звуков, хранящиеся в сознании.

В речи слова следуют в линейной и временной последовательности. Слушатель присоединяет к услышанному и понятому им новые значимые единицы, накапливается информация, передаваемая партнёру. В речи фонема может редуцироваться, изменяться под влиянием соседней фонемы, или просто выпасть в произношении говорящего. Тем не менее эта фонема будет восстановлена семантически, в значимом слове, а этого требуют следующие за данным словом слова. Фонема, как единица знаковой системы, дифференцируется, различается, распознаётся в результате постоянства своей фонемной структуры. Звуки в составе слова одновременно являются фонемами в составе понятия. Фонема есть самостоятельный, но мельчайший знак, самая низкая логическая форма, обладающая смысловозначительной

функцией. Фонемы – это знаки, так как они выполняют семантические, т.е. логические различительные функции, хотя обычно считается, что фонемы выполняют только различительную функцию, а не знаковую.

Именно в том, что фонемы выполняют различительные функции, они и есть логические, т.е. знаковые единицы. Слова же, образованные фонемами как мельчайшими логическими единицами, сами являются знаками, но более высокого порядка. Знак обладает признаками: а) обозначает нечто внешнее по отношению к нему; б) наделён общественно значимым смыслоразличительным свойством. Таким образом, фонема, отвечая отмеченным выше условиям, но будучи не материальной, а идеальной, логической единицей, тоже знак. Он участвует в построении морфемы, слова, предложения. Когда фонема входит в сложный знак, то сама по себе есть знак какого-либо смысла, ибо она участвует в его различении и выражении. Здесь она – тоже знак, как и любой другой, и в то же время строительный материал для более сложного знака.

Фонемы участвуют в формировании более высоких логических единиц – понятий, суждений, умозаключений. Но фонема – не только смыслоразличитель, но и строительный материал для более сложных знаков. Фонема сама по себе, будучи структурным элементом в составе сложных знаков, есть один из представителей абстрактных, логических образов (понятий). Если же фонема живёт в виде однобуквенных, однозвучных союзов и предлогов (а, в, к, у и др.), то она самостоятельно выражает логическое понятие, в высшей степени абстрактное, отражающее лишь отношения между другими понятиями, представляющими реальные предметы. Если фонема в сложном знаке обладает смыслоразличительным значением, то она тоже знак, обладает логическим значением, т.е. служит конституирующим понятием в составе более сложных знаков.

3) Сущность фонемы – это основной вопрос философии познания: взаимоотношения материального и идеального

Материальные знаки языка не есть сплошная, нерасчленённая масса звуковой субстанции, иначе язык никто бы не понимал, да его и не было бы. Звуковая цепочка как акустическая материя организована по правилам данного языка, руководимых правилами мышления. Ведь в каждом конкретном слове, его звуках, существует возможность их бесконечных реализаций. Человек говорит и понимает, воспринимает эти звуки только в том случае, если они каким-то образом, т.е. по правилам данного языка, оформлены в систему, несут в себе следы упорядочивающей системы идеального, логического. Следовательно, чтобы говорить и понимать собеседника, эти звуки должны быть расчленены, сгруппированы, отождествлены в рамках небольшого числа постоянных, идеальных элементов, как отождествлённых материально идентичных звуков в виде обобщённого образа, самых мелких логических форм – фонем.

Математика, как самая абстрактная из всех наук, вполне реалистична, она отражает реальные вещи, но она отражает не только поверхностные, но и глубинные структуры действительности. Математические конструкции нужно считать только моделями, только идеальными, логическими первообразами, только принципами действительности, а не самой действительностью. Фонема тоже не есть прямая выраженность вещи, не простое её зеркальное отражение, она как бы загадка или некая тайна, которую ещё надо разгадать. Фонема и графема содержат в себе гораздо больше, чем их прообразы – звук и буква, ибо они, эти последние, таковы, какими мы их слышим или видим только нашим чувственным мышлением. А фонемы и графемы вплетены в ткань сознания как инструменты, или формы абстрактной мысли, мы их воспринимаем нашим абстрактным мышлением. Ведь каждый звук и каждая буква всегда такие, какими мы их слышим или видим в данный момент.

А фонема и графема, как их абстрактные формы, антиподы содержат в своей материи все реальные проявления данного звука и данной буквы.

Фонема – психическая фонетическая единица, это психический эквивалент звука. Звук – это произношение, но оно заканчивается, оставляя в мозгу акустико-фонетический след. Фонема – это единое фонетическое представление, психическое слияние впечатлений, полученных от произношения одного и того же звука разными говорящими. Понятие фонемы является единицей абстрактной стороны языка. Она не имеет однозначной артикуляционной и акустической характеристики, какая подразумевается в звуке. Фонема и начинается с утверждения, что акустические различия не означают различия языкового. Фонема – это абстракция от звука. Именно в этом качестве фонема выступает в языке как средство общения. Если бы неизбежное акустическое разнообразие звуков, обусловленное индивидуальными особенностями говорящих, имело бы какое-то языковое значение, общение было бы невозможным, так как каждый говорящий обладает своим собственным набором звуковых единиц. Границы двух видов членения речевого потока на звуки и на фонемы не совпадают.

Фонология с наибольшей очевидностью ставит перед лингвистами вопросы о природе абстрактного и конкретного и об их взаимодействии в языке. Отношение между звуком и фонемой в теоретическом языкознании было во все времена одной из самых актуальных философских проблем языка. Фонема как знак имеет бесконечное число разных произносительных и графических вариантов, и при этом мы его всё же узнаём как одно и то же. При всех своих звуковых и письменных вариациях он остаётся самим собою, иначе мы бы не могли понимать друг друга. Фонема есть нечто единое и неделимое.

Звуковое сходство или несходство не является критерием для идентификации одной и той же фонемы, и единственно решающим всегда являются критерии лингвистические, они же – логические. Следовательно, это свидетельствует только о подчинённости материального, физического аспекта фонологическому, т.е. логическому аспекту. Но начинается всё с физической материи – с чувственной формы абстрактной мысли, а именно с различия, а не со сходства. Там, где нет физического различия, ни о каком различии фонем не может быть и речи. Но одного физического различия недостаточно для различения фонем, и не оно является решающим, основное в ней – её структурность. Фонема целиком принадлежит к плану идеального – к абстрактному, логическому мышлению.

Бесконечный поток отдельных звуков человеческим слухом неразличим. Человеческий мозг изобрёл фонемы, в которые одел все живые звуки данного языка. Значит человек изобрёл экономические «языковые стоимости» или «языковые значимости», названные фонемами. Без логического понятия фонемы мир не рухнет, но человек вообще бы в нём не появился, человек пребывал бы в своём счастливом образе животного. Без знакового, а это значит, без логического понятия фонемы нет языка, нет мышления, нет человека. Вот та логическая цепь, по которой мы идём, сожалея о «дегуманизации» языка, как пишут некоторые лингвисты.

При определении понятия фонемы лингвисты сталкиваются с самыми сложными теоретическими вопросами, которые с полным правом можно отнести не только к лингвистическим, но главным образом к философским. Неязыковая природа значения выступает уже на уровне фонем, которые формируются как акустические типы в качестве различителей смыслов, идеальных образов в сознании, а не в самом речевом потоке. Хотя фонема и является единицей звуковой стороны языка, её тождество определяется не артикуляторно-акустически, а логически, т.е. тем, что фонема служит для выражения значимых языковых единиц, знаков – морфем, слов, предложений. Поскольку язык – средство общения, постольку всё в языке, в том числе и в первую очередь его наименьшие единицы, фонемы, должны

обладать способностью выполнять эту функцию. Этим и определяется философская сущность фонемы.

Звуковых форм и их конкретных реализаций в языке существует неограниченное количество. Но знаки могут быть инструментом мыслительной и коммуникативной функций, если они сформированы, приведены в систему по законам данного языка (точнее – по законам мышления) и несут в себе идеализированную форму материальных звуков, становятся их некими идеальными образами. Следовательно, бесконечное число звучаний должно быть сгруппировано в систему с конечным числом элементов, что и ведёт к созданию обобщённого звукового образа фонемы, которая, сама не являясь звуком, но его идеальным обобщением, и живёт только в системе, и именно в системе данного языка. Здесь, как и во всём, господствует диалектика – диалектика взаимоотношения материального и идеального, единичного и общего, явления и сущности. Только этим обеспечивается функция языка, т.е. его материальных знаков для реализации человеком его познавательного и коммуникативного мышления. Абстракция звука – это его идеальный, психический, логический образ, фонема, она есть синтез, обобщение существенных признаков в близких по звучанию звуках, отражение общего в физически разнородных, единичных звучаниях. Общее существует в единичном, но и единичное представлено своими существенными признаками в общем – это и есть диалектика перехода от конкретного к абстрактному, и от абстрактного к конкретному. Это взаимоисключающие и одновременно взаимно обуславливающие и взаимно предполагающие противоположности, которые являются производными от основного диалектического взаимодействия – между материальным и идеальным.

Звучание звука мгновенно, материя слова исчезла. Но, тогда как слушатель понимает слово? Это не полный разрыв материального и идеального. Воссоединение звука и его идеального образа в мозгу, в сознании осуществляется благодаря памяти. Звучание индуцирует в воспринимающем сознании образ этого звука как его идеальный, абстрактный отпечаток. В звуке происходит разрыв материального с идеальным, создаётся такое впечатление, будто идеальное, присутствующее в звучании, вместе со звуком уходит в небытие. Но это не так. Погибая перед поступлением в мозг, материальное переходит в свою противоположность – идеальное, которое реально находилось и находится, остаётся в мозгу. Материя звукового языкового знака – не просто внешняя природная материя, она ассоциативно связана с сознанием, идеальным, это не просто звук, а звук языковой, сформированный идеальным сознанием благодаря человеческой памяти, т.е. способности удерживать в себе образ предмета. Звучание есть то диалектическое противоречивое единство, с двумя взаимно отрицающими свойствами, то звено, в котором связано материальное вне мозга и идеальное в мозгу в их единство, благодаря ассоциативным следам идеального в материальном знаке, хранящихся в памяти.

Звук и его идеальный образ – разные явления, но они сливаются диалектически. А по отдельности они – разные, соединившись, становятся новой сущностью, образуют тождество, через которое происходит обмен мыслями между людьми. Звук и его идеальный образ – разные вещи, они непосредственно не соединимы. Идеальное в мозгу выбрало себе произвольный, немотивированный материальный знак (вне мозга). Этот знак вне мозга ассоциативно соединён с идеальным значением. Звук, слышимый собеседником, ассоциируется в его мозгу с идеальным образом в мозгу говорящего. Никакого обмена мыслями нет: между собеседниками – не мысль, в виде формованного материей тождества, а только материя, ассоциативно вызывающая в голове другого ту же мысль, благодаря свойствам долговременной памяти.

Выражение Маркса «На духе с самого начала лежит проклятие – быть „отягощённым“ материей, которая выступает здесь в виде движущихся слоёв воздуха, звуков» надо понимать не в том смысле, в каком этот тезис обычно понимают, будто языковой знак содержит

в себе одновременно и материальное, и идеальное, а в том смысле, что без внешнего звучания, без материальных знаков обмен мыслями между людьми невозможен. Звук и идея как тождество двух явлений – звука и идеального – не передаётся собеседнику, не понимается им непосредственно, прямо. Не передаётся как вещь с той лишь разницей, что вещь передаётся из рук в руки. А «обмен» мыслями, общение – это более сложный психо-физиологический процесс, который соответствует структуре знака и его четырём уровням: в сознании говорящего родилась абстрактная идея (3) о внешних событиях, фактах, объектах (4). Эта абстрактная идея прежде ассоциируется с его же абстрактной идеей материального знака (2), которая выводится им через речедвигательные органы наружу, где звуковые волны, воспринимаемые слушателем (1), преобразуются им в идеальные образы в своём мозгу. Звуковые волны лишь ассоциативно возбуждают в долговременной памяти слушателя соответствующие идеальные образы.

В материю звука мысль не включается. Русский слышит в китайском языке, которого он не знает, только материю природных звуков, но фонем не слышит, ибо в них для слушающего нет ничего различительного с точки зрения семантики и логики. Идеальное вне мозга существовать не может, оно живёт в мозгу и опосредовано материальной системой нейронных связей. Идеальное в сознании, вооружённое памятью, возбуждается материей звука, буквы, т.е. сливается с уже известной для мозга воспринимающего ассоциативной идеальной формой звука. Происходит снятие противоположностей между материальным и идеальным. Идеальный образ знака или фонема, как писал Гегель – это «душа, отлетающая в звуке».

Глава 2

ЯЗЫК

§1. Внутренние механизмы языка

1) Сущность языка определяется природой языкового знака

Невозможно разграничить природу языкового знака и природу того, что мы называем языком: и то, и другое – одной и той же сущности. Язык – это и есть модель знака с его четырьмя уровнями. Но сам термин «язык» был, есть и всегда будет нужен, и не только потому, что он имеет где-то начало своей истории, а главным образом потому, что в нём конвенционально, условно, но в то же время нерасторжимо спаяны два логических понятия: от природной материи знака, от звуков, букв, (в знаке уровень 1) живущие в мозгу в виде идеальных логических форм, фонем, графем (в знаке уровень 2), и в виде сообщаемого содержания, значения, идеального, т.е. понятия или суждения (в знаке уровень 3) от реальных материальных предметов (4), которые принадлежат внемозговой материи. Если бы эти два идеальные свойства знака, локализованные в мозгу (фонемы и понятия), т.е. (2) и (3) не были бы ассоциативно закодированы в сознании в виде идеальных образов от материи знака (1) и от материи реального предмета (4), то не существовало бы вообще понятия языка в виде языковых знаков, мы бы не смогли ни общаться, ни понимать то, что мы говорим, пишем, слышим, читаем. Мы и этого не смогли бы сделать. Ни один из четырёх уровней в структуре знака и, следовательно, в структуре языка не может быть изъят, без того, чтобы не исчез сам язык. Нет языка без материи языковых знаков (1). Но эта материя живёт в мозгу не в своём первоначальном виде, а только в виде её абстрактного, логического образа, фонем (2). Так как знак создан для того, чтобы сообщать через него о внешних предметах, то они, эти последние, должны быть отражены в мозгу тоже в их идеальной, абстрактной форме в виде понятий (3), которые, в свою очередь, не могут появиться без реальных или мнимых предметов, о которых говорящий желает сообщить (4).

Язык – величайшая сила в человеческом обществе. Язык – это умерщвление чувственного мира в том виде, в каком он нам представлен в глазах, в ушах, в восприятиях, в ощущениях. Всё переходит в мозг, весь мир переходит в мозг, оседая в нём в виде его абстрактного, логического двойника. В этом и состоит «удвоение» мира для человека. В этом как раз и состоит сущность языка – как инструмента сотворения этого «второго мира». Едва ли удастся кому-либо, не сделавшись философским фантастом, логически доказать реальность «двусторонности» знака, т.е. то, что неживая материя может мыслить, как и живая – мозг. Мысль живёт и умирает только в мозгу. Вне мозга, т.е. в материальных звуках, буквах, предложениях мысль сама по себе существовать не может. Другое дело – надо ещё доказать, как материя знака, не похожая на тот предмет, который она манифестирует, и не похожая на те следы, которые от неё остаются в мозгу, переходит (но как переходит?) в мозг, становится достоянием нервных клеток и живёт там не как материя знака и не как предмет, манифестируемый этим знаком, а как **абстракция, идеальное**, как **логическая форма** мысли – в виде фонемы, графемы, морфонемы, понятия, суждения, умозаключения.

Как традиционно считается, язык – это материальная субстанция в виде системы знаков (устных или письменных) плюс то идеальное, значение, которое скрыто в этой материи. Действительно, как бы мы ни понимали язык, материю знака не обойти, без мате-

риального знака в любом виде его субстанции язык не существует: но он и существует постольку, поскольку кроме своего материального субстрата, материальной среды своего обитания – звуков и букв – он имеет ещё и вторую, главнейшую среду обитания – мозг, но уже не в виде живой материи самого мозга, не в виде мёртвой физической материи звуков и букв, и не в виде физической материи реальных предметов (*коров, лошадей*), а в виде идеального, абстрактного образа звуковой и буквенной материи знаков – фонем и графем и их структурных связей в виде понятий, суждений, умозаключений. На этом материальном уровне звуки и буквы так бы и остались как природная материя, если бы они не передавались по рецепторам в мозг. Но в мозг они не могут войти в своём первоизданном виде, как звуки и буквы, так же, как и выйти оттуда, там для них нет места. Они должны быть преобразованы в их идеальные двойники, логические формы в виде фонем и графем – как низшие логические формы. Только так осуществляется процесс отражения и познания в мышлении – через материальные знаки, но уже в виде их идеальных, логических двойников, в которых предстаёт перед нами весь материальный мир, а также внутренний, духовный мир человека.

В своё время была опубликована статья Р. Якобсона «В поисках сущности языка» [Якобсон 1983]. Читатель, прочитав статью, с недоумением обнаружит, что её название не соответствует её содержанию. Дается обзор от знаковых теорий Морриса и Пирса до Соссюра и его последователей, как будто нам уже априори известна сущность языка в этом историческом знаковом экскурсе, раскрывается его сущность. Понятие о «сущности языка» в указанной книге осталось в неприкосновенности, хотя существует великое множество нерешённых проблем самого языка и его связей с другими науками, мышлением, логикой, физическим миром. Сущность языка не раскрыта даже в приближённом варианте.

В журнале «Вопросы философии» была опубликована статья В. Звегинцева «О природе языка» [Звегинцев, «Вопросы философии», 1979, №11, в которой пишется обо всём, но не о природе языка. Язык берётся глобально, как нечто, чем владеет человек, роль языка в обществе, связь с мышлением, проблема «грамматики умолчания» и др. т. е. язык рассматривается как нечто, уже само собою разумеющееся, как нечто совершенно самостоятельное, не зависимое от мышления и от мира, язык как один из составляющих «психосферы».

Хотя мы уже очень многое знаем о языке, и тем не менее, что же всё-таки язык? Этот вопрос задавали себе сотни лингвистов, психологов, философов, логиков и учёных других специальностей. Интуитивно мы понимаем, что такое язык или то, что мы обычно называем языком, но определить его истинную научную сущность очень трудно. Трудно, разумеется, если исходить лишь из понимания языка изнутри самого языка или того, что мы обычно называем языком, игнорируя всё то, что его окружает. Мы всё время пытаемся определить неизвестное через неизвестное. Но если в центр языка поставить человека, то нам сразу становится ясным направление, по которому надо двигаться. Некоторые подсказки в этом направлении лингвисты уже получали неоднократно, например, такие: «Язык – это система знаков, в которой единственно существенным является соединение смысла и акустического образа, причём оба эти элемента знака в равной мере психичны» [Соссюр 1933:39]. «... свойства данной вещи не возникают из её отношения к другим вещам, а лишь обнаруживаются в таком отношении» [Маркс, Энгельс, т. 23:67]. В упомянутых выше статьях немало прямых и косвенных указаний на некоторую сущность языка.

Человек мыслит мозгом, использует для этого мёртвые материальные, природные знаки, звуковые и графические, живущие вне мозга человека. Для того, чтобы выразить задуманную мысль, говорящий находит и использует для неё соответствующие материальные знаки – устные или письменные. Слушающий и читающий слышит эти звуки и видит эти буквы, уровень (1), которые у него в мозгу оседают в сознании как их абстрактные, идеальные, логические образы, называемые мельчайшими логическими формами, фонемами (2). Эти же абстрактные, идеальные образы реальных звуков и букв в то же время ассоцииру-

ются с идеальными образами предметов, понятиями (3), абстрагированными от реальных предметов (4). Язык – это и есть четырёхуровневая модель знака, описанная выше (см. Гл. 1, §§1, 2), модель знака – это и есть, следовательно, модель языка. Всё, что сказано о знаке и о фонеме, относится и к понятию «язык».

Можно, конечно, языком называть лишь материальные знаки, не проводя далее связующую линию к «мышлению». Но тогда понятие язык теряет всякий смысл – в нём остаются лишь физические звуки и чернильные буквы, не оживлённые мыслью, следовательно, не соотнесённые ни с чем. Это всё равно, что знаком мы будем считать, например, кирпич, камень, окурок, потерянный кошелёк: они человеку ни о чём не говорят, кроме того, что все они – материальны. Значит материальные знаки, не связанные с мышлением, – не язык. Ведь язык – не просто физические звуки, как лай собаки или гром молнии, а звуки, несущие какую-то информацию, общую для говорящего и слушающего. Следовательно, если к языку относить только его физическую субстанцию, мы теряем и язык, и мышление. Если же эти звуки и буквы признавать как некие материальные знаки, но несущие для человека какую-то информацию, то эти знаки становятся уже языковыми знаками, и мы тут же включаемся в процесс мышления.

Что же тогда язык – материальные знаки или мышление как идеальные образы материального мира, как идеальный процесс в нейронах мозга? Ни то, ни другое, или, напротив, и то, и другое? Прежде всего язык – это добровольная, совершенно произвольная связь материальных знаков и сознания. Эта связь работает так, как я её описал в Главе 1, §§1, 2, т.е. это продуцирование и восприятие мозгом материальных знаков в виде их идеальных образов. В этом лежит ключ к пониманию сущности языка.

Теория знака и фонемы должны представлять собой вершину теоретической работы лингвистов, именно эти низшие языковые формы составляют фундамент понимания сущности языка. Для определения природы языка существуют только четыре пророка: нейрофизиология, психология, философия, логика. Но между этими науками нет непроницаемой границы, все они в значительной степени работают вместе. Это и отражено в структуре модели языкового знака: взаимодействие материи знака (1), идеального образа знака, фонемы, графемы (2), идеального образа внешнего предмета, понятия (3) и самого внешнего предмета (4).

При определении сущности языка надо исходить из понятия знака как четырёхфункциональной единицы: материя знака (звуковая и графическая), произвольная, природная, находящаяся вне человека. Через органы чувств (зрение, слух) она поступает в мозг в виде идеального образа этой материи – это фонема и графема как обобщённый образ звуковых волн и чернильных крючков, графического начертания. На этом движение языкового знака не заканчивается: пока мы имеем только звук и его абстрактный образ, которые ни к чему реальному, вещественному не привязаны, ограничены лишь природной, внешней от человека материей и её абстрактным образом, они нам ни о чём не говорят. Это ещё не знак, это лишь пустой звук, колебания воздуха, чернильные пятна, следовательно, это, как и любой другой материальный предмет, который в мозгу может возникнуть как представление о нём, – ещё не знак, следовательно, не язык.

Это и есть ответ тем лингвистам, которые выдвигают теорию однозначности знака, полагая, что язык – это система материальных знаков, и ничего более, и в силу этого, стало быть, знак имеет односторонний характер. Но ведь язык служит для выражения чего-то, какой-то мысли о чём-то! Знак, если его называть знаком, есть знак для чего-то. Знак, если это языковой знак (1), всегда представлен в сознании как его идеальный, логический образ в виде **фонемы** (2). Идеальный образ материального звука, буквы, если он желает быть языковым знаком, должен быть связан с названием, именем предмета, т.е. с идеальным, абстрактным отпечатком, **понятием** (3) отражаемого **предмета** (4).

Абстрактный образ звукового или графического знака *берёза*, т.е. фонема (2) и абстрактный образ реальной *берёзы*, т.е. понятие (3) – один и тот же – *берёза*. Но между ними, между (2) и (3), – «дистанция огромного размера». Абстракция (2) – это абстракция от материального звукового или графического знака, т.е. это **фонемы** как наименьшие логические формы. А абстракция (3) – это абстракция от реального предмета, т.е. **понятия** (3) *берёза*. Условный, произвольный материальный языковой знак *берёза*, преобразованный в мозгу в его идеальный образ (фонемы) (2) и реальная, растущая во дворе *берёза*, преобразованная в мозгу в её идеальный образ (понятие) (3) – разные объекты, но они соединены друг с другом условной, произвольной, договорной, но неразрывной в данном языковом сообществе связью. Это, действительно, как бы неразрывная связь материального знака *берёза* (1) и материального предмета *берёза* (4). Но именно «как бы», и именно это «как бы» в «марксистском» языкознании выдаётся за неразрывную связь языка и действительности, как будто между языком и мышлением существует непосредственная, неразрывная, органическая связь, и будто сама материя слов отражает сущность предметов. Фактически такая прямая связь между знаком и предметом (т.е. между уровнями в знаке (1) и (4)) не существует, она опосредована **двумя** посредствующими идеальными, логическими образами: и от знака (2), т.е. **фонемой**, и от предмета (3), т.е. **понятием** (отсылаю читателя к представленной здесь «модели знака», см. выше, Глава 1, §§1, 2).

Интуитивно все мы знаем, что такое язык. Это средство или инструмент общения между людьми, средство познания окружающего нас мира, средство выражения эмоциональных состояний человека и др. Теперь зададимся вопросом – что же такое язык на самом деле? Или так: какой уровень движения знака, из четырёх реально существующих (1 – » 2 – » 3 – » 4), мы должны считать языком? Совершенно ясно, что по отдельности никакой уровень знаковой модели не может быть назван языком, т.е. средством познания и коммуникации. Уровень (1), т.е. физически воспринимаемый звук или буква не может быть языком. Это обычный, посторонний для абстрактного мышления звук, например, свист ветра или лай собаки, чернильные кляксы. Правда, это может быть также материальный звук со значением *дом*, но произнесённый или написанный на китайском языке, не известного русскому.

Абстрактный образ материи знака, например, русского слова *дом* (2), т.е. цепочки фонем, не может быть языком потому, что он лишён своей материальной основы (1), а также реального предмета *дом* (4), ведь беспредметная абстракция сама по себе, не имея в себе самой какого-нибудь материального, предметного основания, существовать не может. Абстрактный образ реального, материального предмета *дом* в виде понятия (3) тоже не может быть языком, потому что он, как и (2), есть чистая логическая абстракция, которая также, сама по себе, без материального, без предмета, вещи, признака, отношения не может быть экстраполирована из мозга, потому что его там нет, который мог бы быть представленным в мозгу в чувственной форме мысли.

Взаимодействие между двумя правыми фазами знака, т.е. между абстрактным образом (3) реального предмета и самим реальным предметом (4) само по себе, без взаимодействия с другими, двумя первыми фазами знака, не может быть названо языком, по той же причине, что и связь между (1) и (2). Потому, что абстрактный образ предмета, как и материального знака, возникнуть не может из-за отсутствия самого материального основания, т.е. знака и предмета. Если допустить, что предмет мыслится нами идеально как (3), то мы должны допустить, что у нас в сознании уже есть идеальная система знаков, в которой уровень (2) должен ассоциироваться с уровнем (3), а этот последний неизбежно предполагает уровень (4). А так как мы говорим о соотношении лишь двух последних уровней (3) и (4), то эти два уровня вне всей знаковой системы невозможны. Потому что, если для данной вещи нет языкового знака, то эта вещь для нас непонятна, это обычная природная вещь, не знакомая нам и не входит в круг нашей знаковой системы.

Правда, такие уровни знаковой ситуации как абстрактные образы, фонемы (2) и понятия (3) могли бы быть признаны языком – это и есть настоящий язык, но только в сознании человека, как языковое сознание или **язык мозга!** – но только внутренним, нейронно-мозговым языком, только в том случае, если бы в сознании человека выше упомянутые абстрактные образы (2 и 3) реально были образами, т.е. реальными логическими формами от реальных материальных предметов – звуков и предметов (1 и 4). Но так как мы сейчас оцениваем только непосредственную связь уровней (2) и (3), то их связь невозможна, связь ничего с ничем, знака с предметом, которых нет, не может генерировать какую бы то ни было сущность. Уровень (2) есть всё сокровище **языковых знаков** в сознании человека, но только в их идеальных образах (фонемах). А уровень (3) есть всё сокровище известных человеку **вещей**, весь известный ему материальный мир и его собственный внутренний мир, но только в их идеальных образах (понятиях) как его второй мир. Отсюда ясно, что не может быть никакой непосредственной связи между уровнями в знаке (1) и (4), т.е. между материей знака и реальным внешним объектом, так как между ними нет связующего звена в виде логических форм от материи знака и материи предмета (2 – 3).

Разумеется, у всех говорящих по-русски образ реального *дома* прочно живёт в мозгу. Но в то же время он мёртв, говорящий не может его передать слушающему непосредственно, из головы в голову, минуя физическую субстанцию знака, а слушатель не может воспринять идеальный образ реального предмета *дом*, лишённый материальной основы знака. Абстрактный образ всех реальных предметов, короче – всего материального и своего собственного внутреннего мира, закодирован в идеальных образах в сознании человека, весь мир дублирован в мышлении человека в виде его идеального двойника со всеми его связями и отношениями, познанными каждым данным человеком.

Итак, язык – то же, что и знак. Понятие знак равно понятию язык, т.е. все характеристики знака есть в то же время характеристики языка. Если мы не признаём эту истину, то мы не сможем выйти из порочного круга различных пустопорожних заклинаний и противоречий, которыми переполнено наше теоретическое языкознание. Материальный знак, если это языковой знак – это, во-первых, идеальное отражение материи этого же знака в сознании человека и, во-вторых, это идеальное отражение реального, внешнего предмета в сознании человека. Если бы язык не имел материальной основы, то это исключало бы возможность использования его в качестве средства познания и общения, ввода в мозг и вывода из мозга ассоциативного идеального образа (продукции работающего мозга) через материальное звучание или написание знака. Речь на незнакомом языке воспринимается нами как шум, как поток беспорядочных звуков, лишённых всякого смысла. Однако говорящий на этом языке мало обращает внимания на звуки, они плывут автоматически, бессознательно, его занимает смысл этих звуков. Однако он не понимает психофизиологической природы этого явления. Языковая или знаковая сущность, природа языка существует лишь в силу ассоциации между звуком и значением, между материальным и идеальным, между звуками знаков и фонемами и более высокими логическими единицами – между звуками и понятиями, суждениями, умозаключениями.

Если опустить из четырёх элементов в модели знака **звук** (1), то сам знак, язык исчезнет, ибо без материальных немозговых знаков мышления и сознания нет, потому что нет материальной основы для производства абстрактных сущностей, следовательно, для экстраполяции абстрактных сообщений из мозга и передачи этих сообщений другим. Если из модели знака опустить **идеальный** образ звуков, **фонемы** (2), то вся система языка предстанет перед нами в виде природного шума или другого языка, которого мы не понимаем, следовательно, это будет уже не язык, но будет лишь чисто чувственное мышление, не имеющее перехода на уровень абстрактного мышления. Если изъять из знака **идеальный** образ внешнего предмета, **понятие**, уровень (3), то, во – первых, нам не с чем соотнести абстракт-

ный образ знака, фонемы (2), а это – одна и та же сущность, но только по названию, и, во – вторых, перед нами или, точнее, у нас в чувственном мышлении нет никакого материального **мира** (4), нам не о чём разговаривать, мы стали животными.

Звуковой ряд лишь в том случае является языковой величиной, если он является ассоциативным носителем какой – либо идеи. Взятый сам по себе, звук есть лишь материал для физического исследования. Знак – это своего рода химическое соединение типа вода, состоящего из кислорода и водорода, а каждый элемент в отдельности не имеет свойств воды. Так и язык – это своего рода материально – идеальный симбиоз, состоящий из материи звука (1, идеального образа этого звука (фонемы) (2), идеального образа реального предмета (понятия) (3) и реального предмета (4). Только взаимодействие четырёх уровней в структуре языкового знака даёт право называть этот сплав языком.

Язык есть система, основанная на психическом противопоставлении акустических впечатлений, подобно тому, как художественная картина есть произведение искусства, рассматриваемое как противопоставление красок разных расцветок, т.е. игра этих цветов, а не способа использования кисти. Язык – не просто система, но система иерархическая, и в то же время система линейная. То, что мы именуем языком – сложное явление, сочетание более простых элементов. Уровневая иерархическая структура языка образована последовательной интеграцией единиц более низких уровней. Иерархическая и линейная структура языка – важнейшие черты языкового строительства. Именно это служит целям наследственности языка. Это единственная логическая возможность создать тот уникальный инструмент, который мы называем языком.

Для чего человеку нужны знаки? Для того, чтобы с их помощью мыслить и общаться. А это означает, во-первых, что мы вступаем в область мышления, которое не может быть категорией «экстралингвистической», как об этом иногда пишут некоторые «марксистские» лингвисты. Конечно, о сущности языка судят в первую очередь через его звуки и буквы. Но достаточно ли их, чтобы язык был языком, т.е. тем, с помощью чего люди общаются и в знаках которого написаны горы книг? Это означало бы, что человек лишён абстрактного, логического мышления. Мы тем самым убили человека и оставили его жить на деревьях.

Что значит язык – односторонний объект, т.е. только материя знаков? В непосредственном восприятии знаки (звуки и буквы) представляются нам такими, какими мы их видим или слышим на уровне нашего чувственного мышления. Язык в этом случае предстаёт перед исследователем лишь своей внешней, звуковой и графической стороной. А язык в таком виде – уже не язык, а природная материя. Видимость, т.е. явление принимается за сущность. Именно так понимается язык в общественном сознании – лишь как материальное явление. Но истинное познание объекта «язык» может быть только диалектическим, т.е. через раскрытие его внутренней противоречивой природы как взаимоотношения материального и идеального. А это основной закон диалектического познания предмета, это основной закон, согласно которому весь окружающий человека мир отражён в его голове как его дубликат, копия, но в идеальной форме, в форме логических понятий.

Язык – это система материальных знаков, связанная с мышлением по принципу ассоциаций, а четырёхуровневые знаки – это материально – психические, ассоциативные единицы. Язык существует в форме ассоциативных, идеальных представлений или образов в нейронных клетках мозга в формах фонем, графем, морфем, понятий. Если одно сознание навязывает другому сознанию свои идеи, и наоборот, второе – первому, то возникает общение. Для этих целей специально вырабатываются единицы сознания, т.е. специальные, знаковые, они же познавательные, они же коммуникативные психические единицы, то мы имеем право говорить о существовании языка, инструмента для познания и общения. Эти психические единицы, т.е. единицы собственно языковые, представляют собой идеальные образы знаков, обеспечивающие возможность ассоциации материи знака с абстрактным

образом самого знака и одновременно с абстрактным образом внешнего предмета. Это приводит к установлению связи между двумя материальными объектами – знаком и внешним предметом, ассоциативно находящимися в чувственном сознании собеседников.

Итак, что такое язык? Если об этом спросить человека с улицы, то каждый найдёт свой ответ. В научной литературе разных областей и в художественной литературе мы найдём десятки определений этого явления. Среди лингвистов тоже нет единого мнения, хотя все исследуют один и тот же объект. Теперь мы можем сказать, что такое язык. Точнее – указать на границы от и до. Но мы не знаем, чем могут быть ограничены эти границы в исследованиях разных лингвистов.

Теоретическое языкознание в вопросе о «взаимодействии языка и мышления» блуждает в потёмках. Ибо до сих пор непонятно – что такое язык? А его можно понимать по-разному: всё зависит от того, что понимается под языковым знаком. Выше я представил модель знака, как молекулу человеческого мышления, состоящей из 4-х уровней: (1) материальный знак (звук, буква); (2) его идеальный, абстрактно-логический образ (фонема, графема), как психический ассоциативный отпечаток в сознании. Эти мельчайшие логические формы (фонемы, графемы), образуя структурные цепочки нескольких фонем (графем), становятся более высокой абстрактной, т.е. логической формой – понятиями (3), которые ассоциативно связаны с реальными предметами, свойствами, отношениями (4).

Так что же такое язык? Под языком можно понимать одну из четырёх фаз движения знака, например, только первую – звуки, буквы – как физическую субстанцию, но можно понимать и все четыре фазы вместе. Всё зависит от научных вкусов каждого исследователя, но не все эти вкусы отражают истину. Если считать, что язык – это только звуки и буквы, т.е. только их материя, тогда язык не имеет никакого отношения к мышлению – это немозговой физический объект. Следовательно, звуки, буквы сами по себе не могут быть названы языком, т.е. средством познания и коммуникации, иначе для чего же тогда нужен такой язык, если он не ассоциируется в мозгу с логическими понятиями? Это тот же гром грозы, шум волн, скрип немазанных колёс. Но и без материи знаков нет языка, иначе как бы мы могли удержать, систематизировать, обобщить, отличить одну от другой наши и чужие мысли, передать их другим, оставить их для потомков?

Следовательно, звук (буква) остаётся одним из главнейших ингредиентов того, что мы называем языком, если этим именем называть человеческое средство познания мира и общения в обществе. Следующие два уровня в модели языка – это область абстрактной, логической мысли (фонемы, графемы) (2) и уровень (понятия) (3) – это наше абстрактное, логическое мышление, а (4) уровень – реальные внешние объекты, которые воспринимаются нашим чувственным мышлением. Таким образом, говоря о языке, мы говорим одновременно и о мышлении. А говоря о нашем мышлении, мы одновременно говорим и о языке. Наш язык, если это язык, включающий в себя все четыре знаковые уровни, то он включает в себя и наш процесс мышления, **совершающийся в мозгу**. Отсюда следует, что нельзя говорить ни о каком «взаимодействии языка и мышления», ибо это не две самостоятельные сущности, а одна материально-идеальная сфера работы мозга.

Так как теоретически языком можно считать любой из четырёх уровней, или любое их сочетание в модели знака, то можно в языкознании найти множество теорий языка, что мы и обнаруживаем фактически. Отсюда и рождаются самые удивительные, фантастические и уродливые теории языка и его взаимодействия с мышлением. Чтобы быть средством логического познания мира и общения между людьми, нужно иметь только такой инструмент, как материальный четырёхуровневый знак, который был создан человеком и который создал самого человека, и он назвал этот инструмент языком.

Итак, любой языковой знак (поэтому он и называется языковым) **обязан** содержать в себе четыре уровня: два крайних материальных уровня (1), (4) и два средних, идеальных

уровня (2), (3) связывающих эти две совершенно различные материи. Два средних абстрактных, идеальных уровня есть посредствующее или среднее звено между двумя материальными уровнями – материальным знаком и внешним объектом, которые связаны друг с другом условной, немотивированной связью через два средних идеальных уровня. Изъятие из знака любого из этих шагов или уровней разрушает понятие знака и, соответственно, языка. Следовательно, язык как объект науки языкознания, как орудие познания мира и коммуникации между людьми, есть не что иное, как четырёхуровневая модель знака, т.е. язык есть та же модель знака: в нём представлена вся та же материально-идеальная цепочка, от материального, устного или письменного знака (*берёза, лошадь, стол*) (1), через его идеальный образ в мозгу (фонема) (2) и через идеальный образ внешнего объекта, тоже представленного в мозгу (понятие) (3) до внешнего объекта (*берёза, лошадь, стол*) (4).

Понятие сущности языка как четырёхуровневой материально-идеальной структуры ведёт ко многим выводам, хотя бы к вопросу о социальной сущности языка, что здесь и подтверждено теорией знака. Существование языка возможно только в обществе. «...Существуют не какие-то витающие в воздухе языки, а только люди, одарённые языковым мышлением... Язык – это оязыковлённая часть мозга... Язык, как в целом, так и в своих частях, имеет только тогда цену, когда служит целям взаимного общения между людьми». [Бодуэн т. 2:207, 164, 72, 280].

Рассуждения о сущности знака и, следовательно, о сущности языка, показали, что язык нельзя изучать в самом себе и для себя, иначе мы будем заниматься лишь материей знаков, но уже не языковых знаков, а всего-навсего лишь природной материей, а также значениями слов и предложений, которые якобы присущи самому языку. Если, как требуют некоторые лингвисты, изучать язык в самом себе, отгородившись от всего того, с чем он связан, отгородиться от всех прочих смежных наук, то лингвист никогда не познает сущность языка. Ранее публиковалось немало материалов по теме «языкового знака» и было наговорено немало фантазий, но они имели право на жизнь, было такое научное время. Ведь считали же, что Солнце вертится вокруг Земли. Но наука показала, что всё как раз наоборот. Так и понятие знака и языка.

2) В природе языка лежит основной закон диалектики – взаимодействие материального и идеального

«Существование двух взаимопротиворечащих сторон (материального и идеального, – А.К.), их борьба и слияние в новую категорию составляют сущность диалектического движения» [Маркс, Энгельс т. 4:136]. «Так называемая объективная диалектика царит во всей природе, а так называемая субъективная диалектика, диалектическое мышление, есть только отражение господствующей во всей природе движения путём противоположностей...» [Маркс, Энгельс т. 20:526]. Центральным вопросом в диалектике языка является вопрос о взаимодействии материального и идеального. От его решения зависит освещение фундаментальных проблем теоретического языкознания.

Язык есть материально-идеальный феномен, его сущность состоит в синтезе противоположностей – материального (материя знака и внешний объект) и идеального (идеальное от материи знака, т.е. фонема и идеальное от материи внешнего предмета, т.е. понятие). Единство этих противоположностей и составляет сущность языка. Противоречие внутри того, что мы называем языком, и есть основное диалектическое противоречие. Эти противоположности исключают друг друга и с железной необходимостью предполагают друг друга, при элиминации одной из них исчезает их единство и, следовательно, сам объект.

Язык есть не только материальность звука, буквы и не только чистая бестелесность, т.е. идеальность мысли, но такая немозговая материя звука и буквы (1), которая в мозгу превра-

щается в её идеальный образ (2). Язык есть не только идеальный образ реального материального предмета (3), но и чувственный, материальный прообраз этой идеи в виде реального или мнимого предмета (4). Язык есть материально-идеальный симбиоз. Его сущность заключается в синтезе противоположностей: материального и идеального, т.е. двух материальных объектов в виде условного, произвольного знака, и связанного с ним реального предмета, а также двух идеальных образов этих двух материальных предметов. Именно это единство составляет сущность языка. Единство этих противоположностей является необходимым и достаточным основанием для того, чтобы язык стал достоянием человека и всего человеческого сообщества. Взаимодействие этих двух противоположностей в одном и том же знаке, т.е. между (1) и (2), с одной стороны, и между (3) и (4), с другой стороны, полностью подчиняется законам диалектики: противоположности исключают друг друга и с необходимостью предполагают друг друга. При элиминации одной из них, это единство, т.е. язык, уничтожается. Животные тоже издают звуки, соответствующие ситуации. Эти звуки остаются природной материей. Они не переходят в свою противоположность – в их идеальные образы, сами эти звуки остаются для них теми же звуками, воспринимаемые ими на уровне чувственного мышления, рефлексивно, инстинктивно.

Слово воспринимается в его материальной оболочке: сперва через звуковую, графическую материю (1), и затем через её идеальный образ в мозгу (2). В сознании слушающего и звуковая материя (1), и её идеальное представление в мозгу, фонема (2) исчезают, превращаясь в идеальный образ, значение, понятие (3) внешнего предмета (4). Это момент перехода материи знака в свою противоположность, в его идеальный образ, фонемный ряд (1 – » 2). Это также есть момент перехода чувственного материального предмета в его противоположность – к его идеальному, логическому образу (4 – » 3). Эти два перехода материи (знака и предмета) в их идеальные образы (фонемы и понятия) есть переход **чувственного мышления в абстрактное**. Переход абстрактного образа знаков, фонем в их материю (2 – » 1) а также переход абстрактных образов, понятий в реальные предметы (3 – » 4) есть переход **абстрактного мышления в чувственное**. Значение, понятие или идеальный образ, в свою очередь, воплощаясь в звуковую оболочку, материализуется, превращаясь в свою противоположность. Это момент перехода **идеального в материальное**. Их тождество состоит в том, что они через слияние друг с другом порождают целое – язык.

Каков механизм слияния фонемы (2) со значением, с понятием (3)? Звуковая материя языка порождается приказом мозга, сознанием через органы речи. Следовательно, звук рождается в сознании как его идея, как его логический образ, затем он отчуждается от говорящего, приобретая самостоятельное существование в виде звуков или букв. Значения как идеальное порождаются материальными нейронами мозга. Значение рождается в сознании и само по себе оно не отторжимо от сознания. Оно не может самостоятельно перейти в материю звука, освободиться от субъекта и дойти до ушей и, следовательно, до сознания слушающего.

Но в таком случае возникает вопрос: каким путём создаётся единство моментов, разъединённых качественно и локально? Иначе говоря, как рождается речь в звуковой и письменной форме и почему возможно её понимание? Ведь ни в звуке, ни в букве, как инородной материи, идеального нет. Мысль как идеальное не переходит ни в звук, ни в графему. И всё же она «передаётся», ибо существует «обмен» мыслями, взаимопонимание. Это объяснимо только тем, что материальное, не заключая в себе ни грана идеального, индуцирует у собеседника мысль такую же, как и у говорящего, или близкую к ней. Но это ещё не объясняет всей тайны передачи мысли. Ибо не раскрывает главного – нейрофизиологического взаимодействия материального и идеального: каким образом материальное звучание вызывает аналогичную мысль у собеседника.

Это можно объяснить также тем, что материя звука существует в языке не как природная материя, а именно в виде языковой, «дематериализованной материи», т.е. в специфически языковом качестве, в форме навязанной, изваянной идеальным, на основе ассоциативной устойчивой связи между звуком и предметом. Эта ассоциативная связь обнаруживается в членораздельности, дифференцированности звуков в их строгой морфологической и синтаксической организованности, в линейности. Качество и форма языкового звучания как бы несут в себе печать идеального, его следы, и не более, потому что идеальное принципиально неотторжимо от живого мозга. Это значит, что материя звуков как бы содержит в себе идеальное не в буквальном смысле, а в виде следов его ассоциативной деятельности. Идеальное существует в звучании своим ассоциативным отпечатком. Ассоциативные, психические следы или отпечатки идеального в звучании знаков есть основной признак их принадлежности к языку. Именно поэтому язык есть заранее общественно обусловленное и, следовательно, обязательное для всех единство идеального «звучания» (фонемы) и идеального «значения» (понятия). Этим идеальным, ассоциативным, следовым отпечатком значение слова нашло способ выйти наружу, в интересующую область, и как бы остановиться здесь и застыть в звуке. Слово своей звуковой формой, неразрывно связанной ассоциативной связью с идеальным образом предмета, понятием, значением, находящимся в мозгу говорящего, возбуждает соответствующее понятие в сознании слушающего.

Таким образом, идеальное одновременно как бы отсутствует и присутствует в материи слова. Фактически же этого идеального в материи слов нет, оно в мозгу, оно «вложено» в материю слов идеальным мышлением, продуцируемого в нейронах мозга. Если бы материя звука не была связана с его идеальным образом в сознании, было бы невозможно понимать звучание (а также письменные знаки) как единицы языка. Но если бы идеальное находилось в звуках (буквах) языка, как утверждают некоторые языковые теории, то не существовало бы и проблемы понимания, ибо идеальное было бы адекватно звуку (букве) и полностью представлено в материи знака. Значит, язык был бы незнаковым и в самом себе содержал бы мысль. Возможность непонимания и недопонимания была бы исключена. Но в таком случае была бы исключена и сама возможность существования реального языка, он был бы заменён природными звуками и кляксами, чуждыми мозгу как внемозговые объекты.

Прямое взаимодействие материи знака (1) и идеального знака (2) как продукта мозга в самом знаке невозможно, потому что эти чувственные и абстрактные формы мысли, во-первых, локализованы в разных местах (материя в слове, идеальное в мозгу) и, во-вторых, имеют принципиальное качественное различие. Необходимо среди них опосредование, какое-то посредующее, промежуточное звено, чтобы их объединить. Противоположности между идеальным образом материального знака (2) и идеальным образом внешнего предмета (3) превращаются в их тождество. Поэтому на уровне опосредующих, т.е. идеальных звеньев – (2) и (3) – противостояние противоположностей исчезает: идеальное знака, т.е. фонемы (2) и идеальное предмета, т.е. понятие (3), – одно и то же, но только по названию, например, ряд фонем *дом* и понятие *дом*. В идеальном образе звука (фонемы) есть следы идеального образа предмета (понятия), которые есть одно и то же, но только по названию. В основе идеального образа звука, фонемы (2) лежит материальное (1), но не как посторонняя материя, а как языковая материя, нагруженная идеальным (2), локализованным в сознании, т.е. сочетает в себе свойства обеих противоположностей. Идеальное в знаке (2) противостоит его материи (1) не как некая отстранённая, чистая идеальность (2), а как отягощённая чертами материального (1).

Так материя знака (1) и материя реального предмета (4) сближаются посредством идеального в знаке (2) и идеального в предмете (3), которые суть одно и то же, но не по сущности (знак *дерево*), а только по условному, немотивированному названию (предмет *дерево*). Сущность реального предмета исследует не языкознание, не наука о языковых знаках, а все

прочие науки. Идеальное в знаке (2) по своей природе есть указание идеального на предмет (3) лишь по названию, через образ, понятие этого предмета. Сущность материального знака *лошадь* изучает не лингвистика, не языковой знак самого себя (1), а экспериментальная фонетика. Сущность же реального предмета *лошадь* (4), изучает тоже не лингвистика, а биология. Это ответ тем марксистским лингвистам, которые приписывают условному, материальному знаку органическую связь с материальным миром, придают языку способность отражать сущность реального мира. Материя звука (1) схватывает материю предмета (4) через идеальные отпечатки того и другого (2) и (3), сближая тем самым знак с внешним предметом.

Итак, мы имеем в едином объекте, называемого языком, две самостоятельные противоположности – материальное и идеальное в знаке (1 – » 2), материальное и идеальное в предмете (4 – » 3). Как материальное, так и идеальное выступают в двойной ипостаси: материальные знаки как звуки (1) и как идеальные образы этих звуков (2), как реальные внешние материальные предметы (4) и как их идеальные двойники, как их логические понятия (3).

Наличие промежуточного звена между материей знака и материей предмета как идеальных образов двух материй, т.е. как цепочки фонем (2) и понятия (3) ведёт к тому, что каждая из противоположностей в лице идеальных образов знака (фонем) и идеальных образов предмета (понятий), совпадает в самой себе: противоположность между знаком и предметом нейтрализуется идеальными, общими для них акустическими образами – в фонемах и в понятиях. Существует языковой знак, слово *дерево*, но существует и предмет *дерево*. Но этот языковой знак живёт в нашей голове как его идеальный образ в виде цепочки фонем *д – е – р – е – в – о* (2), а реальный предмет живёт в нашей голове как его идеальный образ, как понятие *дерево* (3).

Отсюда следует важнейший для теоретического языкознания логический вывод: если материальный знак произволен (а это именно так, иначе не существовало бы членораздельного языка и мы, люди, до сих пор прыгали бы по деревьям), то его идеальный образ, вопреки теории новоявленных «марксистов», тоже не может не быть произвольным. Следовательно, он не может и не способен отражать сущность реальной действительности. А так как идеальный образ знака, представленный мельчайшими логическими формами – фонемами (2), есть тот же идеальный образ, но лишь по названию реального предмета (3), следовательно, этот идеальный образ знака (фонемы) не совпадает с предметом и не отражает его в силу своей произвольности. Это и есть удар по марксистским теориям неразрывности знака (языка) и предмета, согласно которым «языковой знак не может не совпадать с действительностью», есть её «непосредственное отражение» (Панфилов, Филин, Будагов, Серебренников, Чемоданов). Это означает следующее: если бы языковой знак был не произвольным, он был бы «неразрывно» связан с вещью и отражал бы природу самой вещи.

3) Язык – объект изучения многих наук

Человеческий язык – первичная, наиболее естественная и общедоступная репрезентация мира в нашем сознании. Естественность языка, дающая о себе знать в его наличии у людей любого общества, обеспечена способностью организма ориентироваться в своей среде. Для сознания человека мир изначально значим, отсюда – онтологические корни языка. «На духе лежит проклятие... быть отягощённым материей. Язык есть... сознание...». Это значит, что «дух», сознание может быть дан только в знаковом выражении, как его реализация в текстах. Следовательно, какой бы формализации не достиг язык, он не может быть не связан с мыслью. Но существенным недостатком формализованных языков по сравнению с естественным языком является то, что они маловыразительны. Они могут воспроизводить лишь относительно небольшие области действительности.

Язык способствует превращению опыта в систему, в этом его сила. Природный язык – это мимика, жесты и др. Он выражает примитивные психические эмоции, контролируемые сознанием. Над ним надстраивается символический язык, язык интеллекта. Он превращает ограниченный набор психических эмоций в огромное количество тонких эмоций уровня сознания, требующие для своего выражения более тонкие языковые средства, хотя первые – не исчезают.

Концепция многофункциональности языка приводит, якобы, к представлению, что язык – многоликий объект, не обладающий собственной спецификой. Истинным познанием объекта является якобы только такое, которое определяет сущность языка средствами самого языка, понятие языка раскрывается через сам язык, язык должен исследоваться как объект через самого себя (Соссюр). Но в языке мы находим взаимодействие естественных, материальных, идеальных, социальных свойств. Язык – естественный объект по онтологической природе своих элементов и их структур, но объект социальный по специфике своей функции. Но возникающее противоречие между естественным и социальным носит лишь условный характер, ибо социальные явления – материалистические, так как выводятся из материальных причин жизни общества. Социальная специфика языка развивается через звуковую и графическую природу материальных элементов.

Учёные всегда пытались объяснить сущность языка, исходя из его собственных свойств. Но сущность языка, т.е. того, чем оперирует наука и общественное сознание, не может быть доказана в нём самом. Проблема «мысль и язык» не может быть познана средствами самой лингвистики. Лингвистика – наука об изучении Языка. Но мы не обладаем априорным знанием того, что есть язык, и поэтому нам не ясен сам предмет лингвистики. Язык видится как система знаков, а лингвистика – как учение о знаковых системах. Но языкознание некоторыми лингвистами рассматривается как обычная семиотика, глобальное учение о знаковых системах, которой, якобы, пронизаны все науки, вплоть до искусства домашнего интерьера.

На самом же деле то, что обычно называют Языком, соткано из разнородных явлений: психическое (идеальное, логическое), физическое (звуки, буквы), физиологическое (артикуляция), социологическое (индивидуальное и социальное). То, что мы называем термином Язык, на самом деле представляет из себя материально-идеальное иерархическое поле с тесно взаимодействующими субполями: действительность – мышление – сознание – память – логика – язык – речь – текст. Основа языка, как пишет Бодуэн, – чисто психологическая, центрально-мозговая, следовательно, языкознание относится к психологическим наукам. Но так как язык может реализоваться только в обществе, и так как психическое развитие человека возможно только в общении с другими людьми, то надо сказать – языкознание есть наука социологически – психологическая. [Бодуэн, 1963, т. 1:217].

Языковые единицы – не концепты, а объективно существующие материальные знаки. Язык включает в себя речевые акты, речевые произведения, тексты, языковую способность, которым присуща та или иная субстанциональная данность. Язык – это многоаспектное образование, воплощающее в себе определённую субстанцию в каждом из указанных аспектов. Когда рассматривают язык как «дом духа», «пространство мысли», то язык понимается как 1) связь с сознанием, с процедурами добывания знаний и операций с ними (мышление, компьютерная информатика, деятельностный подход); 2) как связь языка с глубинным, философским постижением действительности – язык как пространство философствования. [Ю. Степанов 1995:35].

§2. Как понимается язык в современном теоретическом языкознании?

1) Материальность языка – его единственное свойство

Иногда считают, что суть языка очевидна, потому и не требует объяснения. Например, Лосев не определяет понятие «язык», считая его излишним и слишком уж очевидным. Это исходное определение аксиоматики, и не требует определения [Лосев 1995:74]. Все остальные лингвисты нашли у языка определённые свойства. Но они у каждого – свои. Язык – это сугубо материальный феномен, выполняющий функцию внешнего орудия, вспомогательного инструмента мышления. Слова – это «чисто телесный продукт», это условные знаки понятий. Мысль относится к слову, как душа к телу, а слово к мысли, как тело к душе. [В. Г. Белинский]. Современные немецкие философы марксистского направления считают, что слово служит материальной оболочкой мысли. «Для марксиста язык является... материальной оболочкой мышления» [В. Шмидт].

Вот мнения советских философов: «Язык – это звуковая материальная оболочка мысли» [Кондаков 1975:694]. «Но язык сам по себе столь же мало идеальное, как и нервно-физиологическая структура мозга. Он лишь форма выражения идеального, его вещественно – предметное бытие» [Ильенков 1974:191]. «Язык есть материальное явление, тогда как мышление – идеальное явление... Могут ли существовать материально-идеальные образования?... Мы думаем, что такие гибриды невозможны... Почему? Потому что они принципиально невозможны» [Мальцев 1965:57].

А что думают по этому вопросу лингвисты? Под языком Панфилов имеет в виду систему односторонних материальных языковых знаков, т.е. видит в языке лишь материальное. Мысль же находится в мышлении. [Панфилов 1977:14]. Язык в собственном смысле – это акустико-артикуляционная структура, а мыслительное содержание, семантика не принадлежит языку, это категория нелингвистическая. Язык – всецело материальный феномен, а значение – категория неязыковая по своей природе [Волков 1966:17, 61]. Для Бархударова язык – это явление сугубо материальное, как и всякая другая знаковая система.

Головин ставит вопросы: 1) является ли язык феноменом биологическим, психическим, социальным, 2) идеален ли он или материален. «Язык – материальная, практическая сторона сознания, мышления». «Мысль не имеет своей материи – массы, веса, протяжённости, вкуса, запаха, плотности и т. п. Уже это одно обстоятельство – материальность знака и идеальность мысли – не позволяет отождествлять их» [Головин 1977:15 – 16].

Теорию языка, построенную исключительно на его материальности, надо отвергнуть, ибо она не предполагает участия мышления в процессе познания и коммуникации. В этой теории не виден механизм взаимоотношения между материальным языком и идеальным в мышлении. Если язык – только материя, то это предполагает любую природную материю, но не находящуюся в мозгу человека в виде её идеального отпечатка, чем и является языковой знак. Язык – это именно языковая материя, идеально представленная в мозгу. Иначе это уже не язык, а голая природная материя, не участвующая в процессе мышления.

2) Язык включает в себя материальную и идеальную стороны

В языке есть знаковая, т.е. материальная сторона, но в нём есть и другая сторона – идеальная. Если согласиться с Марксом о том, что язык есть практическое, действительное сознание, то в основу построения теории языка надо положить принцип двухстороннего характера языка, где есть единство материального и идеального [Ломтев, ВФ, 1970, №7]. Теперь, вопреки ранее сказанному, Панфилов видит в языке двойственную природу: язык включает в себя как материальную, так и идеальную стороны и, следовательно, разного рода отношения между материальными и идеальными элементами. Язык – не только материальное, но и идеальное явление. [Панфилов 1982:74 – 75].

Сущность языка образуется единством материального (звучания) и идеального (значения), следовательно, это противоречие между материальным и идеальным в языке – основное противоречие. Но есть и другие противоречия: субъектное – объектное; социальное – индивидуальное; общее – единичное; конкретное – абстрактное; внутреннее – внешнее; конечное – бесконечное; возможное – необходимое; статическое – динамическое и др. [Комаров 1988:132].

Если звуковая материя становится материей знака лишь при наличии значения в знаке, а значение обусловлено наличием звуковой материи, то это значит, что «сущность языка состоит в единстве звуковой материи и идеального». Именно это единство порождает новое явление – язык. Звук и идеальное – разные явления, но в своём противопоставлении друг другу они едины, образуя язык. [Там же:61].

Так как знаковый язык – многоэкземплярный объект, а каждый из экземпляров идеален лишь в том смысле, что существует в психике человека, и в то же время он материален в буквальном смысле, ибо воплощён в ассоциации между нейронами как биохимическим и биофизическим материалом, то язык материален и в прямом, наблюдаемом, ощущаемом смысле – в виде звуков и букв [Солнцев 1974].

«Принять структурализм невозможно сторонникам материалистической теории в языкознании. В таком случае пришлось бы отказаться от признания единства мышления и языка, единства формы и содержания в языке... Советские языковеды не могут принять методы, враждебные общей марксистско-ленинской теории» [Галкина-Федорук 1957:407]. [.]

Язык, как и мозг, обладает функцией мышления. «Если язык и познание взять в их полном объёме, со всеми составляющими их элементами, то они, по существу, тождественны: язык – это реальное познание, а познание в реальности существует как язык» [Копнин 1966:121].

Язык – это цельное материально-духовное образование, одновременно двуедино, где материальный и идеальный моменты раздельно немислимы. Язык не может рассматриваться как внешняя, отделённая от сознания материя. Одна сторона языка материальная, другой стороной является как раз это сознание. Здесь сознание включается в язык в качестве его компонента и, естественно, в таком случае снимается оппозиция Язык – Сознание и утверждается единство материальной стороны языка (звучания) и его идеальной стороны (мышления, сознания). «Язык демонстрирует нерасторжимое единство мышления и звуковой материи...». «Язык есть сама мысль в действии» [Колшанский 1975:49, 168, 16].

В другой работе Колшанский пишет: язык имеет форму, т.е. как материальную реализацию, так и манифестирующую этой формой мыслительную деятельность (понятия, суждения, умозаключения), что и является содержанием языка. Естественный человеческий язык – это не только языковая форма сама по себе, но и в органическом единстве с нею выраженное содержание, и имеет своё классическое определение как «непосредственная действитель-

ность мысли» [Колшанский 1972:37]. По Колшанскому, язык объективен и субъективен, он по своему существу является двухсторонней субстанцией, обращённой и к миру, и к человеку (язык – субъект, язык – объект). Язык сам по себе уже выражает человеческий мир как форму отражения объективного мира. В этом и отражается весь субъективный характер языка. Язык надо понимать не как перечень или схему категорий общения. Сфера деятельности человека может быть условно подразделена на сферу деятельности человека с природой и на сферу взаимодействия с человеком. Первая сфера универсальна для каждого социума, а вторая варьируется в зависимости от условий жизни народа, действий человека [Колшанский 1990:27]. Если язык – это мышление, а мышление – это язык, следовательно, материальная сторона знаковой системы языка, как и мозг, имеет отражательную способность.

3) Три сферы существования языка: в сознании, в тексте и в словаре и грамматике

Язык не наблюдаем, он существует как абстрактная система эталонных, идеальных, абстрактных элементов в сознании людей. Это противоречит тому, что в грамматиках и в словарях язык нам дан в чувственно-наглядной форме и доступен непосредственному наблюдению. Здесь есть подмена понятий – смешение двух смыслов употребления терминов «словарь» и «грамматика». 1) В одном случае они относятся к языку и обозначают множество элементов и внутренние закономерности системы. В этом случае словарь и грамматика не наблюдаемы, они в сознании людей. 2) Но словари и грамматики – это также определённые лингвистические тексты, в которых описываются и реконструируются различные стороны языка. В этом случае словарь и грамматика – наблюдаемы. [Васильев 1989:70].

Таким образом, язык существует 1) В сознании человека в виде системы абстрактных идеальных знаков, используемой говорящим для оформления смысла коммуникации. А слушающим – для распознавания в этой системе знаков смысла речевого произведения. 2) Во множестве текстов как своё инобытие, как некоторые регулярности, повторяющиеся аспекты текста, которые сами по себе языком ещё не являются, но становятся ими в результате абстрагирующей работы сознания. 3) В лингвистических текстах (словарях, грамматиках) как предмет научной реконструкции и описания. [Там же:75].

Действительно, язык существует в сознании, в тексте, в словаре и грамматике. Но это не однопорядковое, а различное логическое построение. То, что в тексте, словаре и грамматике – не может не быть одновременно и в сознании. Более того, тексты, словари и грамматики «вышли» из сознания. Язык существует не в трёх ипостасях, а в четырёх, и они совсем иные и совершенно иного происхождения. Выше (см. Главы 1 и 2) я описал внутренний механизм знака и языка как четырёхуровневый материально-идеальный продукт. Первый из него – материя (1) наличествует во всех трёх аспектах существования языка, заявленных Васильевым, – в мозгу как материальные нейронные клетки, в тексте и грамматиках – в письменной материи. Но в сознании язык существует только как ассоциативные идеальные следы и от материи знаков (2) и от реальных предметов (3). В тексте, словаре и грамматике язык запечатлён лишь как его видимая и слышимая физическая субстанция от её идеальных ассоциативных образов (2) и (3).

4) Язык существует в виде «пространства мысли», «дома бытия»?

Ю. Степанов пишет, что язык можно представить себе в «образе пространства», это и есть «образ языка», т.е. образ пространства реального, видимого, духовного, ментального. Это одна из характеристик лингвофилософских размышлений над языком в наши дни. [Сте-

панов 1995:32]. «Нет ничего более естественного, как представить себе язык в виде пространства или объёма, в котором люди формируют свои идеи. Что это, метафора? Да, если мы хотим вообразить себе язык. Напротив, достаточно строгое представление, если мы хотим мыслить себе язык в терминах науки о знаковых системах, семиотики» [Степанов, 1985:3]. «Но если язык – это «дом духа», то, естественно, что в нём протекает и жизнь «духа». И если не отделять... мышление и логику от других областей «духа», то надо признать, что язык – это и «дом логики», и «дом знания», и «дом философствования». Язык – это «пространство мысли». [Там же:78].

Нет, это всё-таки метафора, если видеть сущность языка такой, какова она есть, т.е. как она представлена в этой книге. «Образ пространства»? Может быть, всё напечатанное, все библиотеки мира манифестируют это «пространство». «Дом духа»? Этим духом является наш мозг, но не язык. Язык не есть «Дом духа», он служит (его материальная сторона) лишь функционированию мышления и выноса его результатов за пределы мозга, в познавательную и коммуникативную среду. Язык вне мозга – это продукция работы мозга в её вербальной форме. «Дом логики»? Да, если считать, что вся логика как идеальное отражение мира в мозгу в логических формах выведена наружу, через материю знаков, которая ассоциативно привязана к соответствующим логическим категориям. Язык – это «дом знания», накопление которого в сознании человека и его передача из поколения в поколение возможно только через материю знаков. Да, язык – это «дом философствования», подтверждением чему служит эта книга, в которой на суд читателя вынесены некоторые философские размышления, визуально, т.е. материально представленные в знаках одного из многих языков – русского, и идеально представленные в логических формах общечеловеческого мышления.

5) Функции языка манифестируют его сущность

«Коммуникативное назначение языка есть его первая и единственная функция, преобразующая индивидуальное сознание в общественное» [Колшанский 1984]. Сущность языка, его природа, как и любого другого объекта, проявляется в его функциях, выполняемых им в той среде, в которой он живёт. Функция – это внешнее проявление его свойств внутренних, способ его использования. Следовательно, функция объекта есть лишь способ манифестации его сущности. Однако сущность объекта не может быть исчерпана описанием его функций. Исследование языковых функций – лишь необходимый этап на пути постижения сущности и природы языка. Но функция языка – лишь внешнее проявление его свойств, способ его использования. Функция языка лишь манифестирует его сущность, которая скрыта, заложена в глубине. Исследование функций языка – лишь этап по пути построения его сущности.

6) Язык – это универсальный код

Известно, что язык – универсальное средство общения. Кроме того, он – знаковая система, код. Как эти два представления о языке согласуются друг с другом? Пазухин их синтез видит в их универсальном коде. Но в нём эти две характеристики противоречивы, так как: а) универсальный код должен содержать ограниченное число знаков, б) и он же способен порождать неограниченное число высказываний. Следовательно, универсальный код содержит в себе механизм, который способен преобразовывать ограниченный набор знаков в неограниченное число высказываний. [Пазухин, ВЯ, 1969, №5:55].

Действительно, по количественному составу (по объёму памяти человека) языковая знаковая система – конечна. Немотивированные знаки приспособлены для создания бесчисленных ассоциаций, и только потому, что они условны, не мотивированы. Механизмом, пре-

образующим ограниченный набор знаков в неограниченное число высказываний, служит долговременная память, т.е. универсальный код языка.

7) Языку придаётся статус самостоятельного организма

Марксистская школа в языкознании основным признаком языка считает его социальный характер. Все законы в языке, на всех его структурных уровнях объясняются с позиций социальности языка. «Как „устроен“ язык – этот вопрос всегда был и остаётся центральным в языкознании. Возникнув, язык приобретает определённую самостоятельность, свои особые внутренние законы, что и объясняется наличием на земном шаре множества различных языков, средствами которых может передаваться одно и то же содержание... В то же время самостоятельность языка не абсолютна, а относительна, поскольку все изменения в нём происходят в процессе общения». [Филин 1982:46 – 47].

Так как язык имеет сложную организацию (низшие единицы иерархически образуют более высокие), то, по Панфилову, язык приобретает относительную самостоятельность и независимость от мышления и только в конечном счёте должен отвечать своему функциональному назначению [Панфилов 1982:117]. «...Хотя язык и представляет собой относительно самостоятельное явление, основным фактором, определяющим формирование языковых значений, является отражение объективной действительности в процессе познавательной деятельности человеческого мышления, имеющего логический характер» [Панфилов 1982:42].

Так называемые «внутренние закономерности» развития языка – это придание языку статуса самостоятельного организма. Но эти «внутренние закономерности» остаются в конечном счёте достоянием мозга, а в мозгу всё происходит от общественной природы языка – новые факты жизни, новые теории рождают изменения в знаках, т.е. в мыслях. Человек не может производить нечто несоциализированное, подчиняясь лишь «самостоятельным» законам развития языка. Структура языка сама по себе мертва и недвижима. Её приводит в действие мышление человека, а оно всегда социально. Внутренние законы развития языка – суть законы мышления, и в конечном счёте законы социальные.

Марксистские языковеды всегда определяли сущность языка его социальным характером, называя язык – социальным продуктом. Всему остальному они не придавали первостепенного значения. Вот как эту мысль выразил Чемоданов: Материалистическое понимание языка вытекает из понимания истории. Тайны языка, подобно тайне прибавочной стоимости в политэкономии разгадал Маркс. Тайна языка – это идеальная, значимая сторона слова. [Чемоданов 1983]. Это и естественно – они воспитаны на марксистской философии, истории и политэкономии, однако то, что было верным для этих наук, но будучи пересаженным в теоретическое языкознание, оказалось неполным, поверхностным, не исчерпывающим и, следовательно, неверным. Сущность языка лишь как «социального продукта», будучи верной только в социальном, коммуникативном плане, заслонила все остальные проблемы языка как системы материально-идеальных единиц, взаимодействие которых и составило сущность и механизм языка. Нет, сущность языка не «вытекает из его истории». Нет, Маркс, вопреки мнению Чемоданова, не «разгадал тайны языка». «Тайна языка» заложена не в значении слова, а в мозгу.

Конкретный объект нашего изучения есть тот социальный продукт, который отложен в мозгу каждого из нас, т.е. язык. Языковой знак живёт в коллективе в форме совокупности впечатков, имеющих в каждом мозгу. Это индивидуальное вместе с тем и общее. Языковые знаки – достояние всего коллектива, главное средство общения, он обслуживает общественные потребности, это продукт и условие социального развития человека. Благодаря самим знакам возможно мышление, познание. Языковые знаки – это компонент духовной

культуры, но они в ней занимают особое место. Материальная и духовная культура общества есть продукт деятельности человека. Обе эти составные части культуры опосредованы мышлением, где языковой знак выступает как необходимое, неизбежное средство осуществления этого мышления. А без языковых знаков мышление, цивилизация не могли бы возникнуть.

Язык нельзя сравнить с другими общественными установлениями: законы, обряды, религия и пр. Морские и иные сигналы используют лишь одновременно и на ограниченный срок. Языком же пользуется каждый человек, ежеминутно. Язык – наименьшее поле для инициативы, поэтому в нём невозможна революция. Серебренников понимает язык как «социальный продукт» весьма своеобразно – поставил телегу впереди лошади. «Человеческий организм... не безразличен к тому, как устроен языковой механизм. Он старается определённым образом реагировать на все те явления, возникающие в языковом механизме, которые недостаточно соответствуют определённым физиологическим особенностям организма». [Серебренников 1983:212].

Поскольку развитие языка как социального механизма происходит стихийно, вне сознания членов общества, то внутренние механизмы этих процессов не осознаются не только основной массой народа, но очень мало изучены и учёными – психологами, логиками, лингвистами, нейрофизиологами. Слуховой (буквенный) образ ассоциируется с понятием. Он и есть социальный элемент коммуникативной деятельности вообще, внешний по отношению к индивиду, который сам по себе не может его создать, изменить, ибо язык, как совершенно произвольная знаковая система, существует только в силу общественного договора. Итак, что же такое язык как общественное явление, согласно различным теориям, в современном языкознании? Как я показал выше, язык – сложный, четырёхуровневый объект, в котором взаимодействуют и неживая, природная материя, находящаяся вне мозга человека в виде звуков и букв (1), её идеальный, абстрактный образ, живущий в мозгу индивида в виде логических фонем (2), идеальный, абстрактный образ внешнего предмета, в виде логического понятия (3) и сам внешний, материальный объект, предмет общения (4).

Как же может этот язык быть независимым или относительно независимым от мышления? В нём только звуки (буквы) и реальный предмет, как объект коммуникации, т.е. две крайние фазы в структуре языкового знака – (1) и (4) – физической природы, всё остальное – продукция ума, абстрактного, логического мышления – идеальный образ или фонема от материи знака (2) и идеальный образ или понятие от материи внешнего предмета (3).

Множество разнообразных языков на свете – не потому, что каждый язык имеет свои собственные внутренние законы развития, а потому, что единое общечеловеческое логическое мышление (оно продиктовано законами природы и законами развития обществ, развивавшихся в зависимости от различных общественных и природных условий) одело разные языки в различные материальные (звуковые и буквенные) знаки, почему они и стали разными, одинаково хорошо обслуживая одно и то же общечеловеческое мышление.

В каком смысле язык оказывает влияние на мышление? Наш язык, как я показал, и есть наше мышление, начиная от звука (буквы), превращающегося в его идеальный, логический образ (фонемы), кончая идеальным представлением, образом реального внешнего предмета (понятия). Но ни о средствах, ни о методе этого «влияния» языка на мышление, о котором пишут многие лингвисты, ни в одной работе невозможно почерпнуть, механизм этого влияния не понят. Хотя влияние, действительно, есть, но оно совсем не в том, что ему приписывают многие лингвисты, а оно заключено во взаимодействии всех четырех уровней в модели знака: (1) – » (2) – » (3) – » (4). Вся разгадка этого «влияния языка на мышление» заключена во взаимодействии каждого из этих уровней с каждым другим: ни один из уровней знака не может существовать без остальных трёх, если из модели знака изъять хотя бы один из указанных уровней, то знаки рассыпаются, язык умирает.

Совершенно ошибочно утверждение, будто язык есть «посредник между миром и мышлением». Посредником между этими объектами может быть только физическая субстанция – звуки и буквы. А то, что считают языком как «посредником между миром и мышлением», есть только чувственное восприятие мира, его материальных объектов. Перевод этих чувственных форм мысли в их идеальные, логические отпечатки как фонем (звуки) и понятий (внешние объекты) осуществляется только абстрактным мышлением.

Если полагать, что язык – «дом духа», где протекает жизнь «духа», то это верная метафора: язык человека – это абстрактный дух, абстрактное мышление, в отличие от чувственного мышления животного. Но это абстрактное человеческое мышление возможно только с помощью мозга. Знаки языка являются знаками, во-первых, только для человека, во-вторых, только для человека, владеющего данными четырёхуровневыми языковыми знаками, в структуре которых материя знака переводится в абстрактные логические формы. Мы, таким образом, пришли к тому, что метафора «язык – это дом духа» фактически есть тавтология «мышление – это дом мышления».

§3. Что в языке первично – субстанция знаков, или их взаимные отношения?

1) Первичное в языке – отношения между знаками, их структура

Ленин писал, что предметом познания, а, следовательно, и предметом науки, являются не только вещи сами по себе, но и отношения вещей. Полемизируя с Бухариным, обыгрывая понятие *стакан*, который может быть охарактеризован с разных сторон, Ленин пишет: «Стакан есть, бесспорно, и стеклянный цилиндр и инструмент для питья. Но стакан имеет... бесконечное количество и других свойств, качеств, сторон, взаимоотношений и «опосредований» со всем остальным миром... Чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все связи и «опосредования» [Ленин т. 42: 289]. Вещи, следовательно, не только воспринимаются наглядно, но отражаются в их связях и отношениях. «Следовательно, мы выходим за пределы непосредственного чувственного опыта и формируем отвлечённые понятия, позволяющие глубже проникать в сущность вещей» [Лурия 1998:11].

В марксистском языкознании «предмет» соотнесён с семантикой слова, а «отношения» – с синтаксическими отношениями между словами. Отсюда – полная власть субстанции (семантики) над отношениями (синтаксисом) в статусе языка.

Прежде чем говорить об отношениях вообще, необходимо уяснить, какие отношения существуют вообще и чем отличаются отношения между единицами, с которыми имеет дело язык, его грамматическая и лексическая системы, от всех других отношений, в которые вступают, с одной стороны, материальные предметы окружающего мира и, с другой стороны, знаки, слова языка. Например, логика и математика характеризуются только системой чистых отношений, качественная характеристика их объектов безразлична. Для математики безразлично, что скрывается за знаками восемь, сто – сапог, яблок или долларов. Для формальной логики безразлично, будет ли это суждение *Жучка есть собака* или *Человек есть смертен*. Для неё важно знать, что оба предложения – одно и то же общеутвердительное суждение. В других науках, физике, химии, биологии и др., напротив, исследуются лишь свойства вещей, и лишь затем отношения между единицами анализа.

Сегодня в теоретическом языкознании существуют два понимания взаимодействия между «субстанцией» и «отношениями», имеющих принципиальное методологическое, философское значение. 1) Одни лингвисты главным считают отношения между элементами языковой субстанции и даже саму субстанцию считают производной от отношений. 2) Это, по мнению второй точки зрения – идеалистический философский релятивизм и неопозитивизм. Эти «антирелятивисты и неопозитивисты» языковую субстанцию оценивают как первичное, а все отношения между её элементами – как вторичное, производное от нее (это марксистское направление в языкознании).

Ф. Соссюр: в языке нет ничего, кроме тождеств и различий. Это значит: сущность любой языковой единицы создаётся их противопоставлениями. Языковые единицы – чисто относительные, оппозитивные сущности. Гумбольдт пишет: «По разрозненным элементам нельзя узнать того, что есть высшего и тончайшего в языке: это делается понятным или ощутительным только в составе речи... Полное значение слово получает только в составе речи» (Гумбольдт). Изучающий иностранный язык путём усвоения словарного состава никогда язык знать не будет. Любой элемент языка может быть понят и в смысловом содержании, и в своей функции только из целостного движения языкового материала. Как часть

может быть понята только из целого, так и место части целого может быть понята внутри этого целого.

Для объяснения того, что происходит в языке, важно знать, как устроен язык и как связаны между собой различные его элементы. Поэтому понятно, что Соссюр и его продолжатели на первое место выдвигали изучение отношений между элементами языка. Набор слов, никак не связанных между собой, никакого смысла не имеют, а в языке всегда передаётся какой-то смысл. Языковая единица является таковой, только если её можно идентифицировать в составе единицы более высокого уровня. Предложение – это нечто целостное, не сводящееся к сумме его частей. Присущий этому целому смысл распространяется на всю совокупность компонентов.

Язык – это большая структура, включающая в себя меньшие структуры разных уровней. Высказываемое содержание мысли всегда распределено по знакам определённых типов, расположенных в иерархическом порядке. Всё содержание должно пройти через языковые знаки, обретая в них определённые законченные мысли. Иначе мысль расплывается, хаос, неопределённость. Знаковая форма является не только условием передачи мысли, но главным образом условием её реализации.

Если мы считаем язык системой, то мы должны признать, что ни одно слово (знак) ничего не значит само по себе, все его значения – следствие зависимости от системы, от целого. Только вся структура языка, а не её отдельные части передаёт смысл, значение. Отсюда золотое правило, закон языка, который так и не понят некоторыми марксистами: ограниченное число знаков даёт безграничные возможности человеку выражать свои мысли, и существование этого закона языка обязано тому, что всё в языке опутано структурой и выход из неё грозит потерей смысла слова, как и предложения в целом. Множество разноструктурных, разнознаковых высказываний об одном и том же есть свидетельство верховенства языковой структуры. Уже тот факт, что каждый язык имеет свой буквенный алфавит – свидетельство того, что одним знаком можно описывать всё, что угодно, но всё в структуре слова и языка в целом расчленено и значимость каждого зависит от целого. Алфавит говорит о том, что всё разнообразие произносимых звуков и букв сводится к ограниченному числу единиц.

Язык необходимо анализировать в рамках его собственных формальных элементов. Язык образует систему, от основания до вершины, это упорядоченная система частей. Это формальные элементы, объединённые переменными комбинациями в связи с законами их структуры. Язык – это структура языковой системы. Доказательством главенства отношений является: ограниченное число знаков, вступающих в неограниченные комбинации. При этом язык использует лишь часть от бесконечного числа теоретически возможных комбинаций. Различные конфигурации таких структур имеются в разных языках. Каждое слово, знак нельзя расценивать сам по себе как достаточное, он есть не абсолютная величина, допускающая изолированный анализ. Знаки нужно рассматривать в их взаимоотношениях в пределах их системы. Знаки имеют значения лишь потому, что они являются элементами структуры.

Язык – исключительно сложная система. Но возникает вопрос: почему ум человека, даже самого тупого, обладает способностью держать в голове систему такой высокой сложности? А дело в том, что операции со знаками не слишком многочисленны и не столь разнообразны, не обладают излишней сложностью. Потому что базовые операции языка просты, немногочисленны, постоянно повторяемы. Они малочисленны и довольно однообразны, это и объясняет, почему такая сложная система как язык легко держится в мышлении каждого и даётся для постижения даже ребёнку.

Качественная определённость всех единиц языка состоит только из различий. Язык есть и форма (в модели знака: 2, 3), и субстанция (в модели знака: 1, 4). Все ошибки теоретического языкознания и неверное понимание сущности языка коренятся в убеждении, что

в основе всех лингвистических феноменов (звук, буква, слово, предложение) лежит только материальная субстанция (для языка это – семантическое значение слов, они будто и отражают окружающий мир).

Например, Соссюр разглядел общность между языком и шахматами в их «значимостях», т. е. в их структурности. Шахматным фигурам, как и языковым знакам, исторически условно приписываются правила игры, или ценности, значимости. Значимость элементов языка создавалась исторически и тоже как условные значимости. Смысл шахматной игры сводится к ценности или значимости каждой фигуры, но только на основе её места в общей шахматной «грамматической» системе, а не по материалу шахматных фигур. Например, пешка ходит только по вертикали, а бьёт фигуры противника по диагонали; ладья ходит по вертикали и горизонтали; слон ходит только по диагонали; конь ходит только буквой «Г» и т. д. В течение игры создаются трудноуловимые для непосвящённого и постоянно меняющиеся ситуации, которые каждый раз влияют по-иному на ценность отдельных фигур, зависят от их конфигурации, от структур их размещения.

Эта аналогия между структурой языка и шахматами отражает основной принцип языка – его структурность, в которой ценность знака определяется его местом в этой структуре. Общее в них то, что и в языке, и в шахматах происходит бесконечная смена знаковых ситуаций, влекущая за собой смену структурной ценности знака, хотя сама материя знаков (слова в языке, фигуры в шахматах) безразлична к этим мысленным операциям, которые имеют неограниченное число различных вариантов. В шахматах возможны любые мысленные построения, фантазии игрока, но строго ограниченные правилами игры. В языке тоже возможны любые фантазии, и тоже ограниченные правилами игры (грамматикой), но лишь в пределах национального языка, и совершенно не ограниченные мысленными построениями (например, сказки).

Возникает вопрос: что важнее, что ведёт за собой что – семантическая субстанция, т. е. семантика слова диктует свои правила структуре языка, или, напротив, структура языка – главное, в зависимости от которой и рождается система отношений между субстанциями, между словами, от структуры языка (отношений между словами) зависит семантика слов, субстанция. Подобно тому, как шахматная игра сводится к комбинации фигур, причём каждая из них наделена своей ценностью, значимостью, правилами шахматной игры, так и язык является системой, основанной на противопоставлении его единиц. Если изъять одну шахматную фигуру, то это затронет всю внутреннюю грамматику игры. Так и в языке: сочетая слово *коса* в разных структурах предложений, окружениями слов, мы получим в слове *коса* три разных значения (отмель на реке, инструмент для кошения травы, длинные заплетённые волосы на голове женщины).

Знак есть не просто соединение звука с фонемой или понятием. Определить его так, значило бы изолировать его от системы языка, в составе которой он функционирует. Изоляция от системы ведёт к ложной мысли, будто мы во главу угла ставим отдельные знаки, будто надо начинать с отдельных языковых элементов (слов) и из их суммы строить систему языка, тогда как на самом деле мы должны всё делать в обратном порядке. В знаке, состоящем из физической субстанции (звуки, буквы) и её идеального образа в мозгу (фонема, графема), эти части противопоставлены друг другу, как материальное и идеальное.

Без соотнесённости знака со всей системой знаков нет и самого знака. Вне системы знаков нет их семантики, их значений (понятий). Семантическое, логическое содержание знака, следовательно, определяется лишь через привлечение структуры языка. Впервые входя в состав словаря со своим значением, слово одновременно и неизбежно наделено ещё и главным – значимостью, определяемой структурой предложения, структурой словосочетания, т. е. знаку сразу приписывают правило: этот знак, наделённый таким-то значением, родившись, должен употребляться в таких-то и таких-то структурах, и не употребляться

в таких-то структурах. «... Слово помещается в определённый контекст, который, в свою очередь, в конечном счёте и определяет значение этого слова». [Потапова 1992:61].

В основе принципа значимости лежит такое свойство знака, как его произвольность, немотивированность, отсутствие органической связи с обозначаемым предметом. Этот принцип заложил в знаке свойство свободы передвижения по структуре предложения и возможность быть наполненным любым значением. Этот принцип послужил также теоретической основой метода дистрибутивного анализа на основе окружения по месту элемента в синтагматическом ряду.

Понятие «значимость», «валентность», «структурность» т.е. внутренняя наделённость слова всеми присущему ему морфологическими и синтаксическими свойствами, т.е. свойствами органически входящих в связные тексты – центральное понятие в теории знака и сущности языка в целом. Именно в произвольности знака, произвольности его материи, и его идеального, логического значения надо искать понимание лингвистической «значимости» знака. Именно из произвольности знака рождается его значимость в структуре языка. Изобретая знак для уже родившегося понятия, мы сразу же приписываем ему и все его грамматические параметры, без которых он не живёт ни в предложении (эти параметры видны только из данного предложения), ни в словаре (эти параметры вообще не отмечаются, даются лишь трудные, уникальные случаи употребления, иначе словарь превратился бы в Академическую грамматику).

И в грамматике, и в семантике господствует тот же принцип значимости знака: почти любая грамматическая форма данного слова не совпадает с аналогичной грамматической формой в других языках, у них разная значимость. То же самое и в семантическом членении языков: во всех языках участки внешнего мира и внутреннего мира человека членятся на различные семантические отрезки, с этим семантическим членением мы сталкиваемся особенно часто в переводах с языка на язык. Это и есть структура языка, которая диктует свою волю и семантике, и грамматике. Если бы каждое слово служило для выражения заранее данных понятий, и не зависело бы от структуры предложения, в силу того, что язык, его слова выражают реальный мир, то каждое слово в одном языке имело бы точно такое же соответствие во всех других языках. Значимость как понятие более высокого ранга, чем значение, характеризует всю систему данного языка. Значимость и есть система и структура. Любое понятие в языке не абсолютно, а дифференциально, т.е. определено не положительно своим качеством, а отрицательно своим отношением с прочими элементами системы. Они характеризуются тем, что они – не то, что другое.

Содержание всякого понятия раскрывается в системе суждений, понятие всегда функционирует в составе суждения и умозаключения. Именно в суждении и в умозаключении устанавливаются связи и отношения, конституирующие понятие. Языковые знаки, живя только в определённых, для них предназначенных структурах, способны не только различать обозначаемые ими предметы, но и обобщать, не только дифференцировать, но и интегрировать, т.е. служить истинным средством абстрактного мышления.

Смысловая сторона знаков, которая находится в сознании, обусловлена системой нейронных связей. Но выносятся она вовне мозга, в эфир и на бумагу ассоциативно только через материю знаков. И их расшифровка возможна не фонемно, не пословно, а в более широких синтаксических структурах. Поэтому тезис Соссюра «В языке нет ничего, кроме различий», верен. Это всеобщее свойство языка: только в противопоставлении друг другу различаются звуки (буквы), их абстрактные образы (фонемы, графемы), и то, что ими обозначается – идеальные образы предметов (понятия).

Если объект исследования есть производное от чего-то, то ясно, что он «может быть производным и от чего-то большего, что богаче, шире, могущественнее, от чего-то такого, что существует, ибо для того, чтобы произвести объект, надо существовать независимо

от объекта. Значит, существует нечто в нем объекта, и при том производящее объект» [Ленин 1982: 224 – 225]. Таким объектом в языке является слово. Но «могущественнее этого объекта» – предложение, независимое от слова и «производящее» этот объект.

Мышление, управляющее языком как знаковой системой, – динамично. Одно понятие связано в мозгу с другим, а если это так, то и содержание понятия часто изменяется в зависимости от их ансамбля. Вначале появляется замысел, который и управляет построением цепочки знаков. Соответственно, и при приёме информации, содержащейся в отрезке речевой цепи, возникает ожидание появления определённых знаков. Система языка рождается мышлением стихийно. Создаётся впечатление, будто в языке отсутствует рациональная логичность, появляется избыточность, несколько языковых средств могут выполнять одну и ту же функцию, а один языковой элемент выполняет несколько функций. Существует несколько параллельных средств. Система языка определяется самими условиями существования человека.

Знаковая теория языка не может обойтись без понятия структуры, знак не может быть чем-то изолированным и дискретным. Структура, модель есть та необходимая живительная среда, вне которой невозможно конструктивное понимание сущности и роли знака. Если рассматривать знак, слово в самом себе, т.е. как носителя значения, то произвольность знака становится исключённой. Уже здесь заложено опровержение субстанциональной теории знака и языка в целом. Значимость, структура языка есть элемент знака. Это и подтверждается тем фактом, что знак сам по себе произволен. Так как знак не соответствует реальности, с которой знак связан ассоциативно, то значимость надо расценивать только как атрибут формы, а не субстанции. Язык есть система, это значит, что надо говорить о расположении частей в структуре, доминирующей над своими элементами и обуславливающей их. Всё в ней настолько **необходимо**, что изменения как целого, так и его частей взаимно обусловлены. Если язык – не случайный конгломерат туманных понятий, звуков, букв, то именно потому, что его структуре, как всякой структуре, внутренне присуща необходимость.

Парадокс свободного, немотивированного знака, вытекающий из системности языка, ведёт к необходимости знать место каждого знака в системе всех знаков: знать, что значат другие знаки, ибо только в сопоставлении с другими знаками выявляется его место в системе всех знаков. Элемент языка, знак существует лишь постольку, поскольку он противопоставлен другим знакам языка. Иначе он существовать не может. Системность – не довод к свойствам знаков языка, а единственное условие самого существования этих знаков. Содержание языкового знака, его ценность определяется его местом в системе. Обязательным свойством немотивированных языковых знаков является их системная структурность. Они могут служить общению только потому, что люди заранее обуславливаются о соответствиях знаков и внешних предметов, что в совокупности и составляет знаковую систему.

Разные звуковые комплексы могут обозначать один и тот же предмет в одном или различных языках, а один и тот же звуковой комплекс может обозначать различные предметы. Это и есть произвольность знака. Если это так, то главное – не субстанция, а отношения. Даже одна и та же субстанция обозначает разные предметы, в зависимости от структуры. Следовательно, главное – отношения, которые продиктованы произвольностью знака. Суть вещи обнаруживается в отношении с другими вещами (Маркс), так и слово – его значение диктуется отношениями с другими словами. Мнение, будто семантика слова сама руководит своей синтаксической структурой, есть лишь иллюзия, статистическая закономерность, что именно в данном значении слова употребляются чаще, чем в других значениях. Само существование сотен языков есть свидетельство главенства структуры языка, условного характера знака.

Принципу первичности взаимоотношения слов не противоречит диалектическая теория отражения, не отменяет его, а напротив, отражение только и возможно при первенствующей

щей роли отношений между знаками. Ибо знаки условны и, органически, намертво с вещью, отражённую в них, не спаяны. В языке, как системе отношений знаков для организации мышления, разграничивают понятия, суждения, умозаключения. Но это не значит, что язык сам, как сеть знаковых отношений, определяет процесс мышления. Понятия, суждения – не результат знаковых отношений в системе, а результат мышления, но оно только организовано знаками языка, причём только в системе знаков данного языка, организованного и приведённого в порядок именно этой знаковой системой, через строгий порядок синтаксических и морфологических связей и отношений.

Но только в речи, а это значит – в структуре языка проявляются истинные свойства всех слов языка, только в речи есть живые, действующие грамматические, т.е. морфологические и синтаксические правила связей тех слов, которые содержатся в словаре данного языка. Это ещё раз подтверждает, что ведущим в языке являются отношения, а не субстанции. В этом и заложен структурный механизм языка, регулирующий структуру речи. Иначе было бы необъяснимо, как рождается определённый порядок слов в речи, которая является нечто вторичным по отношению к мышлению.

«Свойства данной вещи не возникают из её отношения к другим вещам, а лишь обнаруживаются в таком отношении» (К. Маркс). До «отношения» друг с другом эти вещи (*чай – железо; чай – сукно*) имели те же свойства, были самими собой, но поставив их в «отношения», мы обнаружили их взаимную ценность. Так и в языке, тут та же картина. Материя слова *коса* остаётся в любой ситуации неизменной. Но вне структуры предложения знак *коса* не имеет определённого значения, мы не знаем этого до тех пор, пока не поставим его в соответствующую синтаксическую структуру. И только в синтаксическом отношении к другим словам этот знак обретает своё значение. Только после того, как мы поставили этот знак в определённое синтаксическое окружение, он приобрёл своё значение или свою «субстанцию».

Это синтаксис, оказывается, дешифрует разные предметы в знаке *коса*. Эти вещи обозначены в языке общим материальным знаком *коса* и общим для них идеальным образом (фонемой к-о-с-а), но до включения их в определённые структуры их субстанция – неопределённая. Этот знак и его фонемная структура символизируют три разных предмета, в зависимости от тех отношений, в какие условия мы поставили материю *коса* и, следовательно, её идеальный образ, фонемный ряд. Эти разные отношения для одного и того же знака вылились в его разные семантические окружения и, следовательно, в разные семантические «субстанции». Как развести эти разные предметы в сообщении? Они распознаются как различные логические понятия, только будучи поставленными в разные языковые структуры.

Следовательно, один и тот же языковой знак сам по себе, вне синтаксической структуры предложения, нераспознаваем. Но будучи поставленным в определённую грамматическую структуру, он, например, *коса* становится знаком трёх различных предметов. Это значит, что один и тот же материальный знак, имеющий свою материальную и идеальную структуру ассоциативно соотнесён в сознании с тремя различными идеальными образами трёх материально различных предметов.

Действительно, вопрос этот не праздный: что главное – **субстанция**, т.е. отдельные слова **вне** их грамматического (морфологического и синтаксического) употребления, или **отношения** между этими словами в грамматической конструкции? Если бы главным была субстанция, то каждое слово, до его употребления в тексте, было бы самодостаточным, самостоятельным, свободным от морфологических и синтаксических маркеров. Нет слов, а, следовательно, и понятий грамматически бесформенных. Это значит, далее, что за каждым словом была бы закреплена строго определённая вещь, определённое качество или действие, т.е. все слова были бы строго определёнными «вещами» или «признаками» и не могли бы обозначать собою никаких иных вещей или признаков; не существовало бы ни «избыточности»

в языке, ни структуры языка. Вообще человек лишился бы языка как определённой структуры (язык был бы у него бесструктурный, как у животных, у которых каждый сигнал обозначает лишь строго определённое действие или событие, обусловленное только наличной ситуацией), следовательно, лишился бы человеческого мышления и сознания и тем самым исчез бы сам, на его место встала бы материя, может быть даже «сознательная», но не выше уровня животных.

Но поскольку язык – это система **условных** (не отражающих свойства реальной вещи) **знаков**, а если система – то каждое слово должно иметь **своё место** в этой системе, которое и определяет условную, но прочную, связь с соответствующей вещью. Отсюда – главенство отношений, структурных связей между словами, которые и делают каждое слово значимым, т.е. наделённым тем или иным понятием. Многие лингвисты рассматривают язык как набор лишь материальных знаков в живом мозгу человека, как набор разрозненных слов, живущих вне системы, структуры языка. Конечно, словам в полной мере свойственны «физические свойства вещей», потому что само слово как звуки и как буквы тоже есть вещи, природная материя. Но, в отличие от материи знаков языка реальные материальные вещи не наделены **знаковой функцией**. Спор о «первичности субстанции или отношений» в языке есть спор вообще о **сущности и природе** языка.

Почему мы знаем такое качество как *зелёный*? Потому что есть противоположные *зелёному* другие качества предметов – *красный, чёрный, белый, жёлтый*. Если бы всё на свете было *зелёным*, то исчезло бы и само слово *зелёный*, но физическая субстанция этого цвета осталась бы, будучи природной. Если бы все земные качества сводились только к одному качеству, то названия этих качеств ликвидировали бы самих себя, потому что не именовались бы никаким качеством – осталось бы лишь одно качество, – хотя сами по себе остались бы как реальность. Так происходит с любым физическим, материальным предметом, качеством, состоянием, процессом, если они выступают в «единичном экземпляре» и не противопоставлены чему-то иному в их ряду.

В словах языка, в противоположность реальным предметам, всё обстоит иначе. Слова – это условные знаки. Они сами по себе не обладают указанными качествами, они лишь условные знаки этих качеств, и обозначают только те качества, которые им условно приписаны людьми. А как знаки они не могут жить вне какой-либо структуры: они обладают фонологической и морфологической структурами, а их реальное функционирование возможно лишь в определённой синтаксической среде. Слова языка *дом, бежать, сладкий, в, под, даже* и т. д. – не реальные предметы, а произвольные звуковые или графические знаки, по договору обозначающие некие логические понятия (семантические значения). Объективное качество *сладкое* отличается от *горького, белое – от чёрного*, это обнаружит и безязыкий дикарь, но homo sapiens приклеил к этим объективным качествам некие субъективные знаки, обладающие строгой системой функционирования, чтобы самому различать эти объективные качества «заочно», при их отсутствии в моём непосредственном, чувственном восприятии, и передавать их другим, не пробуя, не нюхая, не видя их. А без условной системы знаков сделать это невозможно.

Если свойства вещи сами по себе **абсолютны**, и эта их природа проявляется только из сравнения с другими абсолютными свойствами (*белый – чёрный, сладкий – горький*), то заложенные в материи языковых знаков **идеальные понятия**, значения слов не абсолютны, а **условны**, конвенциональны, закреплены человеком в строгой системе и структуре, в строго определённом сочетании фонем, морфем, словопорядке в предложении. Одно и то же сочетание фонем может обозначать также любые **иные понятия**, которые узнаются только в структуре семантических и грамматических значений – в **предложении**. А это значит, что главное в языке как системе и структуре знаков – **отношения** между его единицами. В новейшее время эта теория восходит к структуралистам во главе с Соссюром.

Таким образом, понимание сущности истинного языкознания должно состоять в том, 1) что слова не отражают свойств реальных вещей, что язык – это система условных понятийных, идеальных, логических знаков, понятий. 2) что свойства вещей не возникают из их отношений к другим вещам, а лишь обнаруживаются в этих отношениях, **не относятся к языку и его системе**: материальные внешние вещи (качества, отношения и др.) нечто совсем иное, чем идеальное, понятийное в словах языка. Поэтому искать тождество между реальными материальными **вещами** и идеальными **понятиями** об этих вещах – неверно.

Чтобы разобраться в вопросе о соотношении единиц языка и структуры языка («что главное – единицы или их отношения»), т.е. в вопросе о **сущности** языкового знака и, следовательно, языка, марксистские теоретики языкознания обращаются к Марксу, Энгельсу, Ленину (именно они были превращены в иконы «марксистского языкознания»), но раскрыть сущность системы языковых знаков или хотя бы аккуратно переписать этих авторов, им оказалось не по зубам. Маркс, Энгельс, Ленин пишут по-разному, но об одном и том же, – о **знаковом** характере языка, состоящего в том, что знаки языка, будучи лишь условными метками, не отражают свойств вещей. Это значит, что знак произволен, конвенционален (Соссюр) и может ассоциативно выражать любой предмет, любое действие, качество, состояние. Это означает, далее, что **ни одно слово** не имеет в своём семантическом содержании абсолютного значения, выражающего только данный предмет и никакой иной. А это означает, далее, что сама **знаковость языка** предполагает первенствующую роль структуры отношений между знаками, т.е. главенствующую роль **реляционных отношений**.

Язык – не хаотичный и беспорядочный набор или сумма знаков, они живут только в структуре себе подобных. Посредством хаотичного, беспорядочного набора знаков и значений невозможно ни выражать свои мысли, ни накапливать знания любого рода. Знак выявляет свою значимость в системе знаков. То, чем отличается знак, и есть всё то, что его составляет. Как пишет Колшанский, единицы, входящие в высказывание, есть составляющие его компоненты, они – не единицы, образующие высказывание, а, напротив, единицы полученные в результате разложения самого высказывания. Высказывание не складывается как простая сумма из слов, с их значениями, а, наоборот, слова с их значениями получают своё реальное существование только как часть контекста в рамках высказывания.

Однако возникают вопросы: если цель коммуникации – высказывание, и оно предопределяет семантическую структуру предложения, задавая тем самым разные связи между словами, – то нужны слова, но ведь говорят, что они уже имеют значения «до того». Откуда? Разгадка этой дилеммы состоит в том, что все слова с их значениями хранятся в сознании не изолированно от их грамматических и семантических характеристик. Слова усваиваются лишь тогда, когда человек знает, что они обозначают и в каких структурах они употребляются. Говорящий, высказывая мысль, знает, о чём он говорит. Слушающий, слыша звуки слов и структуру высказывания, распознаёт мысль говорящего по этой структуре.

Для того чтобы язык был удобным средством устного и письменного общения, он должен быть организован по определённой, только этому языку присущей структуре. Отдельные слова, без их взаимосвязи употреблять невозможно, ибо мы получим набор отдельных слов, многие из которых многозначны. Сами слова приобретают семантическое значение в структуре предложения. Но эта структура, в свою очередь, формируется из слов, уже наделённых смыслом, каким-то значением. Как разрешается это противоречие? А ларчик просто открывается: действительно, слова ещё до текста наделены своими значениями, и мы из них строим предложения. Но, оказывается, слова наделены своими значениями ещё до текста только потому, что их текстовая, структурная природа уже изначально заложена в их значениях, которые спаяны с их структурными характеристиками, усвоенных ещё в детстве, с рождением первого слова.

Взаимозависимость элементов языка основана на системе языка, а сама система включается во все элементы языка. Системные отношения составляют единственную основу разграничения самих элементов [Звегинцев 1962]. «В плане чисто лингвистическом значение слова определяется его потенциально возможными сочетаниями с другими словами, которые составляют так называемую лексическую валентность слова. Совокупность таких возможных сочетаний слова... и обуславливает существование лексического значения...» [Звегинцев 1957:123]. А Виттгенштейн пишет: «Значение слова есть его употребление в языке».

Знаковость – важнейшее свойство языка. Самые важные законы знаков – законы произвольности знаков и их системности. Например, структура идеальных образов или фонем в слове д-е-р-е-в-о конституирует понятие *дерево*. Но в этом понятии нет ничего собственного, это понятие не считается первичной единицей, оно состоит из фонем, и не просто из фонем, но из структуры фонем, иерархически организованной, порождённой мышлением, и всякое изменение порядка следования фонем разрушает понятие. Зелёный свет светофора вне сигнальной системы дорожного движения ничего не означает, кроме физического цвета. Но в системе правил дорожного движения зелёный цвет имеет значимость. В языке всё подчинено отношениям, структуре, начиная от фонемного состава слова до причинно-следственного умозаключения.

Значит, вещь, субстанция, т.е. знак опознаётся уже на уровне фонемной структуры слов. Но фонемной структуры отдельных слов, т.е. морфологических правил недостаточно, чтобы понять значение слова, понятие. Манифестируемое этим словом понятие окончательно опознаётся на более высоком структурном уровне – на уровне фонемной структуры словосочетания или даже на более высоком логическом уровне – в суждении. Следовательно, нет в языке чистой, голой субстанции, т.е. словарного значения в изолированном слове, оно живёт только в морфологической и синтаксической структуре, даже если нам кажется, что данное слово и без контекста, предложения понятно. Но это – «видимость только одна», порождённая статистическими законами частотности употребления данного слова. А в основе этого закона лежит психологический закон закрепления в памяти того, что наиболее частотно и не более.

Можно, конечно, обнаружить и эксплицировать систему классов слов (частей речи) в каком-либо языке, основываясь не на его структуре, а на семантическом значении слов, что и делается повсеместно в грамматиках всех языков. Но в такой системе не может быть ничего специфического для данного языка, кроме параметров самой логической системы, являющейся одной и той же для всех языков. Принципиально иная система, структурно-семантическая, с иным набором классов и иными их характеристиками, обусловленными различиями в морфологической и синтаксической структуре каждого языка, может быть построена для любого языка. Очевидно, при классификации частей речи морфологические, синтаксические, просодические и иные критерии имеют в различных языках различный удельный вес. Стало быть, в различных языках, в силу особенностей их структуры, части речи должны выделяться на различных уровнях языковой структуры.

Из этого следует, что: а) в различных языках должны существовать различные критерии выделения частей речи, б) различные языки должны обладать различным набором частей речи, в) в различных языках должен существовать различный набор слов внутри одной и той же части речи, или, что то же самое – каждый язык должен иметь свой набор частей речи, зависящий как от внутреннего устройства этого языка, так и от глубины представления его грамматической структуры. Само понятие «одной и той же части речи» в различных языках – нонсенс, не одно и то же. Единственный путь, который ведёт к объективной, исчерпывающей и непротиворечивой классификации частей речи, является путь, постулируемый грамматической структурой соответствующего языка.

Но построение системы классов слов с позиций структурно-синтаксического устройства языка даёт их характеристику также с точки зрения многофункциональности слов, их взаимного пересечения, употребления одних и тех же слов в функциях нескольких частей речи. С этих позиций мною был ранее проведен анализ немецкого языка, который показал истинную роль и значение синтаксической структуры для познания функций слов. [Кривоносов 2001, Главы 3 – 6].

Этот анализ показал, что в каждый класс слов входят лексемы, с одной стороны, выступающие только как слова данного класса (они составляют ядро данного класса, образованное однофункциональными лексемами). Это такие лексемы, которые специализируются на одной функции. Каждый класс слов имеет то большее, то меньшее ядро, в зависимости от класса, т.е. от его структурно-функциональных признаков. С другой стороны, в каждый класс входят лексемы, выступающие как слова и других классов (они составляют периферию данного класса, образованную многофункциональными лексемами). Чем большему количеству классов слов принадлежит лексема, тем больше у неё структурно-функциональных потенциалов, тем она менее специализирована, более всеобща. И, наоборот, чем меньшему количеству классов принадлежит лексема, тем меньше у неё структурно-функциональных потенциалов, тем она более специализирована, менее всеобща.

Таким образом, классы слов, с одной стороны, строго детерминированы, с другой стороны, классы слов – взаимопроницаемы. «Противоречие» между жёсткой классификационной схемой, жёсткими признаками классов слов, жёсткой границей между классами слов и способностью одних и тех же лексем выступать как слова различных классов является лишь кажущимся. Из класса в класс переходит не слово данного класса с уже обусловленным значением, переходит не часть речи в другую часть речи (в таком случае мы бы, действительно, имели дело с противоречием, так как в этом случае слово каждого класса, обладая набором признаков только данного класса, переходило бы в другой класс с признаками своего класса, что невозможно), а лишь материальная форма данного слова, снабжённая только ей свойственными структурными параметрами.

Поскольку многие лексемы переходят из класса в класс, т.е. являются многофункциональными, значит они имеют широкую сферу употребления, специализируются как многофункциональные лексемы (38% лексем, привлечённых для анализа – многофункциональны). Бесконечное количество единиц опыта разнесено по конечным знакам языка. В основе этого соотношения единиц опыта и единиц языка лежит конечный характер языка, связанный с ограниченностью человеческой памяти. Конкретность опыта беспредельна, ресурсы же самого богатого языка строго ограничены. Способность языка как набора конечных единиц отражать бесконечный калейдоскоп опыта зиждется на том, что язык представлен в нейронных связях мозга чрезвычайно экономно как сжатая **структура**, в которой все элементы, будучи конечными, существуют только как элементы этой структуры. Поэтому одна и та же лексема, обладая набором различных грамматических свойств, производит разный эффект в различных контекстах, выступая, например, то как модальная частица, то как качественное наречие, то как прилагательное и т. д. Можно сказать, что каждый знак, только превратившись в слово какой-либо части речи, представляет собой общий семантический сегмент, некий семантический инвариант значения, перекрещивающийся в различных структурно-функциональных классах слов или частях речи. Почти все классы слов данного языка, обнаруживая общие или перекрещивающиеся сегменты (секторы, поля), втянуты в сложнейшую систему **взаимопроницаемости** классов слов, систему, являющуюся отражением механизма фиксации языка в мозгу и свойств человеческой памяти.

Неверно смотреть на язык как на набор звуков, букв, отдельных значений. Реальные языковые значения не находятся внутри слов, они представлены системой отношений между ними. «Эти соотношения и составляют систему языка. Внутренняя система является харак-

терной для данного языка в отличие от других языков, в то время как проявление языка в звуках и письменных знаках остаётся безразличными для самой системы языка и может изменяться без всякого ущерба для системы» [Ельмслев 1950 – 1951:57].

Знак неизбежно обязан быть многозначным – иначе наша память не смогла бы вместить безграничное количество знаков для всех отдельных понятий – каждое значение фиксируется грамматической формой, присущей только для этого значения. Если бы первичным в языке была субстанция, а не отношения, т.е. семантика слов, а не их грамматические свойства, то знаковая система языка (это была бы уже не система, а беспорядочный набор слов), то все слова были бы представлены как наклейки этикеток. Конкретное значение данного слова выявляется только во встрече с другими словами, в грамматической конструкции. Немыслимо наделять слово только одним значением для одного предмета, ибо, во-первых, количество реальных предметов в мире, их качеств, свойств, отношений бесконечно и человеческой памяти не хватило бы для именованья всего сущего. Во-вторых, если бы слово имело только одно значение, то при обнаружении новых реальных фактов, свойств, вещей пришлось бы их именовать новым знаком с новым значением. Это разрушило бы язык как знаковую систему мышления, познания и общения ввиду небесконечности нашей памяти.

Надо заметить, что смысл многих языковых знаков понятен уже на уровне словаря, вне их значимости, вне структуры предложения. Но это типичные значения, всеобщие, статистически преобладающие, наиболее часто употребляемые. Но и эти значения вытекают из самой системы. Понятия, значения каждого слова чисто дифференциальны, т.е. определены не положительно своим содержанием, а отрицательно своими отношениями с другими элементами системы.

Если обывателя спросить, а какая ещё нужна структура для слов *дом*, *стол*, и так понятно – жилище, где живём; предмет, за которым едим и работаем. Но это такие субстанции, которые на слуху, с которых начинает учить язык ребёнок, это самые частотные, избыточные и самые первичные субстанциональные вещи, которые понятны и без структур, хотя эти структуры их только и делают семантически значимыми, мы к ним привыкли с детства. А остальные многие тысячи слов? Большинство из них не так легко определить без их синтаксической структуры. Самые «чистые», привычные, не требующие каждый раз своей структурной проверки слова в языке – это знаменательные части речи, особенно существительные и глаголы, обозначающие знакомые всем вещи, предметы, действия, процессы. Но и среди них ни одно слово не может находиться вне морфологической и синтаксической структуры языка.

Слово, как и другие единицы языка, всегда реализуется в ансамбле других. Даже употребляя слова *дом*, *стол*, и понимая их значение, мы понимаем эти слова не просто как изолированные от их синтаксического окружения слова, но в уме бессознательно, автоматически держим их лексическое окружение и грамматические формы. Стоит эти слова употребить в необычном для них семантическом значении, мы тут же эксплицитно вспомним об их лексическом и грамматическом окружении. Любое слово может быть использовано не по «назначению». Но так захотелось мозгу, и он приписал несвойственное этому слову семантико-грамматическую структуру и, следовательно, наделил его в своих нейронах новым понятием. В этом, кстати, и состоит новизна слов и ценность художественного произведения (вспомним новаторство Маяковского!).

Наиболее общее структурное отношение между знаками – это отношение **импликации**. Если говорящий (пишущий) выбирает один знак, то это ограничивает возможность следующих выборов, часть таких выборов оказывается запрещённой. Это отношение предсказуемости. Выбор одного элемента предсказывает появление данного элемента и непоявление других. Язык – это живой, функционирующий организм, поэтому все его единицы связаны органически и подчинены единой системе данного языка. Однако, как бы ни был

самостоятельным какой-либо элемент и как бы он ни был изолирован от других элементов языка, сам по себе он тоже является органическим целым данного целого. Язык всегда динамичен, как продукт процесса мышления. Принцип валентности языкового знака относится к самой специфике языка, понимаемого строго динамически.

Нам привычна вода и её свойства. Но она состоит из своих ингредиентов – кислород, водород, различные органические элементы, соли и пр. Каждый из этих элементов не обладает свойством воды. Следовательно, связь разнородных элементов даёт качественно новое вещество – воду. Аналогичный процесс противоречий заложен в самой природе: молекула отлична от физического тела, которому она принадлежит. Это закон противоречия, качественного взаимоперехода вещей, количество ведёт к качеству. Ср. температуру воды: сперва это жидкость, но при изменении температуры вода переходит в лёд и пар. В языке тот же переход количества в качество: слово и предложение. Смысл предложения не равен сумме значений слов. Это качественно новое образование, основной закон диалектики в языке: звуки, буквы дают морфемы, морфемы – слова, слова – предложения, предложения – текст. Смысл текста не состоит из значений отдельных предложений. Слово отличается от предложения так же, как предложение от текста. Значимость имеет свою иерархическую структуру: есть слова – понятные уже из словаря, но лишь только потому, что они в мозгу психически отложились как самые частотные слова, хотя, как и все слова, опознаются только в грамматической структуре, которая в словаре не отражена. А, например, неизменяемые, многозначные слова требуют своего опознания в структуре предложения, в узком или в широком контексте, т.е. в **оппозици** и к другим словам. Весь язык пронизан этой структурой, нет изолированных слов вне структуры, и их понятия стоят во взаимосвязи со всеми остальными понятиями.

Среди коммуникативных систем, используемых человеком, естественный язык является той условной системой, в которой структура, контекст выступает в качестве основного и наиболее сильного средства актуализации. Путём почти не ограниченных метафорических сдвигов контекст способен вывести актуальное значение языкового знака далеко за пределы его привычного значения. Предложение *Я страшно устал* равно тому же, что *Я очень устал*. Слово *страшно* приобрело новое значение в релятивистских, синтаксических связях слов. Это возможно потому, что носители языка слову *страшно* придали высокую степень абстракции понятия чего-то отрицательного, нежелательного, оно обладает семантическими признаками степени чего-то ужасного, неприятного, чуждого человеку, выведенных, опять же, из иных структур языка. Слово *страшно* существует в мозгу как самое частотное слово со значением *ужасно*. Но мозг ищет для него новую связь, чтобы по-иному показать, в данном случае, степень усталости. Для этого мозг стремится создать многозначность слов, т.е. способность вступать в свободные, самые непредсказуемые синтаксические отношения.

Многозначность – неотъемлемая характеристика языка, как средство восполнения ограниченных возможностей мозга в связи с ограниченностью памяти, для выражения безграничного мышления, пользуясь лишь ограниченным числом материальных знаков. Но ограниченное количество материальных знаков восполняется неограниченными возможностями мозга сочетать эти знаки во множестве грамматических связей. Язык не смог бы выполнять свою знаковую роль в познании и коммуникации из-за помех в общении, из-за неоднозначности лексических и грамматических форм. Язык «восполняет» этот недостаток на основе контекста, который уравнивает многозначность и однозначность. Соотношение многозначность-контекст – это одно из существеннейших условий функционирования языка.

Знак произволен, т.е. выбор материи для той или иной идеи немотивирован. Если бы это было иначе, понятие значимости (ценности) утратило бы свою характеристику, так как мы внесли бы в язык нечто внешнее, не присущее ему изначально. Осмысленность речи

достигается тем, что в речи выражаются мысли не только о предметах, явлениях, и их свойствах в отдельности, но и мысли об отношениях, в которые вступают соответствующие предметы, явления и их свойства. Выражающие их знаки вне конструкций семантически трудно распознаваемы или вообще нераспознаваемы (особенно частицы, предлоги, модальные слова, междометия).

При построении речи существует системность, жёсткая структурированность, экономия, повторяемость, ибо часто одна и та же морфема пригодна для десятков различных слов, хотя, в принципе, каждая морфема должна бы быть предназначена строго для определённых слов. Если бы не было системности и повторяемости в интеграции слов, то потребовалось бы огромное число фонемных сочетаний, которое невозможно было бы усвоить памятью. Таким образом, буквенное, морфемное, словарное интегрирование внутри слов и предложений порождает их как семантически, логически значимые единицы. Но изолированные друг от друга слова ничего не значат (если мы их бессознательно не соотносим с определённой грамматической структурой), они не создают суждений и их накопление или простое расположение одного после другого не содержит информации, ввиду изолированности, ввиду того, что такие слова не образуют интегрированной системы. Система создаётся лишь за счёт морфологии и синтаксиса, т.е. за счёт способов и законов сочетания слов в предложениях. Таким образом, суждение, обнаруживаемое в речи, проходит несколько фаз его образования: от фонем к морфофонемам, от морфофонем к понятиям, от понятий к суждениям, от суждений к умозаключениям. И далее к другим сложным сочетаниям суждений, вплоть до текста.

Единственный способ объяснить значение слова требует привлечения каких-нибудь других элементов, хотя внешне кажется, что любое слово, чтобы его понимать, самодостаточно. А на самом деле каждое слово тянет за собой шлейф всех своих грамматических параметров, директивно приписанных этому слову со дня его рождения. Это – контекст данного слова. Чем «примитивнее» слово (частицы, союзы, предлоги, наречия), тем более его значение зависит от смыслового, а значит морфологического, синтаксического окружения и, следовательно, такие слова труднее всего распознаются как определённая часть речи. Без познания всеобщего, которое объединяет объект как целое, не может быть науки. Структурно-семантические связи, понятие структуры, понятие значимости – главное в науке о языке.

Почему язык – система? Так как человеческая память ограничена, чтобы воспринять всё бесчисленное разнообразие мира, нужна система. В противоположность бессистемному, система более экономична, в системе слова запоминаются лучше. Запомнить все речевые акты невозможно, а системный характер слов позволяет закрепить их в памяти лучше. Мир бесконечен, так же, как и мир мышления, его отражающий. Но в силу того, что память человека не бесконечна, и ей надо быть вооружённой бесконечным количеством знаков, то мышление, чтобы отразить этот мир, тоже должно быть бесконечным. Но в сознании нет бесконечного количества единиц мышления ввиду ограниченности памяти. Следовательно, для выражения разных мыслей, чувств, настроений, эмоций, переживаний приходится употреблять одни и те же слова, делать их многозначными, пригодными на все случаи бесконечного мышления. Следовательно, мыслей и их единиц больше, чем знаков для их выражения. Мышление вынуждено ограничивать себя относительно небольшим набором языковых единиц для выражения самого себя, т.е. повторять одни и те же знаки, порождая многозначность.

Слов значительно меньше единиц мира и единиц мышления, поэтому они приспособляются для употребления множества мыслительных единиц и, следовательно, для создания множества языковых структур. Следовательно, субстанциональная сущность слов, по определению, не лежит в основе создания структур языка, а, напротив, структуры языка создают необходимые субстанциональные языковые единицы – знаки. Значит, основа

языка – структура, она управляет субстанцией. Звук, буква как материальный элемент сам по себе для языка нечто вторичное, лишь используемый им материал, хотя без этого материала нет ни языка, ни человека. Все условные значимости, ценности характеризуются свойством не смешиваться со своим субстратом. Так, не металл монеты определяет её ценность, а то, что на ней написано, в зависимости и в связи с другими такими же единицами. Поэтому значение, понятие не есть нечто звучащее, написанное, материальное, а нечто бестелесное, идеальное, образовано не своей материальной субстанцией, а исключительно теми различиями, которые отделяют его акустический, буквенный, зрительный образ от прочих. Фонемы, как и все остальные элементы языка, ценны не сами по себе, а в противопоставлении другим, т.е. в системе, их число и их место в среде прочих фонем строго определено. Каждая фонема характеризуется не свойственным ей положительным качеством, но исключительно тем, что она не смешивается с другими фонемами. Они все взаимно противопоставлены и взаимно отрицательны. Каждый человек по-своему говорит и пишет, поэтому каждая фонема, графема индивидуальна и произвольна в пределах данного языка, её форма, качество существенны лишь в пределах системы, состоящих из таких же элементов. В связи с этим трудно понять тех лингвистов, которые одной рукой пишут, что фонемы, как наименьшие знаки, имеют смысловозначительные функции, а это значит – употребляются только в структуре себе подобных, а другой рукой пишут, что главное в языке – значение, семантика, а не структура.

Ни одно слово не самодостаточно, его ценность – только в структуре языка, начиная от фонемной структуры. Фонемы в слове *дом* самодостаточны? Но есть понятие *дом мод*, которое состоит из двух слов с одними и теми же фонемами, но имеющими разный смысл. В этой цепочке фонем ничего нельзя переставить, не придав ей другое значение. Очевидно, что каждое слово имеет какое-то основное, центральное значение, статистически наиболее частотное, зависящее от контекста и структуры предложений. Чем ниже уровень языковой структуры, тем сильнее слово связано «по рукам и ногам» своей синтаксической паутиной. Чем выше уровень языковой структуры, тем больше создаётся иллюзия, будто такое слово самодостаточно. У каждого из слов – своё синтаксическое и семантическое окружение. *Человек идёт*: это *шагает*. *Весна идёт* – здесь уже значение о временном наступлении времени года. *Жизнь идёт* – это уже, скорее, обычный общественный и физиологический процесс. *Костюм идёт* – нет ничего из выше сказанного, это эстетическая оценка. Эти огромные «якобы несоответствия» определены контекстом, семантической и синтаксической структурой предложения. Слова языка не повенчаны напрочь с данным и только данным значением. Слово, знак со своим идеальным значением проходит бесконечное количество скачков, закономерно между собою связанных, в выборе какого-то подходящего синонима. Это текучие понятия, хотя и имеют общий или близкий семантический стержень: нельзя сказать *-камень идёт* (только в сказке).

Знак условен, не связан органически с предметом, т.е. ни одно слово само по себе не может раскрыть то содержание, которое оно обозначает, оно лишь указывает на предмет, а его идеальный, логический образ рождается в мозгу. И в то же время известно много фактов того, что предложение имеет семантическое значение, не соответствующее значению каждого из его слов (фразеологизмы). Этот парадокс объясняется тем, что одной номинативной функции недостаточно, да она, собственно, и не существует вне структуры предложения. Язык имеет иерархический принцип организации: единицы низшего уровня суть составные части единиц более высокого уровня, который есть не простая механическая сумма единиц низшего уровня, а обладает новым качеством. Это и есть подтверждение тому, что главное – отношения. Как пишет Лосев, знак в силу своей зависимости от мышления и от природы оказывается заряжённым бесконечными семантическими возможностями. Потому что знак есть акт мышления, а мышление бесконечно и ничем не ограничено. А эта подвижность

заставляет его рассматривать только в контексте других знаков, но эти языковые контексты также бесконечны, как и породившая их материальная действительность и как осмыслившее её человеческое мышление.

Универсальный код – человеческое мышление – порождает неограниченное число сообщений, имея ограниченный репертуар материальных знаков в языке для того, чтобы отразить бесконечность мира и мыслей о нём. Совмещение этих противоположных качеств в языке достигается благодаря тому, что знаки обладают неограниченной грамматической сочетаемостью друг с другом. Любой знак, материя его, может быть связан с неограниченным числом означаемых предметов. Это и делает язык парадоксальной знаковой системой, которая позволяет потребителям на основе конечного числа знаков создавать бесконечное число высказываний. Язык представляет собой не бесструктурное множество вроде кучи кирпичей, в которой каждый кирпич может занять место другого без изменения качественной сущности кучи, она не меняется при удалении или добавлении пары кирпичей. Язык же обнаруживает свойство своей внутренней целостности и взаимосвязанности его элементов, выступает как единое целое, в котором каждый элемент последовательно связан с каждым другим. В языке ничего нельзя прибавить и убавить, структурно не изменив целого и отдельных частей, т.е. структуры языка.

Итак, высшая единица языковой знаковой системы состоит не из суммы значений единиц низшего яруса, а из их структурных свойств. Каковы причины лежат в основе этого закона? 1) Языковой знак условен, он не может быть связан с предметами органической связи и быть похожим на сами предметы и их свойства; 2) Языковой знак не может быть связан только с одним предметом в силу ограниченности человеческой памяти; 3) Языковой знак функционирует не изолированно, а только в структуре себе подобных знаков. Эти качества языкового знака и есть свидетельства того, что первичное, главное в языке не «субстанция», а «отношения».

Нет знаков с регламентированным вне текста значением. Только в структуре себе подобных, в тексте знак приобретает одно из значений, хотя всегда кажется, будто само слово, само по себе, имеет уже самостоятельное дотекстовое значение, с которым оно и вставляется в предложение. Но это «место в предложении» уже указано слову вместе с его рождением.

Смысл слов вне предложений, вне текста не может быть однозначно понятен по самой природе человеческого мышления и языка. Смысл – это то, что отражено в мозгу о реальной или мнимой отражаемой через язык действительности. Нет слов с регламентированным значением. Как только слово введено в текст, оно тут же приобретает значение, часто иное, чем привычное, но по велению мозга. Если бы высшая единица языка состояла из суммы значений её низших единиц, это означало бы, что каждое слово уже само по себе наделено своим собственным значением, вне структуры предложения. Это означало бы, что язык есть не структура взаимосвязей слов, а лишь обычный набор слов. Это была бы уже не структурная связь слов в предложении, а беспорядочная груда наваленных кирпичей.

2) Первичное в языке, по мнению марксистских лингвистов, – субстанция, значение, подчиняющее структуру языка

Итак, что первично в языке – «субстанция» (т.е. семантическое значение) или «отношения»? Марксистское языкознание настаивает на том, что в языке первичны значения слов, вторичны – отношения между ними (грамматические формы). Оно опирается на следующие высказывания Маркса и Энгельса: «... способность вещи есть... нечто внутренне присущее вещи, хотя это присущее ей свойство может проявляться только... в её отношении

к другим вещам» [Маркс, Энгельс т. 26, ч. 3:143]. Оказывается, теория Маркса подтверждает аналогичную ситуацию в языке. Об этом пишут и современные марксисты. «Отношения... имеют статус реального существования, **но лишь постольку, поскольку они есть отношения вещей**». [Панфилов 1982:73]

Но тут же он отвергает собственную теорию. Структурализм, по Панфилову, гласит: языковые явления на всех уровнях есть результат отношений, в которых они находятся друг к другу, поэтому качество этих единиц определяется их отношениями в системе. В реляционной теории языка языковая единица в его обеих сторонах (т.е. семантика слова и его грамматическая структура – А.К.) рассматривается как результат **внутрисистемных** отношений в языке. Следовательно, пишет Панфилов, языковое значение не есть образ явлений действительности. Если язык есть продукт внутрисистемных отношений языковых единиц, то, следовательно, никакие экстралингвистические факторы (общество, мышление) не оказывают какого-либо воздействия на язык, следовательно, для всех изменений в языке нельзя привлекать какие-либо экстралингвистические факторы для их объяснения. Это – следствие релятивистского понимания философских категорий «вещь», «отношение», в котором объявляется примат категории «отношение». Но в «марксизме-ленинизме» отношения – это отношения вещей, т.е. субстанций. Поэтому фонема – не пучок различительных признаков. Конкретные материальные звуки и буквы не создаются противопоставлениями, которые существуют в фонологической системе каждого языка. Материя языковой единицы – не форма, а субстанция. Идеальная сторона языковой единицы тоже не форма, а результат отражения явлений действительности [Панфилов 1974:17].

Если идти по стопам «марксистов» в языкознании, то мы должны отвергнуть понимание языка как системы знаков, **условный, конвенциональный** характер знаков, т.е. мы тут же отвергаем Маркса и Энгельса (« Название какой-либо вещи не имеет ничего общего с её природой») и Ленина (« Название есть отличительный признак, который я делаю представителем предмета»), хотя считаем себя «марксистами» от языкознания. Понятие «вещь» (Маркс и Энгельс) и «предмет» (Ленин) – это реальные вещи и предметы, но эти же понятия характеризуют и слова (устные и письменные) как **материю** знаков, имеющую якобы свои собственные значения. Однако материя слов, играет совсем иную роль, чем, например, разбросанные во дворе кирпичи, – они, будучи использованными в строительстве дома, вплетены в **структуру** множества кирпичей, в **отношения** между ними, а без этой структуры и этих отношений они, действительно, превращаются в отдельные «вещи», в «предметы», т.е. в ту же кучу кирпичей.

Например, Панфилов, часто ссылаясь на эти исторические имена, сам того не замечая, отвергает некоторые их положения, полагая, что он занимается «марксистским языкознанием». Он критикует структуралистскую характеристику языка как сети отношений, от которых зависят свойства языковых единиц всех уровней. Это положение Панфилова противоречит теории Маркса, считавшего язык знаковой системой, имеющей **условный**, следовательно, **структурный** характер и, следовательно, язык как структурное образование действительно порождает системы его единиц всех уровней. Значение каждого слова и, следовательно, его принадлежность к той или иной части речи определяется не его звучанием и написанием, а структурой предложения, т.е. контекстом [на материале частей речи немецкого языка этот вопрос подробно освещён в работе: Кривоносов 2001:576 – 699].

Лингвисты марксистского направления, основываясь на теории Маркса, отстаивая приоритет субстанции (постоянного семантического значения) над структурой предложения, критикуя структуралистов за их приверженность к «структуре», «отношениям», не учли того, что Маркс, рассматривая соотношение структуры и субстанции, имел в виду не соотношение **языковых знаков**, а отношения реальных **материальных предметов**. Это и ввело марксистских лингвистов в заблуждение.

Филин, посчитал, что в языке, как и в материальном мире, материя, субстанция господствует над отношениями. «Понимать под субстанцией только материальную оболочку языка нелепо. На самом деле субстанция – это любая единица языка (слово со всеми его значениями, предложения с их смыслами, т.е. то, в чём находит своё отражение мир, что является первоэлементами, кирпичиками языкового здания, между которыми и благодаря которым существуют отношения, системность). Структурализм как методологическое направление чужд марксизму и насаждение его в советском языкознании неприемлемо.» ... Мы не должны забывать о необходимости дальнейшего изучения самой **языковой материи**, отдельных элементов, из которых состоит язык» [Филин 1982:85].

Филин считает главным, ведущим: «субстанция ведёт за собой отношения», которые рождают определённый смысл. Откуда первоначально появился этот «смысл»? Да всё из той же структуры, ибо бесструктурных слов не бывает. Значит, мы вывели значение слова из его статистической способности чаще всего употребляться в данной структуре, ибо все слова произвольны, условны, не наделены заранее определённым смыслом, который и получает слово из окружающей семантико-грамматической структуры. Затем мы говорим: вот этот смысл слова, а не структура предложения, и есть главное, ведущее! Мы прежде «отношения», выдав их за главное, вложили их в понятия «субстанции», а потом и говорим от имени этой «субстанции»: субстанция ведёт за собой отношения. Такова истинная логика рассуждений о первичности субстанции или отношений, не усвоенная марксистскими лингвистами, а заменена лингвистическим «идеологизмом» о том, что язык (т.е. знаки) отражает действительность в силу его неразрывной связи с этой действительностью.

Отношения между материально выраженными элементами языка низводятся до степени «всякого рода значимостей и противопоставлений, потому что, по Ф. Соссюру, в языке нет ничего, кроме различий» [Серебренников 1977:38]. Мельничук критикует Соссюра, говорившего, что «в языке нет ничего, кроме различий». В этих словах отдаётся приоритет отношениям перед элементами в структуре языка, к чистым отношениям как единственной основе сущности языка и объявлению соотносящихся элементов – звуков и форм – лишь как результата чистых отношений. [Мельничук 1970:56].

Семантика слов не может быть лишь продуктом тех отношений, в которых они находятся в языковой системе, так что их качество, семантика не определяется этими отношениями. Иначе мы бы понимали язык как систему знаковых отношений (но так оно и есть!). Это антисубстанционизм или релятивизм. [Панфилов 1977:60]. Значение понимается как отношение между знаками. Теория языка как сети отношений несовместима с марксистско-ленинской философией, поскольку лингвистика отрывает отношения от материи. Материя исчезла, остались одни отношения. [Панфилов 1982:74 – 76].

Например, марксистские лингвисты убеждены, что слова – это те же предметы и вещи о которых говорит Маркс. Действительно, слово – это вещь материальная, как и вся материя, т.е. физические звуки и чернильные крючки. В таком случае оказывается, что сами по себе эти языковые звуки и буквы – то же самое, что и реальные предметы, что и скрип немазаных колёс, что и удары грома, что и китайские иероглифы для русского – это абстракционистские материальные картинки. Однако, в отличие от разбросанных на дороге камней, слово приобретает смысл «слова», т.е. статус языкового знака, если оно не просто предмет, а предмет, указывающий на другой предмет, т.е. материя слова в мозгу индивида превращается в её идеальный образ (фонему), а внешний предмет превращается в его идеальный образ (понятие). Но фонемы и понятие в этом слове мы опознаём не как беспорядочно валяющиеся на земле предметы, а только в определённом структурном оформлении, т.е. в синтаксическом и морфологическом оформлении этого слова. Следовательно, мы должны учитывать тот факт, что языковой знак и внешний предмет – разные вещи, следовательно, взаимоотно-

шение между значениями слов и их грамматическими формами мы не уподобляем взаимоотношению кирпичей на свалке.

Чесноков пишет, что не следует преувеличивать значения релятивной стороны, т.е. отношений между единицами, иначе создаётся впечатление, будто отношения между единицами и обуславливают их внутреннюю природу (но так оно и есть!). Эти отношения обуславливаются внутренней природой, а не наоборот. [Чесноков 1966:202]. Зададим вопрос: что такое «внутренняя природа слова», например, простейшего и самого частотного слова *дом*? Кажется, ясна эта природа: Здесь строят новый *дом*. А какова внутренняя природа этого же слова в словосочетании: *дом отдыха, дом офицеров, дом культуры, дом архитектора, дом художника, публичный дом, торговый дом, разбудить весь дом, пришли всем домом, космонавты обживают свой дом, Дом Романовых, не все дома?* Априорно, вне структуры словосочетания заявленная «внутренняя природа» слова *дом* рассыпалась. Так происходит со всеми словами, особенно с многозначными словами.

На основе синтагматических связей, считают марксистские лингвисты, невозможно определить значение. Они не поняли взаимоотношения материального и идеального, хотя эта проблема является главным вопросом марксистской философии. Ведь знаковое значение условно, ассоциативно отражённое в сознании, зависит от системности, структурности знака, от его значимости в системе других знаков. Все знаки, начиная от низших (звук) и кончая высшими (слова, предложения) построены и работают лишь в составе более высоких по сравнению с ними структур. Слово *поставить (стул, спектакль, вопрос)* никто и никогда не видит и не слышит сразу как слово с тремя значениями одновременно, свойственными этому слову в трёх разных предложениях. Оно в сознании русского человека соотносится с чем-то одним. А это «одно» и находится в соответствующем окружении этого слова, в соответствующей синтаксической структуре. Это и есть значимость данного знака.

Комментируя слова Маркса об отношении свойств реальных предметов и их отношений, Панфилов перенёс их на почву языка, на объекты принципиально иного свойства, нежели реальные предметы. Эти отношения, по Панфилову, если в определении свойств предметов их считать главными, содержат в себе, по его мнению, логическое противоречие: «... как н е ч т о само по себе не обладающее какими-либо свойствами, тем или иным качеством, может так воздействовать на другое н е ч т о, находящееся с ним в определённых отношениях, что создаёт качество этого, второго н е ч т о...» [Панфилов 1982:73]. Панфилов так и не понял, что он здесь повторил ту же идею Маркса о «соотношении вещей», а не языковых знаков.

Действительно, разделим недоумение Панфилова, хотя недоумевать здесь не из – за чего. Он пишет, во – первых, об обычных материальных вещах, а не о языковых знаках, но переносит свойства вещей на языковые знаки. Во – вторых, он априорно приписывает слову самостоятельное значение вне всякой структуры, заявляя, что если у слова есть значение, то оно его не получит и в структуре. Это означает, что, например, слово *коса*, якобы уже вне текста обладающее значением (это только кажется – «вне текста», а на самом деле любой, знающий этот язык, сразу же вставит слово *коса* в наиболее близкую и понятную ему структуру), не «получит его и в структуре». И вдруг его приобретает – это и *инструмент, и волосы, и отмель*. А слово *соль*? Это и *соль, которой солят суп; это соль общества; соль анекдота; соль вопроса; сыпать соль на рану; водить хлеб – соль с кем-либо*. Вот здесь первое Панфиловское **нечто**, имеющее якобы независимое от структуры предложения значение (уже первое Панфиловское нечто порождено не самим этим нечто, не самим собой, а только в структуре других слов), получает своё значение всё-таки в структуре, т.е. в окружении, в ситуации, в грамматике, в коих нет никакого понятия *косы и соли*, наделили эти слова, т.е. другие **нечто** соответствующими идеальными образами – значениями. Свойства каждого слова обнаруживаются не в них самих, а в их отношениях с другими словами.

Все значения слова *коса*, как и все значения слова *соль* в уме всё равно рождаются в типовых для них конструкциях, и мы помним обычно главное из них, типовое, наиболее частотное. А слова с многими семантическими значениями (предлоги, союзы, частицы) требуют явно выраженной ситуации. Следовательно, даже наиболее частотные слова, существительные, не могут быть не привязанными к отношениям с другими словами, т.е. к ситуации, к соответствующей синтаксической конструкции.

Марксистское понимание языкового знака и значения, и языка в целом, пишет Панфилов, противопоставляется их релятивистской трактовке. Но принцип произвольности языкового знака, вопреки мнению Панфилова, как раз и зиждется на этом «релятивистском» истолковании природы языка. Произвольность, условность, немотивированность есть единственное свойство знака и языка в целом, сделавшего знак знаком, язык языком, а человека человеком. Значение знака, или то, что марксисты называют «субстанцией» языка есть результат **только** внутрисистемных отношений с другими единицами и язык в целом сводится к реляционному каркасу. Следовательно, языковое значение не есть образ предметов внешнего мира, не отражает их, а есть знаковое по своей природе, есть лишь название предмета, указание на предмет, абстрактный образ которого или его идеальный образ хранится в мозгу.

В марксистской философии рассматривают категорию «отношения» как «отношение материальных вещей, событий, фактов», т.е. отношения, при которых вещь не теряет своих свойств, а лишь выявляется в этих отношениях. Это, действительно, субстанциональный подход. Но это относится только к материальной природе и к языковой системе никакого отношения не имеет. Этот субстанциональный подход и взяли на вооружение «марксистские» лингвисты, отбросив «отношения», перепутав идеальные сущности, на основе которых и существует язык, с внеязыковой, материальной, вещной действительностью.

Поэтому фонемы для них, образующие понятия, лежащие в основе слов, не результат внутрисистемных фонологических противопоставлений как пучок дифференциальных признаков, а субстанция, живущая вне системных отношений. Но значение знака – не субстанция, а идеальный образ субстанции, так как он есть результат отражения фактов и явлений действительности, который находится в сознании человека не в своей природной материи, а в идеальной, логической форме. Нельзя говорить о субстанциональном характере значения, ибо значение не есть нечто, существующее в материальном знаке и зависимое от него.

Большинству лингвистов понятно, что языковой знак – произволен, органически не связан с внешним объектом и не отражает его свойств. Но если знак произволен, то его значение не спаяно наглухо с предметом, то и в структуре себе подобных он остаётся произвольным. Но по какому признаку можно определить его ассоциативную связь с внешним предметом? Только в структуре предложения, в системе языка. Именно в основе «значимости», структуры заложено свойство знака – его произвольность. На основе значимости понятие должно неизбежно рассматриваться только в его отношении к другим компонентам языковой системы. Отсюда следует, что произвольны не только материя знака, но и идеальное значение отражаемого предмета, находящееся в сознании. Эти идеальные образы соответствуют понятиям, следовательно, они так же, как и материя знаков, – условные, дифференциальные, т.е. определяются не положительно, согласно своим содержаниям, а отрицательно по отношению к прочим элементам системы. Они характеризуются именно тем, что они – не то, что другие. Если произвольна материя знака, то произвольным должна быть и её связь с ассоциативным понятием внешнего предмета, которое находится в сознании.

3) Знаковая система, как считают марксистские лингвисты, зависит от действительности, она подобна материальному миру

Когда пишут, что знаковая система зависит от действительности, то это значит, что знак не условен, не замещает вещи, а подобен им, следовательно, язык не есть структурное образование. Теория субстанциональности языковой структуры, зависимости знаковой системы от предметного мира означает, что эта теория языка противоречит понятию знака. Ведь знак представляет, замещает нечто, находящееся вне знака и знаковой системы, которой он принадлежит, он не похож на замещаемые предметы, и с ними никакими нитями не связан.

Чесноков пишет, что нет знаковой системы, замкнутой на самой себе. Так как невозможна система отношений без соотносимых объектов и так как неосуществимо познание отношений между вещами без предварительного знания самих вещей, из которых могут быть извлечены отношения, то логические отношения должны опираться на опытные данные. Поэтому несостоятельно стремление некоторых лингвистов представить структурную лингвистику как единственное современное направление в языкознании. Структуралисты неверно понимают «соотношение внутренних и реляционных свойств элементов языка и сводящую сущность языковых единиц к их внешним отношениям» [Чесноков 1970:144 – 145]. Ломтев пишет: в значении слов есть свойства, зависящие от системы языка, они определяются отношением между значением слова и действительностью. Система языка имеет важное значение в формировании значения слова. Но она не создаёт, а лишь видоизменяет его, не превращая его из отражения объективной действительности в знак. [Ломтев, ВФ, 1960, №7:133]. «Когда первичным считают отношения, то этот философский структурализм заводит науку в тупик» [Филин 1982:27]. «Попытки дематериализовать язык, представленные как общий принцип языкознания, для нас неприемлемы. Релятивизм, как таковой, является одной из разновидностей идеализма» [Там же:65]. «... Не отношения порождают субстанцию (из ничего не получится ничего), а бесконечно разнообразная языковая субстанция обуславливает наличие весьма сложной сети связей между её элементами» [Там же:76]. Связи между общественными функциями языка и языковой системой не являются случайными. Общественные функции языка влияют на его структуру непосредственно или опосредовано [Там же:127].

Отдельные представители структурализма называли «Капитал» Маркса в качестве одного из первых образцов разработки понятия структуры в социальных науках. Но в языкознании, как пишет Мельничук, проявилась идеалистическая сущность лингвистического структурализма как методологического направления, этим и определено отмежевание марксистского языкознания от структурализма» [Мельничук, СЛЯ, 1983, №3:201]. По Мельничуку, только материалистическое понимание языка может спасти языкознание от идеализма структурализма. Он пишет: «Язык – это знаковая система, все элементы которой существуют прежде всего в силу общественной необходимости и обозначения различных внеязыковых фактов объективной действительности и сознания и только как таковые вступают между собой в различные внутренние отношения, образуя структуру языка» [Мельничук 1970:69].

Диалектический принцип всеобщей связи предполагает, что язык, как и все явления, подвержен влиянию, в том числе влиянию нелингвистических факторов, и прежде всего человеческого мышления. Поэтому структурализм, признающий лишь структуру главным, отбрасывает всеобщую связь. Они абсолютизируют роль отношений и тем самым отрицают связи языковых явлений с неязыковыми. [Панфилов, ВЯ, 1975, №3:31]. «Структуралисты рассматривают язык не как орудие абстрактного, обобщённого мышления, и в сознании человека отражается действительность, а как явление, определяющее характер, тип мышле-

ния, его логический строй и результаты познания. Это неопозитивизм [Там же:32]. Далее Филин: «Для всех этих течений характерна общая черта – возведение языка как системы знаков, в абсолют, своеобразную магию языка» [Филин 1970:9].

В языке отношения иные, чем между предметами. Отношения вещей и их субстанция не то, что отношения слов и их субстанция (семантика): это более сложное явление и никто из классиков нам не дал рецепта на этот счёт. Маркс и Энгельс рассматривают отношения материальных вещей, а в языке – не просто материальные вещи, но такие материальные вещи, которые поступают в мозг и выходят из него уже не как материя, а как их идеальные образы. А без идеальных образов нет мышления, нет и человека. Происходит ли нечто подобное с материальными вещами? Нет.

Итак, реальные, материальные вещи – это не реальные слова (реальное в них лишь материя звуков, букв, т.е. это и есть материальные вещи), между ними, как говорят в Одессе, «две большие разницы». Как вещь – **физическая** субстанция (*камень, дерево*), так и слово (*камень, дерево*) тоже **физическая** субстанция. Но слово – материальный знак чего-то, главное в нём не то, как оно звучит или пишется (любым словом может быть обозначен любой предмет), а то, какова структура фонем этого звучания, чтобы его можно было отличить от других звучаний, т.е. структура **абстрактных** единиц, она оповещает о логическом понятии, локализованном в мозгу. «Название есть отличительный знак, становящийся представителем предмета» [Ленин т. 29:74]. Действительно, слово – не предмет, а лишь **представитель** этого предмета, именно **идеальный** (но не материальный!) представитель предмета. «Речь, посредством которой должно быть сообщено о том, что есть, не является тем, что есть, – то, что сообщается, это **не самый предмет** (выделено мною – А.К.), а только речь» [Ленин т. 29:246]. Следовательно, если «свойства данной вещи не возникают из её отношения к другим вещам, а лишь обнаруживаются в таком отношении» [Маркс, Энгельс т. 23:67], то тем более язык – не набор разрозненных материальных слов, а сложная структура, система взаимодействующих и взаимосвязанных слов: каждое слово имеет своё, строгое место в этой структуре, как и аналогичное слово во всех остальных языках.

Прислушаемся ещё раз к голосу Маркса, Энгельса, Ленина: а) «... люди дают названия целым классам этих предметов, которые они уже отличают на опыте от остального внешнего мира» [Маркс, Энгельс т. 19:377 – 378]. б) «Название какой-либо вещи не имеет ничего общего с её природой» [Маркс, Энгельс т. 23:110]. в) «Вещь имеет свойство, состоящее в том, чтобы производить в другом то или иное (действие – А.К.) и обнаружить себя своеобразным способом в своём отношении к этому другому» [Ленин т. 29:134].

4) Идеальная сторона языка тоже не произвольна, ибо она, как считает большинство лингвистов, отражает действительность

Панфилов считает, что Соссюр сводит идеальную сторону языковых единиц к значимости, что идеальная сторона языковых единиц произвольна, т.е. она не является результатом отражения действительности, ибо она – продукт системных отношений. [Панфилов, ВЯ, 1975, №3:34]. Если идеальная сторона слова тоже имеет знаковую природу, пишет Панфилов, то это логически вытекает из той концепции сущности языка, согласно которой языковые единицы есть продукт тех отношений, в которых они живут в языковой системе и порождается этими отношениями. Это есть отождествление значения с отношением между знаками. [Панфилов 1982:68 – 69]. Панфилов отрицает понятие «значимости» Соссюра, потому что она сходна с дистрибутивным анализом, согласно которому для определения

значения слова и других уровней достаточно учесть дистрибуцию этих языковых единиц, т.е. их окружение. По Панфилову, языковое значение невозможно определить на основе синтагматических связей. Следовательно, идеальная сторона языковой единицы не может рассматриваться как продукт её отношения с другими языковыми единицами. Идеальная сторона языковой единицы имеет ту же природу, что и содержание абстрактного, обобщённого мышления, формируется в связи с отражением объективной действительности, есть её образ и не может рассматриваться как знаковая по своей природе. [Панфилов, ВЯ, 1975, №3:35].

По Панфилову, практика лингвистических исследований и опыт машинного перевода показали, что языковое значение невозможно определить не только на основе учёта синтагматических связей, но и всей совокупности системных связей соответствующих языковых единиц и что, следовательно, идеальная сторона языковых единиц не может рассматриваться только как продукт её отношения с другими языковыми единицами.

Будагов считает, что значения слов имеют абсолютные свойства, не зависящие от системы языка. Значение определяется отражением объективной действительности, а система языка лишь оформляет и видоизменяет содержание значения. «Для всякого русского человека прилагательное, например, *красивый* имеет определённое значение не только потому, что оно соотносится с прилагательным *некрасивый*..., но и „само по себе“, как слово русского языка, имеющее определённое значение» [Будагов, ВЯ, 1978, №4:7]. Серебренников справедливо рассматривает значения слов не как отражения реального мира, а «как порождение человеческой фантазии», тем самым неосознанно указал на действительно условный знаковый характер языка, в котором все его единицы познаются только в системе: *смерть пожинает свои плоды; солнце скрылось за горизонтом; река играет; промчались годы*. [Серебренников 1988].

Ссылка Панфилова на то, что значение слова есть отражение действительности, и стало быть слово в любом его значении не нуждается в какой-то дополнительной структуре, есть типическое заблуждение некоторых лингвистов, будто знаки *стол, стул* отражают свойства этих предметов. Отброшено основное свойство знака – его условность, немотивированность, отсутствие в знаках свойств отражаемых предметов.

Самым убедительным фактором реальности теории релятивизма, относительности в языковой системе служат классификации слов по частям речи в разных языках. Нет ни одного слова вне этих частеречных систем. Если слово принадлежит к какой-либо части речи, то оно уже а priori наделено какими-то определёнными морфологическими и синтаксическими признаками. Если в языке рождается новое слово, независимо от того, как оно произошло, оно одновременно снабжается также его морфологическими и синтаксическими формами.

5) «Субстанция» и «отношения» – взаимозависимы и взаимообусловлены?

Правда, представители марксистского языкознания допускают и фактор «системности», «отношений». В формировании идеальной стороны языковых единиц, пишет Панфилов, играет также фактор системности. Поэтому наряду со **значением**, как результатом отражения объективной действительности, Панфилов выделяет и **значимость** как результат действия фактора системности. [Панфилов 1977:81 – 82; 1982:89].

Но роль значения (субстанция) и значимости (отношения) в конституировании идеальной стороны языковых единиц, пишет Панфилов, различна на различных языковых уровнях. Часть морфем полностью лишена значения, их идеальная сторона сводится к значимости. В других морфемах фактор отражения играет основную роль (число у существительных, время у глаголов). Но есть морфемы, идеальная сторона которых образована фактором отра-

жения и системностью. На более высоком уровне – лексическом в конституировании идеальной стороны определяющую роль играет фактор отражения действительности, хотя могут быть и реляционные моменты. Таким образом, пишет Панфилов, методологическая несостоятельность структуралистов состоит в абсолютизации относительной самостоятельности языка в его отношениях к мышлению, в абсолютизации фактора системности языка и реляционных свойств, которые присущи языковым элементам. [Там же:90 – 91]. «Отношения реально существуют, но лишь постольку, поскольку есть отношения вещей... Не существует отношений помимо вещей, но не существует и вещей, их свойств вне их отношений» [Там же:73]. «С позиций диалектического материализма отношение – это всегда отношение вещей по какому-либо свойству, присущему каждому из них. Не существует отношения вне отношения вещей [Панфилов 1977:60 – 62]. Связи не существуют в пустоте, их нельзя отрывать от предметов материального мира, от природы явлений...» [Филин 1982:25].

Всякое отношение существует между чем-то и чем-то. Если нет этого «чем-то и чем-то», то нет и отношения. Во всяком знаке есть то, что не есть отношение, он не сводим к отношениям. Система отношений предполагает члены отношения. Но эта «система отношений» есть отражение того или иного предмета, следовательно, нет никакой системы отношений внутри знака или между знаками. Знак вещи не пустая форма, он наполнен содержанием, которое он позаимствовал от той связи, знаком которой он является. [Лосев 1995:66 – 67].

Но «значимость» Соссюра включает и значения: каждое средство есть именно такое не потому, что оно само по себе такое, а потому, что окружается значениями других слов, отличных от первых. Все объекты познания характеризуются связанностью, взаимообусловленностью, все они структурны по своей природе [Чесноков 1966:109]. Природа единицы состоит в его отношении к какому-либо факту мышления. Но сущность единицы не только в её внутренней природе, но и в системе других явлений этого же порядка. Внутренняя природа других единиц также состоит в их отношении к определённым фактам мышления. Следовательно, сущность языкового факта характеризуется его прямым отношением к соответствующему мыслительному факту, так и к другим фактам мышления через другие факты языка [Там же:207].

В языковой структуре закономерные отношения между её компонентами устанавливаются на основе реальных качеств этих компонентов. Эти качества есть основа для её дальнейшего развития, которое осуществляется в соответствии с особенностями данной структуры. Между тем и другим устанавливаются отношения взаимозависимости. [Звегинцев 1962:74].

Если полагать, пишет Ломтев, что знак не имеет значения вне контекста и получает его только в контексте, то мы допускаем, что значение знака есть его функция и всецело определяется контекстом. Если считать, что языковой знак отражает объективную действительность, то мы признаём, что значение знака обладает собственной природой, а контекст лишь уточняет значение слова, но не определяет его. Таким образом, не контекст определяет значение слова, а, напротив, значение слова определяет контекст. [Ломтев, ВФ, 1960, №7:131].

Каждый компонент системы имеет свои внутренние признаки, независимые от системы, но находясь в системе, отдельный компонент приобретает и реляционные свойства как результат его взаимодействия с другими компонентами. Элементы любой системы настолько определяются системой, настолько они сами определяют её. Каждый элемент в шахматной игре является таковым именно потому, что он отличен от других, но и в силу своих внутренних свойств. Если бы он сам по себе был иным, то и отношение других элементов к нему было бы иным. Ладья – 2-я фигура в игре по боевой силе не только потому, что она по боевой силе вторая фигура в игре, но и в силу своих собственных качеств. Если она станет 1-й фигурой, то это приведёт к изменению реляционных признаков других фигур.

«Всякая система, таким образом, есть единство абсолютного и относительного. Точно так же и в языке: каждое слово особо потому, что не есть другое. Язык есть сложная система средств общения и их значений, но именно в силу этого он не может быть чистой формой, голой структурой, а выступает как единство вполне предметных чувственно-материальных фактов и их значений, объединённых закономерными отношениями. [Чесноков 1966:111 – 112].

Но марксистские лингвисты оставляют лазейку: какие ещё качества имеет ладья, кроме «боевой силы»? Никаких, сугубо шахматных свойств и «собственных качеств», кроме деревянного, стеклянного, фарфорового материала, из которого шахматная фигура сделана. А материя шахматной фигуры не имеет никакого значения, ибо не относится к правилам шахматной игры. Вместо «крепостной башенки», как обычно выглядит ладья, можно на её место положить пятак, т.е. придать ему те же структурные свойства, т.е. «боевую силу» ладьи, и этот пятак будет точно так же работать, как настоящая ладья. Мало заметная лазейка сбивает с толку легковёрных лингвистов.

Как мы должны фактически понимать взаимоотношение «субстанции» и «отношения»? Некоторые марксистские лингвисты полагают, что важно и то, и другое, и субстанция, и отношения, в которых живёт субстанция, *Item per item*, т.е. яйцо и курица и первичны, и вторичны одновременно. Это положение, проецируемое на язык, по мнению Будагова, значит: значения отдельных языковых единиц существуют объективно, хотя многообразия их свойств обнаруживаются в **системе** языка. [Будагов, ВЯ, №4:1978]. «Этого быть не может, потому что этого никогда не может быть» – вот лозунг «субстантивистов». Это означало бы, что знак не условен, но обязателен для данной вещи, есть её необходимая сущность. Это ещё раз подтверждает Соссюровскую формулу знака, что язык есть форма, а не субстанция. Язык – лишь произвольная, немотивированная метка для соответствующих категорий мышления, которое и решает все проблемы материи и содержания в знаках, вплоть до того, что изобрело сотни различных по семантико-грамматической структуре языков.

Теорию Маркса о том, что «свойства данной вещи не возникают из её отношения к другим вещам, а лишь обнаруживаются в таком отношении», невозможно перенести на язык. В языке нет соотношений «двух физических тел» самих по себе, между этими «телами», т.е. материальным знаком (1) и внешним предметом (4) стоят два идеальных, логических образа – от знака, его материи, т.е. фонема (2), и от внешнего материального объекта, т.е. понятие (3). Прямое соотношение двух физических тел реально только в природе, в языке же нет прямого взаимодействия двух физических тел (звука и предмета), т.е. между уровнями в знаке (1) и (4), между ними лежит посредствующее звено в виде двух идеальных образов – от знака (1) и от реальной вещи (4).

Если между двумя физическими телами нет промежуточного звена в виде идеальных образов этих физических тел, то это уже не язык, коммуникация не может осуществиться, ибо никакая внешняя материя в мозгу жить не может, она прежде должна получить статус идеального образа. Реальный язык существует только в виде системы четырёхуровневых материальных знаков – два материальных крайних уровня (чувственное мышление в виде двух чувственных образов – материальный знак и материальный предмет) и два идеальных средних уровня (абстрактное, логическое мышление в виде двух идеальных образов – фонемы и понятия).

Если приложить формулу Маркса к языку («Свойства вещи не возникают из её отношения к другим вещам, а лишь обнаруживаются в этом отношении»), то в данном случае мы пытаемся построить язык только на уровне чувственного мышления, на непосредственном восприятии двух материальных предметов – материи знака и материи внешнего объекта. Такой язык реально не существует и существовать не может. Реальный человеческий язык существует исключительно в виде двух абстракций – от слова *дерево* (фонемы),

и от реального предмета *дерева* (понятие). Звуки и буквы воспринимаются собеседником только в обобщённой, абстрактной форме в виде их идеальных, мысленных образов.

Да, действительно, субстанции и их отношения друг с другом взаимодействуют и в реальном мире, и в языке. Но только с огромной разницей между ними: в реальном мире взаимодействие между двумя материальными объектами на этом и заканчивается. Это ещё не язык, ибо в языке два материальных тела взаимодействуют друг с другом не непосредственно, а через промежуточное идеальное звено. Между двумя материальными предметами стоят два их идеальных, абстрактных образа – от звука или буквы и от предмета. В языке чувственная форма мышления переходит в абстрактную или логическую форму, т.е. человек начинает воспринимать мир и завершает это восприятие чувственной формой своего мышления, а между этими двумя противоположными полюсами в мышлении лежит понятийное, абстрактное мышление – от знака (фонемы) и от предмета (понятие), служащие мостиком между знаком и предметом, языком и миром.

Продемонстрирую взаимоотношение «субстанции и отношения» на наглядном примере. Например, Щерба выделил «грамматическую структуру», т.е. «отношения» в предложении: *Глокая куздра штеко будланула бокрѣнка*. Все члены предложения и части речи здесь видны через грамматическую структуру, но нет ни одного слова с понятным для нас, русских, семантическим значением. Здесь в чистом виде отражены все отношения, но нет «субстанций». Почему? Потому что знаки, образующие эту конструкцию, не соотношены ассоциативно в **сознании человека** с каким-либо объектом, вещью. Такое предложение есть воплощение грамматических отношений, не отягощённых никакими семантическими значениями, «субстанциями». Такие предложения не могут быть фактом языка, так как они ничего не выражают, не сообщают. Они находятся вне связи с суждениями, в отрыве от которых не может существовать предложение. С точки зрения своей функциональной значимости они равны нулю. Они не обладают реальными языковыми качествами, они находятся за пределами языка. Это – структура чистых отношений. Поэтому, по мнению Звегинцева, *глокая куздра* остаётся лингвистическим гомункулусом. [Звегинцев 1962]. Почему? Звегинцев не досказал: потому что в сознании человека нет никакой *куздры*, *будлануть*, *штеко*, потому что мы не договорились с данным народом, на языке которого написано это Щербовское предложение, к каким предметам, признакам, свойствам предметов отсылают эти условные знаки. Эти структурные формы надо заполнить мыслями, которые находятся не в самой материи слов, а в сознании человека в виде логических абстракций. А так как они абстрактны, находятся в сознании, то их реализовать вовне мозга можно только в определённых структурах.

Но верно и обратное – если мы под того же Щербовского гомункулуса (но через другой пример) подведём аналогичную структуру, состоящую лишь из семантических субстанций, то мы получим, например, следующее: *слабо, комната, тусклый, освещать, лампа*. Если в это предложение включить один из вариантов его структуры, то мы раскроем его смысл: *Комната была освещена тусклой лампой*. Я пишу «из семантических субстанций», хотя на самом деле уже в отдельных словах, вне их синтаксических функций, присутствует также морфологическая форма: наречие; ж. род, им. падеж; м. род, им. падеж; инфинитив глагола; ж. род, им. падеж; наречие.

Как из первого «грамматического» предложения, так и из второго, «семантического» предложения мы кое-что понимаем, догадываемся. Но это не язык, не средство познания и коммуникации. Теперь мы объединили оба «гомункулуса», т.е. наполнили Щербовские грамматические формы реальным смыслом, который живёт не в словах, а в голове. Мы получим одно из истинных суждений, представленного семантико-грамматической структурой: *Тусклая лампа слабо освещала комнату*. На её фоне мы видим то, что я сказал выше: мы получили не две реально взаимодействующие физические субстанции, что имели в виду

марксистские лингвисты, а одно абстрактное логическое суждение, строевыми элементами которого являются отдельные языковые знаки с их внешне выраженными материальными (1) и в мозгу закодированными их идеальными образами (фонемами) (2), которые по психической ассоциации вызывают идеальные образы внешних предметов (суждений) (3), которые, в свою очередь, восстанавливают их чувственные образы, переходя на «нижний этаж» мышления – в чувственные образы (4).

Некоторые лингвисты высказали мысль о различной степени семантической зависимости разных типов слов от грамматической структуры языка. Например, в словах, выражающих понятие предметности (автосемантические слова), номинативная функция преобладает, в противоположность синсемантическим словам (предлоги, союзы, частицы). Это лишь кажущееся различие. Мы до того привыкли к предметным словам (*дом, стол, дерево*), что уже не замечаем, что они – те же условные знаки и не выражают свойств ни *домов*, ни *столов*, ни *деревьев*, что они тоже живут в определённых грамматических структурах, хотя по отношению к ним мы выработали автоматизм их бессознательного употребления, не задумываясь, в каких структурах мы должны употреблять эти слова. В родном языке мы употребляем слова почти автоматически, но только до тех пор, пока не столкнёмся с «муками слова».

Без многоуровневого грамматического механизма языка не могла бы реализоваться смысловая сила лексики. Сила эта состоит в том, что уже с самого раннего детства у человека начинает вырабатываться способность к комбинированию слов. Бесконечное разнообразие окружающих нас вещей, событий, действий, отношений, качеств требует их названия. Без структурных характеристик это обилие слов не удержать в осмысленном высказывании.

Семантика слов связана с предложением, текстом. Адекватное восприятие значения слова возможно лишь в условиях однозначности слов, а она должна быть той же в объёме предложения и даже текста. В этом случае семантика становится частью синтаксиса предложения и частью теории текста. Поэтому мы подставляем части речи в любом языке, добытые на логической основе, что и происходит в современных грамматиках, под удар грамматического строя языка, постоянно приходим к тому, что в языке всё зависит от «формальных размежеваний» (Э. Сепир), что от грамматического строя языка никуда не укрыться, как бы мы не освящали части речи логическими категориями. Тезис о логической или семантической природе частей речи повис в воздухе.

Единственным путём, который может привести к объективному, непротиворечивому исследованию слов, является путь грамматический, постулируемый самой знаковой природой языка. Части речи – не навязываемая языку классификация, не научная фикция, но живая объективная данность, заложенная в самой языковой природе. Если внешними выразителями изменяемых слов в языке служат прежде всего морфологические категории (род, число, падеж, наклонение, залог, время и др.), то внешними выразителями неизменяемых слов служит их поведение в структуре синтаксических единиц, вне которых они не распознаваемы.

Итак, структура данного языка есть ключ к пониманию самого себя и других. Ф. Соссюр: «...великим заблуждением является взгляд на языковой элемент просто как на соединение некоторого звука с неким понятием. Определить его так, значило бы изолировать его от системы, в состав которой оно входит. Это повело бы к ложной мысли, будто возможно начинать с языковых элементов и из их суммы строить систему, тогда как на самом деле надо, отправляясь от совокупного целого, путём анализа доходить до заключённых в них элементов.»

Где находится некоторое значение, смысл слова? В самом знаке или вне его? Значение отличается от знака, оно не в материи знака, т.е. немотивированного и условного носителя значения. Для существования значения необходима не только материя знака, т.е. сам знак, но и наличие того, кто воспринимает знак как его интерпретатор. Значение находится

в голове в виде абстрактного образа предмета, а материя знака находится тоже в голове, но в виде чувственного восприятия этого знака. Значение есть отношение особого рода. Мысль, глубоко внутренняя, не включается в слова, а находятся вне их и связана с ними не неразрывно, а условной, немотивированной связью. Название какой-либо вещи не имеет ничего общего с её природой. Если бы мысль входила в слово, в название вещи, то слово имело бы нечто общее с природой этой вещи.

Смысл – это то, что отражает реальную действительность. Но смысл не может быть регламентирован самой знаковой природой человеческого языка, ибо знак – произволен и немотивирован. Если знаки уже заранее регламентируют действительность, то это значит, что он уже заранее известен, разгадан. Но как только слово будет введено в текст, оно тут же приобретает новое значение. Эти новые значения будут постоянно повторяться, они могут приобрести функцию одной из частотных лексем и войдут в словарь как словарное слово. Так появляется словарь языка. Знаковая система динамична, одно значение слова связано с другим, именно поэтому значения слов изменяются в зависимости от их ансамбля.

Так как в процессе коммуникации передаётся новая информация, то значение каждого слова, входящего в структуру этого предложения, в какой-то мере изменяется. Поэтому лексическая полисемия открывает широкие возможности для включения этих слов в ансамбль слов. Изменённые значения суть результат изменённых синтаксических связей в этом предложении. Смысловые связи в отличие от грамматических, не заданы заранее, их надо найти и интегрировать в модели данного предложения. В этом случае структурная модель предложения будет смыслом отрезка речи. Значит, смыслом, т.е. данным значением предложения будет то, что тождественно в разных лексических оформлениях.

Если взять любой, более или менее подробный словарь, то мы поражаемся тем множеством значений, которым обладает почти любое слово. Решающим принципом для употребления любого знака является только контекст, т.е. дистрибуция слова в данном тексте. Всякий знак получает свою полноценную значимость только в контексте других знаков.

Знаковая теория языка не может обойтись без понятия структуры, ибо знак нельзя представить себе чем-то изолированным от всех остальных знаков. Структуры и модель являются теми необходимыми принципами, без которых невозможно конструктивное понимание знака. Знак, лишённый всякой конструкции, не соотносится определённым образом с другими знаками.

Реальными языковыми единицами являются представленные языковыми звуками, знаками, значениями элементы соотношений. Эти соотношения и составляют систему языка, и именно эта внутренняя система является характерной для данного языка в отличие от других языков, а проявления языка в звуках, буквах, знаках остаётся безразличным для самой системы языка.

Способность языка как набора конкретных единиц отражать бесконечный калейдоскоп опыта зиждется на том, что язык представлен в нейронных связях мозга как чрезвычайно сжатая структура, в которой все элементы, будучи конечными, существуют только как элементы этой структуры. Поэтому один и тот же языковой знак, обладая набором различных грамматических свойств, выступает, например, то как модальная частица, то как логическая частица, то как качественное наречие, то как прилагательное и т. д. Можно сказать, что каждый знак, только превратившись в какую-либо часть речи, представляет собой общий семантический сегмент, некий семантический инвариант значения, перекрещивающийся в различных частях речи, его структурных особенностях. Например, в немецком языке слова почти всех частей речи (кроме междометий и личных местоимений), втянуты в сложнейшую систему **взаимопроницаемости** частей речи, являющуюся отражением механизма фиксации языка в мозгу и свойств человеческой памяти.

6) Итак, что первично в языке: «субстанция» или «отношения»?

Вот два высказывания Маркса: «... Способность вещи есть нечто внутренне присущее вещи, хотя это внутренне присущее ей свойство может проявляться только... в её отношении к «другим вещам». [Маркс, Энгельс, т. 26, ч. 3:143]. «... Свойства данной вещи не возникают из её отношения к другим вещам, а лишь обнаруживаются в таком отношении...» [Маркс, Энгельс, т. 23:67]. Эта теория Маркса ввела многих лингвистов в заблуждение. Маркс пишет о взаимоотношении двух материальных тел, каждое из которых ещё до их взаимных отношений **имеет собственное качество, и оно не меняется**, оно лишь **проявляется** в их взаимном отношении.

Если эту формулу применить к языку, то это означало бы, что любое слово в языке имеет своё собственное качество, т.е. **значение**, и оно не **меняется** при соприкосновении с другими знаками, а лишь **выявляется** это их качество, т.е. его значение остаётся неизменным. А это и есть свидетельство того, что заранее приписанное слову **значение** всегда должно быть постоянным, независимым от структуры предложения. В таком случае смысл знаков независим от любой другой структуры предложения, он постоянен и, следовательно, уже не условный знак, а значащий символ, самостоятельно отражающий мир. Мой язык есть мой мир.

В языке нет знаков, свободных от структурных отношений с другими знаками. Если мы представим себе роман «Война и мир» в виде свободного набора отдельных слов, каждое из которых имеет своё собственное, постоянное значение, и лишённое грамматических форм (хотя и здесь мы не можем назвать ни одного слова без указания на его принадлежность к какой-либо части речи, т.е. на его морфологические формы – род, число, падеж, время в русском языке), то мы не получим романа. К таким словам относятся прежде всего неизменяемые или синсемантические слова. Каждое слово знаменательной (автосемантической) части речи, например, русского языка, уже в своём понятии указывает на свою зависимость от системы, ибо он наделён своими грамматическими (морфологическими, синтагматическими, словообразовательными) формами. Каждое вновь рождающееся слово, как номинативный знак, есть условный, произвольный знак какого-то предмета, действия, качества, признака, и, будучи употреблённым в потоке речи, должен иметь в ней своё твёрдое место по отношению во всем другим знакам. Это и есть строгие грамматические правила, правила взаимоотношений знаков между собою, которые не может обойти ни один знак. Вот какую роль играют языковые знаки, главным свойством которых является их условность, немотивированность, структурность, грамматическая сочетаемость, их способность замещать в сознании человека реальные вещи через их идеальные образы – фонемы, понятия, суждения, умозаключения. Это и есть следствие того, что знаки произвольны, не мотивированы, не отражают сущности вещей, а являются лишь их внешними этикетками.

Знак условен, органически не связан с предметом, но строго закреплён обществом за определённым предметом и его понятием. Следовательно, чтобы выразить суждение, надо подобрать не просто знаки, но нужные знаки к нужным понятиям, мыслям, суждениям, а эти «нужные знаки», уже априорно наделенные своими грамматическими признаками, поставить в соответствующие морфологические и синтаксические структуры. Мысль не выразима без материальных устных или письменных знаков. Чтобы выразить мысль, надо к ней подобрать нужные знаки, что в принципе делается автоматически. Но это не значит, что знаки замещают само мышление, напротив, мышление само выбирает для себя нужные знаки. Уже в словаре каждый материальный знак есть знак, и по его звуковой (буквенной) форме мы определяем понятие. Но так как за одним знаком закреплено множество понятий, то

здесь особенно необходим контекст, т.е. структура предложения, семантика составляющих его слов, и даже соседних предложений.

Однозначное слово тоже узнаваемо – по его месту в предложении, его структуре, ударению, связи с другими словами. Структура языка, его компонентов, есть материя, звуковая или буквенная, но за ней стоит идеальное в самом знаке (фонемы), и идеальное в самом материальном внешнем предмете (понятия). Но эти оба идеальные образы находятся в мозгу. Вот эти понятия о предметах структурированы в тексте так, чтобы они были понятны мозгу слушателя и читателя. Если бы знак не замещал вещи, не был бы условной меткой этой вещи, а был бы ей подобен, связанной с ней органически, тогда не нужна была бы структура. Но так как знак условен, то для формирования мысли, удержания её и передачи её другому, надо озвучить материальный знак, который, хотя и условен, но социально строго закреплён за каким-либо понятием.

Итак, что первично в языке – **субстанция**, т.е. значения знаков или структурно-грамматические **отношения** между ними?

1) Если мы будем считать главным, формирующим наш язык, **значения** знаков, как считают марксистские лингвисты, то это ведёт к отрицанию произвольности, условности языкового знака. Но если это языковой знак, то он не может не быть условным, произвольным, немотивированным.

2) Если мы будем считать главным, формирующим наш язык, **значения**, то любой знак обязан быть органически связанным только и только с данным предметом. Каждая вещь, будь она материальная или идеальная, должна иметь отдельный знак. Это бессмысленно, ибо человеческая память ограничена и не может вместить названия всех предметов, связей, отношений, качеств, существующих в мире. Будет разрушена вся сфера языкового сознания человека, ибо его память не безгранична, процессы познания и коммуникации станут невозможными.

3) Если марксистская теория считает главным, формирующим наш язык, **значения** и отвергает релятивизм, т.е. структурность языка, значит, язык представляет собой беспорядочное нагромождение слов, наподобие кучи кирпичей.

4) Если мы будем считать главным, что формирует наш язык, **значения**, то это означает, что мы наделяем материальные знаки самостоятельной функцией мышления, т.е. значением, которое, однако, локализовано не в самой материи знака, а в сознании человека. Следовательно, мы утверждаем в таком случае, что каждый знак имеет независимое от мозга существование.

5) Если мы будем считать главным, формирующим наш язык, **значения**, то в многозначных словах мы не сможем определить, что есть что, какой предмет имеется в виду, например, под знаком *коса* и в тысячах других слов, каждое из которых или многозначно, или может быть употреблено в любой семантической функции.

6) Если мы будем считать главным, формирующим наш язык, **значения**, то каждый знак должен быть подобен своей вещи и никакой иной. Это сразу же исключает существование сотен языков на Земле, ибо каждый знак обязан быть или реальным предметом, или его качеством, свойством, которые для всего человечества – одни и те же. Это означало бы, что человечество имело бы в своих языках столько слов, сколько существует предметов, свойств, качеств, отношений, помноженное на количество существующих языков. Если знак не произволен, а сросшийся с реалиями действительности и напрямую запечатлевает в себе свойства предметов, то как быть с другими языками, коих немереное число? Значит у носителей этих языков столько реальных миров, сколько на свете языков

7) Если **значение**, как считает Панфилов, есть результат отражения действительности и аналогично этой действительности, если каждый знак подобен предмету, то это означает, что значение, понятие находится в материи знака, а не в мозгу человека, хотя мозг произ-

вольно назначил для каждого предмета свою, внешне воспринимаемую материю и указал на соотносимый с нею предмет как своего представителя в мышлении, в сознании. Хотя значение знака как его логическое понятие находится в мозгу, однако оно не отражает действительность, а лишь указывает имя соответствующего отрезка этой действительности, чтобы отличать его от других отрезков. А сущность этого отрезка действительности лежит не в самом названии, имени, оно лишь указывает на существование этого понятия и на его место в соответствующем ряду таких же понятий. Сущность вещи познаётся работой мышления, которое, чтобы раскрыть сущность чего-либо, привлекает новые знаки или использует старые, строит из них суждения и умозаключения. Этими вопросами занимаются все прочие науки, кроме языкознания.

8) Если мы будем считать главным, формирующим наш язык, его самостоятельные **значения**, независимые от их структурных свойств, то язык был бы уже не язык. Романы, повести, стихи были бы написаны в виде нагромождения отдельных слов, были бы изолированы от общей структуры, представляли бы собой бессмысленный набор знаков.

9) Если мы будем считать главным, формирующим наш язык, **значения**, то язык был бы уже не язык, а реальный мир, язык исчез бы, а вместе с ним и человек. Вот невинные следствия, к счастью только на бумаге, для тех, кто считает субстанцию, т.е. материю знаков и их значения равных самим себе, в самих себе и для себя, вне взаимосвязи друг с другом, считает центром и сущностью языка. Вот такие **логические** выводы следуют из невинной лингвистической забавы многих лингвистов, рождённой в недрах «марксистской» теории, искажающей сущность языка, вопреки учению своих же учителей.

В языке есть и материальное, и идеальное, значения, и они порождены, якобы, не внутрисистемными отношениями, а реальным миром. Тогда спрашивается: в какой форме – материальной или идеальной – находится в мозгу человека материя знаков и внешний предмет? Только в виде их идеальных абстракций: звуки и буквы в виде фонем и графем, предметы – в виде понятий, суждений, умозаключений. Чтобы удержаться в голове людей, говорящих на сотнях разных языков, эти идеальные образы должны быть строго структурированы, находиться в сложнейших взаимосвязях и взаимоотношениях. Именно поэтому язык, вопреки теории некоторых лингвистов, и есть релятивистский каркас.

Языковое значение, по Панфилову, есть образ действительности, оно не знаковое, не системное, не условное. Если язык – это образ мира, то мир можно познать через устройство языка, следовательно, мы будем иметь столько же миров, сколько существует языков. Как удержать эту действительность в голове, манипулировать её отдельными частями, передавать её другим и воспринимать её от других? Великую роль в этом играет языковой знак со всеми его свойствами, главное из которых – его абсолютная условность, произвольность, немотивированность и структурность.

10) Если мы будем считать главным, формирующим наш язык, **значения**, то марксистских лингвистов следовало бы назвать научными плагиаторами, ибо за 200 лет до них герой повести Джонатана Свифта «Гулливер», путешествуя по различным странам, обнаружил страну, где люди, не будучи ещё знакомыми с марксистскими теориями, опередили их на 200 лет, потому что для них материя знаков в их языке была единственным, главнейшим признаком их языка – те же реальные предметы, носимые в мешках. Поэтому эти люди не изобрели никаких языковых знаков, а пошли по наилегчайшему пути – использовали для целей коммуникации реальные предметы, носимые их слугами в мешках, демонстрируя их во время «разговоров». Но какой мешок нужен, чтобы вместить весь мир? Вот в чём сущность языковых знаков, а, значит, и всего языка в рассуждениях сторонников **субстанционизма**.

11) Если мы будем считать главным, формирующим наш язык, **значения** слов, то мы погрязнем во многих противоречиях. Марксистская философия справедливо утверждает

субстанциональный подход и считает, что существуют только реальные вещи с их реальными признаками, которые проявляются только в отношениях друг с другом. Вещи первичны к их отношениям, а не отношения первичны к вещам. Однако этот тезис перенесён лингвистами в языкознание: якобы семантика рождает грамматические структуры, а не грамматические структуры ведут за собой семантические значения. Но язык в целом, не материальная вещь, он целиком состоит из идеальных сущностей, кроме материи звуков и букв. Но и они, будучи необходимыми и неизбежными для жизни языка и человека, живут в сознании лишь в их идеальной форме.

Понятие реальной вещи и её соотношений с другими вещами как нечто материального перенесено в область языка, в область взаимодействия абстрактных сущностей. Действительно, слово – тоже материя и, как вещь, имеет своё значение. Но эта материя – особого рода, она тоже природного свойства, но суть этой материи в том, что она, но уже в идеализированной форме, принадлежит мозгу, сознанию, и без него не было бы ни языка, ни человека, в противоположность реальным вещам и предметам, появившихся до человека и живущих помимо воли человека. Главное в языковой материи состоит в том, что она, будучи материальной, превращается в сознании человека в её противоположность, в её двойника, в её идеальный образ. И в то же время этот идеальный образ языкового знака (фонема) становится также и идеальным образом внешнего предмета (понятие) (в модели знака – это уровни (2) и (3)), т.е. материя языкового знака выступает в сознании человека дважды: и как идеальный образ материи знака (фонема), и как идеальный образ материи внешнего предмета (понятие).

12) Если мы будем считать главным, формирующим наш язык, **значения** знаков, то мы должны признать, что фонема – не результат внутрисистемных фонологических противопоставлений, потому что звуки не создаются этими противопоставлениями, а используются лишь для различения звуковых единиц. Но ведь не звуки различают языковые единицы, а их идеальные образы, фонемы, не субстанция, а форма. Налицо – полное отрицание фонемы, фонологии, возврат к дободуэновским временам, к теории «дегуманизации» языка.

13) Если мы будем считать главным, формирующим наш язык, **значения** знаков, то мы должны признать, что в материи языкового знака не лежат, кроме его двойного свойства превращаться в сознании и в идеальный образ знака (2), и в идеальный образ вещи (3), ещё два величайших свойства мышления: а) свойство логического обобщения множества однотипных, но индивидуально воспроизводимых разными говорящими различных звуков, букв и б) свойство логического обобщения множества объектов, предметов, понятий под одним материальным знаком, т.е. отрицать многозначность: слово *берёза*, как бы оно не было произнесено или написано, аккумулирует в себе обобщённо идеальные образы всех берёз мира, со всеми их индивидуальными отличиями.

Это означало бы, что в языке имеются три разных материальных знака для наименования одного и того же предмета, например, *коса* (отмель на реке, инструмент для кошения травы, женские волосы). На самом деле это один и тот же знак, обладающий тремя различными логическими понятиями, но распознаваемых в различных лексико-грамматических отношениях, которые и диктуют соответствующие абстрактные образы, т.е. понятия.

В основе способности языка порождать бесконечный ряд уникальных предложений лежит его структурный характер. Например, количество фонем в русском языке – 41 (в том числе 6 гласных, т.е. 15%), в английском языке – 44 (в том числе 20 гласных, т.е. 39%), в немецком языке – 40 (в том числе 17 гласных, т.е. 38%). Каждый язык содержит морфем больше, чем фонем, а слов больше, чем морфем. И только наивысших единиц – предложений – бесконечное число. Сущность языка заключается не в сумме предложений, а в его **структурном характере**, т.е. в способности ограниченного числа элементов языка (хотя и чрезвычайно большого) сочетаться с ограниченным количеством правил сочетания, что и позволяет «порождать» бесконечный ряд речевых произведений.

Из принципа структурности языка ясно, каким образом язык с ограниченным числом единиц, т.е. конечным набором единиц и конечным набором правил их связи, обладает бесконечными комбинационными возможностями. Ограниченность лексикона языка и правил их связи – необходимый признак языка, связанный с компактностью и экономностью записи языковой системы в нейронных связях мозга, а в конечном счёте – с ограниченностью человеческой памяти. **Продуктивность** человеческого языка которая зиждется не только на знании человеком всех строительных элементов языка и правил их связи, но и на психологических механизмах, приводящих в действие эти элементы, а также его **структурный** характер – вот основная сущность языка. Признак «**продуктивности и структурности**» указывают на сущностный характер языка как «языка в мозгу», т.е. как свойства мозга. Познать эти свойства – значит одновременно перекинуть мост к соотношению языка и действительности, языка и мышления, языка и сознания, языка и речи (кстати, изучение этих соотношений и составляет то, что должно быть истинным предметом общего языкознания).

Глава 3

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЯЗЫКА, МЫШЛЕНИЯ, СОЗНАНИЯ, ПАМЯТИ

§1. Мышление, сознание, память

Материальной основой процесса мышления служит 1) система материальных нейронных связей в мозгу; 2) физиологические раздражения, идущие в мозг от органов слуха при воздействии на них звучаний речи; 3) физиологические раздражения, идущие в мозг от органов зрения при воздействии на них письменных знаков; 4) кинестетические раздражения, идущие в мозг от органов речи.

Мышление – это материальный процесс функционирования нейронов в мозгу и преобразование чувственных образов действительности в их идеальные образы на уровне абстрактного мышления. Мышление – это процесс отражения объективной действительности, это сам процесс согласования идеальной модели мира в мозгу с материальным оригиналом, построение его умственной, идеальной, абстрактной картины. Процесс обогащения и перестройки структуры сознания и есть мышление.

Сознание – это совокупность средств и результатов такого отражения. Мыслительные единицы или логические формы (фонемы, графемы, понятия, суждения, умозаключения) суть единицы сознания, единицы психики, церебральные, мозговые единицы. Сознание – это склад, багаж нервно-мозговых связей, а мышление – выборочное использование деталей этого склада. Языковой знак – материя, став идеальной, логической формой, обеспечивает мышление про себя и для других, т.е. речь.

Развёртывание речевой цепи – это процесс мышления как развёртывание нашего сознания, позволяющее воспринимать содержание этого сознания и слушателями, и читателями, и самим автором. Языковые знаки – это условное осознание человеком деятельности собственного сознания. Это значит, что мышление – часть сознания, включающего в свой состав помимо идеального процесса мышления, также отображение действительности в иных формах – эмоциональных, эстетических, волевых. Сознание – это орудие мышления, а мышление – это деятельность сознания, его динамика, его функционирование. Можно сказать, как у Гумбольдта, что мышление – это «энергейя», а сознание – это «эргон».

Сознание непрерывно пересматривает свою статическую структуру под воздействием получаемой и осмысливаемой информации. Сознание и мышление противопоставлены как статика и динамика. Мышление – это конкретное функционирование сознания, это динамика переструктурирования сознания по мере познания мира. Разница между сознанием (статикой мышления) и процессом мышления (динамикой мышления) состоит в том, что сознание непрерывно пересматривает свою статическую структуру под воздействием получаемой информации, т.е. результатов функционирования нейронных клеток. Мышление – это конкретное функционирование сознания. Единицы сознания – это структурные образования от низших (фонемы) до высших (умозаключения) логических форм.

Существует мнение, что сознание есть особая идеальная, нематериальная субстанция, принципиально отличная от субстанции материальной, вещной. Однако никакой бестелесной, нематериальной, идеальной субстанции вообще не существует и не может существовать. Её основой является материя. Сознание есть идеальное состояние как продукт деятельности мозга человека, а мышление – это сама деятельность единиц этого сознания. Идеи, мысли суть состояния клеток мозга и комплекса вполне материальных знаков, представленных в мозгу идеально. Сознание является субъективной реальностью, это накопленное отра-

жение бытия, обобщение и личная практика людей в обобщённой, опосредованной форме – в форме понятий. Сознание есть открывающаяся субъекту картина мира, в которую включён и он сам, и его действия и состояния, это субъективный продукт, преобразованная форма проявления тех отношений, которые осуществляются деятельностью человека в предметном мире. «Сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его». [Ленин, т. 29:194].

Сознания не существует без языковых знаков, которые, в свою очередь, диалектически предполагают наличие сознания. 1) Сознание как абстракция тесно связано с понятием материального знака, для неё это не просто набор знаков, но система тесно взаимосвязанных со знаками психических процессов, которая не дана человеку как нечто врождённое, а постепенно складывается, развивается, уточняется, обогащается. 2) Формирование сознания – это последовательное развёртывание внешнего мира в мыслительное, идеальное. Ребёнок, научившись говорить, ещё не научился думать отдельно от звучащей речи. Думая, он обязательно разговаривает сам с собой, это процесс превращения внешнего действия во внутреннее можно проследить и при чтении: сначала чтение только вслух (громко, потом шёпотом), потом звуков нет, но есть шевеление губами, а потом и это ребёнку уже не нужно, он читает без внешних проявлений своего чтения. Люди в своей общественной, в речевой деятельности производят и своё сознание.

Прежде всего зададимся вопросом: в чём состоит различие между мышлением и сознанием? В структуре моего **сознания** заложены мои **совокупные знания** (со + знание) об окружающем меня мире и обо мне самом, в том числе и знания языка или языков. В материи языка содержатся два абстрактных образа – от материи знака и от материи внешнего объекта (уровни 1, 4 в модели знака), т.е. два идеальных образа от материй, живущих в мозгу (уровни 2, 3 в модели знака) как отражение этих материй в виде их абстрактных, условных названий. Это значит, что в сознании нет ничего, кроме самого сознания, имеющего своё «содержание» и свою «форму».

От сознания как **продукта** мышления, его статического состояния, надо отличать само **мышление** как идеальный **процесс** отражения мира, процесс, в котором задействованы все элементы сознания и рождаются всё новые и новые факты сознания. Все мои знания о мире и мои отношения к нему хранятся в моём мозгу как моё личное совокупное знание или сознание, которое может быть опознано, осознано, выявлено, систематизировано, «передано» другим людям, эксплицировано только и только в виде звучащего (написанного) языка, или точнее – оречевлённого, вербального мышления. Когда я говорю или пишу, я «выношу» вовне «кусочек» моего сознания. Когда я читаю и слушаю, я воспринимаю «кусочек» сознания других. Поэтому слово, предложение, текст – это **всегда** материальный вне-мозговой фрагмент сознания человека.

Как соотносятся мышление как процесс и сознание как статическое состояние памяти? Сознание как продукт есть вторичное по отношению к материальному мозгу, так как и всё духовное, вторично по отношению к материальному. Мышление есть деятельность, процесс, но сама мысль противопоставлена мышлению как нечто не процессуальное. Мысль «выносятся» из головы через языковые знаки, как материальные оболочки идей, понятий. Обычно существует разрыв между пониманием мышления как процесса, деятельности, и пониманием сознания как статического мышления, как продукта мыслительной деятельности, познавательного процесса. Этот разрыв идёт от традиционного разрыва между психологией и логикой. У психологов мышление – это процесс, деятельность, у логиков – понятия как уже готовые мысли, фиксирующие признаки предмета.

Понимание мышления как деятельности, а сознания как продукта этой деятельности, как багажа нервно-мозговых связей, не позволяет их оторвать от мыслящего органа, без которого и независимо от которого мышления и сознания не существует (согласно некото-

рым теориям мысль отражается в языке), и тем самым позволяет отождествить сознание как с результатами, продуктами деятельности мозга, так и с самой деятельностью мозга, ибо единицы сознания – понятия – сами включаются в процесс мышления.

Что такое **память**? Это физиологическое и одновременно психологическое закрепление результатов процесса мышления, множественных рядов последовательностей в поступках, индивидуальных актах, состояниях, умственных и физических действиях. Наследственные инстинкты у любого существа можно тоже назвать разновидностью памяти. В своей физиологической основе – это временные нервные связи в коре головного мозга. Этот физиологический и психический процесс служит организации мысли в речевых актах. Память – это функциональный инструмент накопления информации в процессе жизни людей, способность нервных клеток мозга удерживать в сознании идеальные образы реальных предметов, событий, свойств, отношений. Память – это результат накопления, удержания и преломления в мозгу глубинных биологических процессов, связанных с эмоциональным состоянием индивидов. Память как психическое проявляет себя в процессе запоминания, воспоминания, забывания. Память обслуживает все стороны человеческой жизни, она не материальна, а идеальная продукция живой материи – мозга. Память многослойна, без неё нет движения мысли, творчества. Память имеет объём, глубину и пространственно-временную протяжённость.

Объективно существуют сам человек как реальная действительность, его мышление, сознание, память, логика, язык, речь, текст. Без каждого из этих составляющих компонентов интеллекта человека мозг не работает, следовательно, нет и человека.

§2. Структура мышления

Понятия «язык» и «мышление», в чём никогда не сомневаются люди, настолько спаяны друг с другом, сопутствуют одно другому, настолько неразрывны, что кажется, будто они и родились вместе. Действительно, они неразрывны. Но они «неразрывны» не в духе марксистских лингвистов, а лишь в одном смысле: без языковых знаков познание и общение человека с человеком невозможно, передача идеальных знаний от поколения к поколению, добытых человеческим мозгом и закодированных в материальных знаках невозможно, как и сам человек не состоится. Но язык и мышление «разрывны» не только в том смысле, что они имеют различную онтогенетическую природу, но и в том, что человек может мыслить и без языковых знаков, но только для себя и про себя, и это один из важнейших типов мышления. Поэтому если мы хотим понять язык, мы должны понять мышление, и наоборот. Понятие «мышления» в языкознании, логике, психологии, философии настолько неопределённо и запутано, что под «мышлением» иногда понимают чуть ли не нечто противоположное. И прежде всего потому, что само содержание понятия «мышление» расплывчато и не имеет чётких границ. В понятии «мышление» заложена его сложнейшая сущность, которая ещё не до конца понята, мы ещё не понимаем, но его главные свойства, важные для языкознания и которые вряд ли можно оспорить, состоят в следующем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.